

Катерина Яковлева

ЛИХОЛОВ

Катерина Яковлева

Лихолов

«Издательские решения»

Яковлева К.

Лихолов / К. Яковлева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537642-8

Разбушевался морок и душит землю. Стихли песни, опустели храмы, и брат ополчился на брата, вот-вот начнется война. Но что, если среди всего этого мрака загорится одна искорка любви? Ведьмы, колдуны и нежить, проклятые города, волшебные мечи, дракон, любовный треугольник — все это сойдет в череду противостояния света и тьмы. Удастся ли героям защитить родную землю? Это зависит от того, на какие жертвы они будут готовы. Роман доступен сборником и по томам. #славянскоефэнтези #дракон

ISBN 978-5-00-537642-8

© Яковлева К.
© Издательские решения

Содержание

Роман «ЛИХОЛОВ»	6
Пролог	8
Книга 1. «Искры во мраке»	10
Глава 1. Неожиданные знакомства	11
Глава 2. Разведка	19
Глава 3. Жертвы странствий	38
Глава 4. Неприветливая столица	52
Глава 5. Морок на пути	65
Глава 6. Откровения	81
Книга 2. «Сквозь сумерки»	96
Глава 1. Покидая дом	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Лихолов

Катерина Яковлева

© Катерина Яковлева, 2023

ISBN 978-5-0053-7642-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «ЛИХОЛОВ»

Что будет с миром, если мрак выползет из всех щелей? Если морок обнаглевший рассорит брата с братом, наплодит нечисти повсюду. Связь вековую между пращурами и потомками – оборвет. Опустеют храмы, почернеют реки, страх и отчаяние наполнят мир. Какой жизнью тогда наделит Судьба людей?

Посмотрела Мать-Судьба на Зеленую Твердь. Увидела людей, оплакивающих смерти бесчисленные и бессмысленные. Узрела обнаглевших чудовищ и жрецов тьмы, приносящих кровавые жертвы. И сказала Судьба: «Хватит!» Издала боевой клич, сорвалась с небесных вершин да полетела: выискивать таких мужей и жен, в ком еще хоть по искре света осталось.

Сыщутся ли по городам и весям сердца горячие и доблестные? Такие, чтобы взяли на себя всю тяжесть боя за свет? Чтобы в сумерках неверных, никем в тылу неприкрытые, достали мечи из ножен и вышли на поединок со страхом земным? Соберутся ли в единый факел? Не запоздала ли Судьба Матушка? Кто о том знает...

Пролог

По старым горным преданиям Судьба родилась в тот же час, когда родилась и сама Вселенная.

Некоторые культы считают Судьбу дочерью Мрака – ведь до появления звезд в мире правили Тьма и Безмолвие. И культы эти также исполнены чернотой, как и безлунная облачная ночь. Жрецы их жестоки, алчны и не гнушаются ни черной магией, ни жертвоприношениями. Такие верования сильны к северо-западу от Серебристых гор. Народы, живущие в тех местах, воинственны по отношению к чужакам и иноверцам. Ибо высшей целью своего существования считают подчинение мира Темной Госпоже Судьбе. Им верится, будто, насаждая повсюду свое влияние и свою веру, проливая кровь отступников, они ублажат высшие силы мироздания – Тьму и Безмолвие. Ради услужения Темной Госпоже люди отрекались от памяти, разрывали связь с предками своими, и песен не пели, и закон ставили выше любви. И, надо сказать, странное дело, но, сколько бы войн ни разрушало северо-западные долины, необычайно быстро государства те восстанавливались и обогащались, вновь вознося высоко свое черное знамя. Золото всегда водилось в тех краях с избытком, хватало его на подкупы соседей и на содержание грозной армии. Как бы не мрачен был народ северо-запада, многие иные души соблазнились на драгоценности.

Другой же, не менее древний культ, учил, что Судьба родилась одновременно с рождением звезд, значит, соткана из того же живительного света, что и созвездия, и Солнце, и Луна. А ведь все знают, что свет – это форма любви. Значит и Судьба, властительница мира, есть высшая честнейшая и светлейшая мать. На ослепительных крыльях носится она над миром и озаряет каждый уголок. Свобода, братская любовь ко всем живым существам и щедрость – были столпами той религии. Преданные Матушке Судьбе пели песни. Верили, что музыка, звон колокольчиков, добрая мелодия – разгонят любой мрак. Эта светлая вера брала свое начало у культур жителей Серебристых Гор, но не у людского народа. У лучезаров – рассы, появившейся в мире еще раньше первого человека. У существ, прекрасных и гордых, телами очень похожих на людей, только кожа их была бледной до белизны и сверкала золотистыми искорками, глаза больше людских и все сплошь серые да голубые. Лучезары отличались особым строением костей – легких, но крепких. За счет чего существа эти необыкновенно ловко обращались со своими телами: непревзойденно бегали, прыгали, обладали особой выносливостью. Да и продолжительность жизни лучезаров раза в два превосходила людскую, потому больше в них было вдумчивости, мудрости и мастерства. И сведущими мудрецами были они, и лихими воинами. В древние времена лучезары и люди жили бок о бок с людьми по всему свету. Но в теперешнее время осталось этих дивных существ мало, и заселяют они в основном Серебристые Горы. Жизнь и охота среди скал научила лучезаров виртуозному владению луком. А еще навыку так прятаться меж камней и деревьев и так тихо шагать, будто были они невидимками. Лучезары приручили горных орлов, за несколько столетий вывели особую дружественную породу этих птиц огромного размера. Оседлали и летали на этих прекрасных благородных созданиях над Серебристыми Горами и изумрудными реками. Летающие наездники также слыли самыми искусными оружейниками. Лучезарский лук, оказавшись в человеческой семье, становился великой реликвией. И гордые обладатели передавали сие оружие из поколения в поколение.

Много еще разных народов жило на Зеленой Тверди, как называли они этот удивительный мир. Слышно иногда было что-то о суровых заполярных людях, населявших побережье крайнего севера – зону вечной мерзлоты. Якобы люди те за несколько тысячелетий жизни в вечной зиме так приспособились к суровой природе, что научились и нырять голышом за рыбой в ледяной океан, и спать неделями на снегу в дальних походах, и даже ездить верхом на белых

медведях. Но сказка то или быль – трудно сказать, ведь отчаянный тот народ давно никому не встречался.

Передавались из уст в уста восхищенные рассказы и о степных южанах центрального междуречья. Полудикие те племена жили в постоянной засухе среди лысых равнинных степей, скудно украшенных редкой травой да худенькими одинокими деревьями. Вольные южане славились своим умением обузывать диких животных. Они считались лучшими коневодами во всей Зеленой Тверди. Короли сего мира отправляли гонцов за покупкой себе на центральном юге лучших скакунов, носившихся потом по дорогам как черные молнии.

Да и много еще разных удивительных народов населяло тот мир, все их перечислять, пожалуй, слишком долго. Но нельзя не упомянуть об одном обособленном – ведунах. Эти редкие люди владели силами властвовать над огнем, дружить с земными тварями, понимать мудрость травничества и заглядывать за завесу были в мир небыли. Смолоду исполнялись они такой любовью к миру, что предавали себя полностью в служение свету и благодати. Уходили в обучение к выбранному ведуну наставнику, где отрекались полностью от всех мирских благ: от семьи, богатства и прочих привязанностей мирских. В своих уединенных обителях учителя передавали ученикам сокровенные чародейские знания о лекарстве, судьбе и о святом воинском искусстве в защиту мира и жизни. Так лилась через века мудрость ведовская, не пресекаясь с приходом новых поколений. Каким-то неведомым образом ведуны умели появляться в нужных местах в нужное время, а иначе найти их было почти непосильно. И почет им от всех народов Зеленой Тверди велик. Впрочем, раньше был велик. А теперь стало все так сложно, туманно и запутанно, что ничего уже нельзя говорить наверняка. Потому как противостояние двух культов (Западного Темной Владычицы Судьбы и Восточного – Светлой Матушки Судьбы) накалилось уже до того, что многое укуталось в хаос и забытие.

Книга 1. «Искры во мраке»

В мрачном мире последние искорки света объединятся в единый факел.

Сказка есть лишь та правда, что жива когда-то была в сердцах людей.

Глава 1. Неожиданные знакомства

«Небыль в беспрестанном бое барабанов бьется с былью. Бесконечно, бессмертно, безутешно. Бредет небыль за каждым бродягой, однажды бьет без боя и забирает в багряное беспомыслие. Быль же безмятежно отпускает побитых. Быстро рождает новых бойцов в бешеную бурлящую жизнь. Баланс бытия».

Притчи Талмуда Светославия

Бывают времена, когда безнаказанная тьма настолько обнаглела, что отрывает клочья у самого солнечного дня, и от того рождаются несвоевременные сумерки. А те, в свою очередь, выпускают в мир всякую нечисть: хищную, подлую и зловонную. В таком мире в период конца лета, когда свет начинает уступать мраку, все живое кажется обреченным.

Именно в подобный день и увидел старый ведун Велимудр в синем густом лесу израненного охотника. И прочел ведун в том великий знак Матушки Судьбы. Исполнился решимостью спасти незнакомца, во что бы то ни стало. Хотя и не знал ни кто это, ни почему попал в беду, ни как оказался рядом с его тайной хижинкой. Только потом старец Велимудр узнал, что человека того звали Лихоловом или Странствующим Охотником. Но в тот миг ведун увидел просто незнакомца, нуждающегося в помощи. Истекая кровью, с израненной спиной, в разодранной рубахе, то ли черной от лесной грязи, то ли алой от крови, с жутким вкусом на руке из последних сил полз страдалец. Сам не знал куда. Позабыл и про коня, и про оружие, и про вещи, да просто дерзко боролся за жизнь с предсмертной агонией, звал на помощь хоть кого-то. Да кого можно позвать в глухой лесной чаще? И вот так случайно оказался он около одной из самых затаенных хижин во всей Зеленой Тверди. Около того дома, куда еще никто чужой никогда не пробирался сам. А Лихолову как-то удалось: то ли по везению, то ли по воле Матушки Судьбы (если оно не одно и то же).

Девять дней шло сражение не на жизнь, а на смерть, между старым ведуном Велимудром и небылью, леденящей за душу Лихолова. В конце концов, могильный холод отступил, сдался. И вот, теперь уже и рассудок вернулся к пострадавшему, и даже речь.

Сейчас же вечер завершал игру теней и света, солнце уползло за горизонт. Последние лучи ласкали пол в хижине ведуна Велимудра, в их золотистых гранях танцевали пылинки. Седовласый старец заботливо наносил последние мазки лекарства на раны своего гостя. Жуткие полосы на коже навсегда оставят после себя шрамы. Но мастерством чародейства боль и лихорадка отступили быстро. А та мерзкая тварь, что так поиздевалась над охотником, небось, подохла от ответных ран. Ведь Лихолов то и сам был не промах. Славился на всю Зеленую Твердь своим воинским мастерством. Еще ни одно мерзкое чудовище не уходило от Лихолова живым. И той злобной гадине тоже нанес он смертельные раны в самое брюхо – обрек на медленную мучительную смерть. Так ему и надо, выродку дурной магии.

В жилище царил уют, давно подружившийся со всеми здешними многочисленными глиняными горшками, емкостями, деревянными сундуками. На полочках тут и там торчали пожелтевшие свитки. Из маленьких окон в помещение проникали звуки вечернего леса: шорохи, свисты птиц, шелест листьев. Корни огромного старого дуба, в пустотном основании которого Велимудр и устроил себе келью, выпячивались с потолка и несимметрично обвивали стены. При всем изобилии магического барахла, непосредственно мебели в домике было ущербно мало: подобие кровати, большой стол, два пенька вместо стула и немного кухонной утвари на отдельных полках. В одном из дальних углов стоял на маленьком срубе котел весь в копоти. Но ни печи, ни чего-то подобного не имелось. Ничего необычного в хижине не было. Только случалось ли такое хоть раз за всю жизнь мира, что простой смертный оказался в гостях у ведуна? Ведь обычно чародеи появлялись сами там, где были нужны, в самый неожиданный

миг. И найти простому человеку их жилища, затерянные в посиневших от теней лесах, было почти невозможно. Не помнила такого Зеленая Твердь, не слышал о подобном и сам Лихолов. Но хозяйка Судьба – известная интриганка, кто разберет ее игры?

Уже подустал престарелый ведун выхаживать подобранного в лесу странника. Но силой светлых чар и заступничеством Судьбы Лихолов креп сказочно быстро. А ведь уже почти без сознания от потерянной крови нашел его Велимудр, разодранного яростным зверем. Много магии искрами вылетело из рук ведуна, чтобы поднять тяжелого странника на его перепуганного коня и довести до хижины. Много редких трав ушло, много стародавних заклинаний было спето для спасения незнакомца. Мучительно вылезал охотник из туманов забытья. На третий лишь день впервые и ненадолго открыл он свои серые очи – не понял ни где он, ни кто он, и снова провалился в тревожную дремоту. На четвертый день уже просыпался на час и мог произносить какие-то путанные речи. Так, постепенно возвращаясь в мир живых, к концу девятого дня Лихолов окреп. Уже и краткие беседы звучали в хижине, и даже споры.

– Дивлюсь я, мой раненый гость, что Матушка Судьба уготовила нам с тобой встретиться именно таким образом, – все удивлялся Велимудр.

Тихо и хрипловато звучал низкий голос худого седовласого старца. Если бы могли говорить старые деревья, то наверняка подобными звуками. Ведь Велимудр и сам был похож на похудевший от старости витиеватый вяз. Чего только стоил его лоб: белый, весь в сухих морщинах и с тяжелыми бровями. Длинные седые волосы, ведь ведуны стриглись только единожды – с уходом в отречение[. Еще забавно выглядела его пушистая борода. Если Лихолов носил только щетину, то Велимудр мог похвастаться целым пушистым кустиком. Ясное дело, ведь по верованиям востока в бороде сила своего мужского рода хранилась, даже слово такое «бо – рода». И одежда ведуна оставляла желать лучшего. Конечно же трехцветная, как одевались на востоке все верующие люди. Рубаха белая – цвета почитания мудрости седых предков. Шаровары красные – цвет живой крови времени настоящего. Но пояс черный – цвет тайны грядущего. И повязка на лбу с вышивкой чура (знака силы, идущей от предков). Все бы и красиво, да только одежда на Велимудре выглядела поношенной, мятой, пачканной соком трав. Лесной аскет и не мог выглядеть богаче. Однако ж все залатанное, без единой дырочки. Ну, а как иначе? Ведь всех на востоке учили: какая одежда, такая и у души защита. Коли одежда рваная, то и жди, что здоровье твое утечет прочь.

– Хм, – криво усмехнулся Лихолов, а ведун все продолжал натирать его рубцы на спине последними порциями ужасно щиплющего лекарства. – Не жалею я всякие бредни про Судьбу... И так, и эдак разные проповедники королюбые выкручивают любые истории. Лишь бы впихнуть в них свою Владычицу.

– Твой острый ум, видящий насквозь хитрецов, мне нравится, – неожиданно улыбнулся Велимудр, в то время как Лихолов снова скорчился от пощипывания на спине. – Но также тоска восстает в моем сердце, когда иной человек за всеми этими ушлыми людишками не замечает существования и людей праведных, истинно верующих...

– О-о, – просипел охотник. – Не мучь меня своими старомодными речами! Лучше расскажи поточнее, в какой части Северного Леса я торчу? Мне нужно в местную столицу. Говорят, жадный голодный дракон завелся у них, хочу предложить королю свои охотничьи услуги.

Старец распрямился и глубоко вздохнул, как иногда делают дедушки на непроходимое упрямство внуков. Мазь, слава Судьбе, закончилась, девятидневное лечение на этом прекратилось, и Лихолов смог, наконец, расслабиться. Велимудр повелел мужчине лечь боком. А сам же достал откуда-то колокольчик и под его звон спел благодарственную молитву. Мол, спасибо Матушка Судьба, что дала исцелить сего человека. Лихолов не поддержал эту религиозность, плевать он хотел на Судьбу и прочую чушь.

Странное дело – в хижине не жил огонь, но тепло воздуха расслабляло и смягчало душу. А ведь ни очага, ни углей, ни искр нигде не виделось...

Ведун посмотрел куда-то в рыжевшее закатное небо, оно игриво проглядывало в маленькие окошки, и сказал:

– Когда я увидел тебя там, в лесу, израненного и беспомощного, меня кое-что удивило. Жизнь могла бы давно сбежать от тебя, но нет. Твою душу что-то насильно удерживало в теле. Будто сама Судьба велела ей ждать встречи со мной. Когда я увидел сие странное зрелище, прочел в этом нечто важное. И потому-то так старался, и бился за тебя. Не думаю, что ради твоей погони за вожделием Матушка Судьба устроила подобный фокус. Нет, что-то большее здесь...

Лихолов не очень-то доверял услышанному но Велимудр умел говорить так, будто слова его лились от самой Матушки Судьбы – уйти от его речей, совсем не проникшись, было невозможно. А старик после задумчивой паузы, продолжил:

– Я стар. Все еще силен, скопил через свои аскезы царство мудрости в голове. Но тело мое уже еле таскает душу. Немного вдохов осталось мне, а уж шагов по Зеленой Тверди – еще меньше. Пора передавать свой опыт и освобождаться. Мне нужен ученик. Времена нынче исполнены жути. Мало стало юношей, рвущихся в обучение к ведунам. Ох, давно я молю Судьбу послать мне преемника. И вот появляешься ты. Не я к тебе явился, а именно ты оказался поблизости от моей кельи – пришел сам как истинный ученик. Я лечил тебя, словно бился с густым мороком. И не просто мазал тебя травами да поил отварами. Но я ходил за твоей душой в туманы небыли, там разглядел многое в твоём сердце...

Тут охотник нахмурился и замедлил дыхание. Зачем потеребил кулон на груди. А ведун все вещал:

– Я знаю, КТО ты есть, Лихолов. Ты же Странствующий Охотник. Ты же Странник. Или лучше звать тебя принцем Раздола – Ариславом?

Тут странник резко вскочил с кровати, испеля взглядом дерзкого старика. Напоминание о старом предательстве больно ужалило. Кровь, как безумная, забила в жилах, грудь яростно раздулась, руки сжались в кулаки. Но встретил он в ответ спокойный взгляд. Ведун источал силу железа, строгость камня и величие древа и даже не вздрогнул. В то же время Лихолов не прочел в этом строгом, почти повелительном, старческом взоре никакой грязи: ни вызова, ни угрозы, ни злобы. Может, и не собирался старик осуждать чужие поступки да журить за содеянное? Лихолов немного расслабился, сел обратно на ложе, теперь уже глядя в пол отяжелевшим взором. Правой рукой он снова нащупал на груди свой талисман – крупный золотой медальон с гравировкой в виде сокола. И немного успокоился. А затем тихо прорычал:

– Клэтва[1], – ругнулся Странник на чужом наречии. – Зачем теребишь старые рубцы, старик?! Разве мало тебе созерцать на моем теле пять новых шрамов? Хочешь потрогать и раны души?!

Велимудр чуть склонил голову к плечу, смягчился, выдержал очередную паузу и только после этого ответил:

– Не ругайся, Лихолов. Мне нужно было прочесть тропы Судьбы. Не разобрать туманы грядущего, если не распутать паутину минувшего. И пришлось мне там сражаться за тебя в мире небыли, нырнуть в твоё сердце и узнать твою суть со всей её болью, виной и прочей солью. Не держи обиду, о, мой смелый гость. Я не сужу тебя за былые ошибки. Я сохраню тайну твоего происхождения, раз ты сам отрёкся от прошлого. Но услышь меня: ты попал ко мне не как больной к лекарю. Ты пришел как ученик. Твой путь – забрать мою мудрость. Остаешься со мной, Лихолов. Я раскрою перед тобой танец света и тьмы. Я научу тебя брать мудрость от звезд и силу от леса. И дам тебе великий смысл жизни, это исцелит раны твоей души. И та боль, та вина, что мучают тебя, наконец утихнут.

Лихолов поморщился. Боль прошлого царапающими когтями впиалась в сердце. События прошлого ожили в памяти – вечные призраки, не желающие отпускать жертву. Вина... Много ли знают об этом чувстве большинство людей? Совершали ли они предательство? Если

совершали, то могут ли оправдаться благими намерениями? Приходилось ли выбирать между тем кого предать: своего родственника или свой народ, когда третьего пути не дано? Если мать твоя давно убиенная сгнила в могиле, а отец только что отошел в небыль – сможешь ли убить последнего брата? А коль не убьешь – то беги. Ибо они убьют тебя. Вина... Боль... Нет уж... Тут ничего не вылечишь. Остается только бежать. Всю жизнь бежать: в самые опасные подвиги, в вино, в непотребство – лишь бы забыться. И никакой седовласый святоша никогда не поймет этого. Лихолов отмахнулся от морока воспоминаний и бросил на старца тяжелый взгляд:

– Старик, я благодарен тебе за спасение, отплачу чем угодно. Но меня от ваших свитков и порошочков тошнит. Меч, резвый конь и охота – вот где моя жизнь!

– Ну, и еще распутные женщины и хмельной ель [2], – с усмешкой добавил ведун.

– Точно, – усмехнулся Странник, пожевывая какую-то горькую лечебную травинку. – Нет, на этом свете еще осталась парочка чудищ. Можно словить их и получить солидный куш. В прошлом мне заплатили столько, что я лет пять, наверно, жил как богач: сытый, одетый и при девках. Найду еще одну мерзкую тварь – и снова заживу на славу. А травы в ступе перетирайте сами!

– Вижу отказ искренний, – опустив взор в пол, ответил ведун. – Значит, спираль жизни еще не совершила свой последний виток: ни твоя, ни моя. Что ж, посмотрим. Но запомни, охотник: У СУДЬБЫ ШИРОКИЙ РАЗМАХ КРЫЛЬЕВ И ЦЕПКИЕ КОГТИ – ОТ НЕЕ НЕ УБЕЖАТЬ. А ты бежишь уже второй раз в жизни, значит, и возвращаться тебе придется дважды. Хотя, кто знает... Война грядет на следующий год. Страшная и кровавая. Ибо мир уже не может больше сносить то напряжение, что разлито в нем. Тьма лезет изо всех щелей, а свет сие молча терпит. И копится, и копится морок безнаказанный по углам да оврагам. Да никто не противостоит ему. Никто не выходит и не поднимает знамя, чтобы собрать под ним отважных и отчаянных. А ведь пора, ох, Мать Судьба, давно уже пора. Пока мы не восстанем, мрак силу копит. Так что... Если ты победишь своего дракона, оно тоже на пользу миру будет. А еще лучше объявился бы наконец кто-то достойный в твоём родном Раздоле, да вызволил бы из заточения Меч Истины. С ним-то уж точно легче было бы всякую чернь приструнить...

– Пф! – ехидно скорчился Лихолов. – Меч Истины уже пять сотен лет упрятан в непроходимых лабиринтах под Храмом Судьбы в Полтани. Уж сколько смельчаков пытались добыть ту реликвию... Никто живым не вернулся... От чего? От того, что слишком сложно добыть меч? Или от того, что и нет вовсе там ничего, погибель одна? Лгут сказочки народные, людям голову морочат.

– Сказочки? – покачал головой ведун. – Сказка есть лишь та правда, что жива когда-то была в сердцах людей. Да со временем потерял народ в нее веру. Так что в каждой «сказочке» есть своя правдивая предыстория, мой недоверчивый друг...

– Ладно, старик. Про тьму изо всех щелей, про сказочки и мечи – мне и без тебя все ясно. Много ли ты видишь в своей хижине? А я-то странствую уже десять лет. Нечего болтать попусту. Лучше скажи, как я могу отблагодарить тебя? После той неудачной охоты я излил слишком много крови на землю. И, если бы не набрел на твою хижину... вернее, если бы ты мне не помог, я бы наверняка погиб. Какую хочешь благодарность? Могу чем услужить? Дичи наловить, дров нарубить? Или, может, тебе от предстоящего золотишка часть подкинуть? М-м?

– Нет. Дрова у меня колет сам этот, как его... заговоренный топор. Он же, кстати, очень неплохо меня охраняет обычно. Дичь я не вкушаю. А золото – отрада незрелых. Нет. Мне нужен твой конь. Оставь его мне.

– Что? Коня! Моего Здравыака? С которым мы столько пережили вместе? Что за, едрена ель, у тебя запросы такие?

– Больно много ты ругаешься, мой неосторожный друг, – покивал Велимудр. – А знаешь ли ты, откуда взялись в мире ругательства? М-м? А вот злу-то всякому не нравилось, что люди молятся. Вот и придумали молитву наоборот. Чтоб не к свету человек взывал, а тьму

почитал. Ведь слово – то ж не просто звук. Большую силу имеет! Так что ты, дорогой гость, в моей хижине последи за языком.

Лихолов на это наставление иронично сморщился, а ведун продолжил:

– Мне скоро в странствие отбывать. Долгое, дальнее. Моя кобыла недавно издохла, бедняга. А вот твой конь сильный, да удалой – самое то! Я тебе жизнь спас, а ты мне подсуробь с конем. И права нет у тебя на отказ, ведь сам знаешь. Кровь, она всегда свята. Как в бою пролитая, так и лекарем спасенная – то есть как нетленная печать в небыли, как вечный долг.

Лихолов грустно покачал головой, но что было делать? Он и вправду оказался у этого чародея в долгу. Нельзя было не отблагодарить. Странник с тоской согласился. Разговор на том прекратился. Ночь дыхла на собеседников усталостью, и они улеглись спать.

Лихолов проснулся на рассвете. Велимудра не было в хижине. Странник огляделся в последний раз, ведь возвращаться сюда он точно не собирался, пусть «Судьба» идет, хм, другой дорогой. Ничего из этого Страннику не показалось ни интересным, ни красивым. Поэтому он без малейшего сожаления отбыл. На улице возле хижины действительно во всю трудился заколдованный топор: сам настойчиво и четко рубил ветки из одной кучки. Но ни Велимудра, ни коня нигде не было. Ну, что ж, так и быть, Странник пошел в сторону севера, надеясь найти какую-то тропинку или даже дорожку из леса в город. Ушел, не оглядываясь, ибо ничто здесь не желал увидеть снова.

Ох, если б знал Лихолов, как скоро ему вновь понадобится Велимудр! Тогда вгляделся бы в каждое дерево. Или метки бы какие по пути оставил. Да много чего – лишь бы дорогу потом обратную найти. Но разве ж кто знает наперед грядущие испытания? Никому судьба – плутовка того не открывает, не открыла и Странствующему Охотнику. Может, и правильно устроен мир: не знать наперед всех своих бед.

[1] Клэтва – «проклятие» на языке срединных земель.

[2] Ель- популярный напиток на основе забродивших в меду шишек.

.....

Северный лес дышал недружелюбными туманами. Он перешептывался с сиреневым утром о чем-то тревожно: то через шелест листья, то через щебет птиц. Густые чащи всегда обороняются от яркого света. Но сейчас многие места уж совсем напитались мглой, так что у самого яркого солнца не было шансов зазолотить их. В тех гущах холодило неведомой жутью. Хотелось обойти их стороной, тихо-тихо, не привлекая лишнего внимания.

Старое густолесье, через которое лежал путь Лихолова в сторону столицы, считалось небезопасным местом. Дикая чаща была настолько обширна, что в ней хватило места расплодиться многим необычным существам. Кроме простых волков, оленей, кабанов, медведей и прочих распространенных зверей, здесь обитали, по слухам, большие птицы-призраки, которые перемещались не полетом, а рывками, словно черные молнии. Теперь уж ясное дело, что здесь завелись и какие-то косматые зубастые гиганты – , с одним из которых так неудачно десять дней назад столкнулся Лихолов. Победил с помощью своего охотничьего мастерства, но и сам чуть не ушел в небыль. И много нового, неведомого доселе, в последние годы размножилось в этих землях.

Поэтому Страннику требовалось как можно скорее выйти на центральный лесной тракт, там часто ездили разные повозки и просто всадники. Идти такой дорогой было бы безопаснее, чем топтать через отдаленные поляны. Но Лихолов был не из трусливых – слишком многое повидал на этом свете. Он выбирался из таких передраг, после которых встреча с волками покажется милым приключением. Тем более, смелости придавало нескромное оружейное обмундирование, которое охотник носил на себе всегда. Помимо меча в ножнах, вся его одежда была оснащена множеством потаенных колющих приспособлений. Например, внутри каждого

из рукавов коричневой кожаной куртки находились незаметные кармашки, таившие в себе маленькие, но очень острые ножи, которые Странник приловчился доставать в драке быстро и незаметно. В поясе брюк так же притаилось с десяток остро отточенных маленьких металлических бумерангов. В правом сапоге был кинжал из безупречной междуречной стали. А с задней стороны подошвы левого сапога искусно и незаметно было встроено маленькое лезвие – ох, сколько раз оно выручало охотника из разных передряг! Никто не замечал его, поэтому странник звал это маленькое острие Невидимкой. Даже когда требовалось полностью разружиться или когда все оружие отнимали – Невидимка оставалась при хозяине, настолько хитро эта тонкая острая бестия пряталась в подошве. Такую концентрацию оружия на одном человеке не заметить было невозможно. Даже черный шерстяной плащ, который уже много лет покрывал плечи странника в походах и защищал от дождя и ветра, не мог смягчить впечатление вооруженного до зубов воина.

Но все же Лихолову было беспокойно идти через густой, заросший вековыми высоченными деревьями, северный лес. Из-за обилия растений вниз попадало мало солнечного света. Отовсюду доносились шорохи, словно намеренно запугивали странные неведомые звуки. Лес ощущался, как живой, да только испуганный: дышал, двигался и разговаривал сам с собой. Приходилось ступать очень тихо и аккуратно, идти не спеша, чтобы не напороться случайно на неожиданности. Любой громкий звук, например, хруст сломанной ветви, мог привлечь нежеланных диких хищников. К тому же свежие шрамы отдавали тревогой, высасывали силы.

Все утро шел Лихолов на Северо-Восток в направлении тракта. Одному, без коня сложно было тащить и меч, и узелок с вещами, и припрятанные внутри пояса золотые монеты, и лук со стрелами... Плечи начали поднимать. Странник шел, стараясь не терять концентрации, морщился и вздыхал. Он думал о последней беседе с Велимудром и внутренне кипел. Как же надоели все эти маги, жрецы и их властные речи! Как бы освободился мир, если бы все перестали думать об этой «Судьбе», спорить: больше ли в ней света или же тьмы... Мутят воду попусту.

Вблизи показался длинный горизонтальный просвет – тракт! Дошел-таки! Ну, тут уж должно быть проще. Осталось только пройти сквозь маленький затемненный участок. Здесь будто повис сумрак среди бела дня, но Лихолов слишком обрадовался близкому концу опасного отрезка, чтобы это заметить. Странник вздохнул громче обычного, отвлекся и неуклюже споткнулся о какой-то треклятый корень. Бухнулся со всем своим тяжелым железом прямо на землю. Бабах! От этого по лесу разнесся такой грохот, что все в мрачной чаще встрепенулось. Воздух похолодел.

Охотник встал, ругнулся на трех разных языках любимыми словечками и принялся отряхиваться дергаными движениями и рывками подбирать с земли упавшие вещи. Только что-то изменилось. Сначала предчувствие. А потом прямо рядом Лихолов почувствовал затхлую звериную вонь, как пахнет обычно из пасти падальщиков. Опытному охотнику не нужно подтверждать догадки глазами. Знает он, что только скорость спасает жизнь. Странник четким движением мгновенно достал сразу из двух кожаных рукавов по кинжалу, и правой рукой сделал резкий тычок назад. Сразу же ощутил, как острие вонзилось в чью-то мягкую плоть, раздался злобный визг. В следующий миг Лихолов рывком отпрыгнул вперед, одновременно повернувшись лицом к опасности. Перед ним висела большая, с полчеловека ростом, диковинная тварь. Сказал бы охотник, что это обезьяна – но ведь то южный зверь – что ей делать на севере? Она предстала в отвратительном виде: с серой северной шерстью и хищной пастью, какая бывает у волков. Дело ясное: очередное порождение дурной магии. Зверь окровавленный, висящий на хвосте вниз головой, истерически визжал. Он боролся со смертью от ловкого удара ножом в горло, да только тщетно.

Быстро осмотревшись, Лихолов увидел, что таких обезьяноволков на деревьях не меньше двух десятков, и поражение одноплеменника их сильно разозлило. Сверкали голодом желтые глаза. Из приоткрытых пастей текли густые слюны, слышался рык. И вонь! Как же они

воняли гнилью! Зверюги перепрыгивали или перелазили с верхних веток деревьев на нижние и готовились разодрать свою жертву. Времени на отражение нападения было с пару мгновений. Не тратя бесценный промежуток зря, Лихолов принялся метать в самых ближних обезьян бумеранги. Три зверя упали с веток замертво, но двое других увернулись. Метнул еще два орудия, и ближние звери или поранились, или замедлились. Лихолов ухмыльнулся, пришло время стрел. Быстро выхватил лук и пустил оружие в ход, поражая одного противника за другим. Визги и хрипы, скулеж и рык разрывали воздух леса. Подыгрывал грохот упавших замертво тел. Зловоние же усиливалось. Охотник начал чувствовать облегчение, так как голодная стая все сильнее пугалась, кое-кто поменьше уже поджимал хвосты от страха.

Но тут кто-то напрыгнул на странника слева и повалил на землю. Почувствовалась сырая лесная почва под щекой. Лихолов оказался прижат к земле. Поверх тела бешено вертелся голодный монстр. Вот это уже плохо, очень плохо! Если пролежать так подольше, подскочат и другие, тогда возможности спасения закончатся.левой рукой Странник схватил обезьяноволка за шею. И старался улучшить возможность достать кинжал. Но тварь вертелась и извилась невероятно шустро, ее слюни забрызгали Лихолову все лицо. Вот сейчас уже по спине мужчины пробежал холодок страха...

Неожиданно тварь, оседлавшая Лихолова, вздрогнула с визгом, а затем скатилась на спину пораженная. Странник освободился. Свист еще пяти последующих стрел повлек звуки смерти и ужаса еще парочки близстоящих обезьян. На ветвях оставалось несколько последних тварей, и Лихолов уже приготовился добить стаю, как вдруг... Они растаяли, стали серым плотным туманом и растворились в лесу... Сумрак отступил. Воздух посвежел.

Появилось время оглядеться и поблагодарить неожиданного спасителя. Странник повернулся и увидел в нескольких метрах от себя рослого юношу со слегка взъерошенными светлыми волосами, худоватого, но широкоплечего. Такой себе, пока еще не богатырь, но уже и не отрок.

– Да отблагодарит тебя Судьба! – сказал незнакомцу Лихолов на всеобщем языке и поклонился. – Ты спас мне жизнь.

Молодой мужчина с луком в руках улыбнулся с юношеской теплотой и представился:

– Я – Елисей! По прозвищу Поющая Стрела. Сын Тихомира, оседлого война. Живу тут, в деревне неподалеку, промышляю охотой. Стрелы слушаются меня, как добрая жена любимого мужа, – прихвастнул он и слегка зарумянился. – Почему ты, незнакомец, бродишь по лесу один? Здесь нынче небезопасно. Я с отрочества знаю в здешних чащах каждую тропинку, и то хожу тут с опаской.

– Я иду с Запада. Меня зовут Лихолов или Странствующий Охотник. Можешь звать просто Странник. Я слышал, у вас тут завелся дракон? Хочу поохотиться на эту тварь.

Елисей очарованно взгляделся в своего нового знакомого. Повстречав Лихолова, никто бы и не разобрал: охотник перед ним, воин или странник. Ибо все приметы и первого, и второго, и третьего присутствовали в облачении этого высокого смуглого мужчины с русыми волосами, небрежно убранными в короткий хвост. Колючая темная щетина на лице с редкими седыми волосками создавала яркий контраст с лазурно-голубыми глазами, посаженными под вечно нахмуренные брови. Возраст был размыт в его образе, ибо суровое обветренное лицо и редкие сединки выдавали человека зрелого и видавшего виды. Но и крепкий стан, и сила рук, и легкость походки говорили, что до старости этому богатырю еще далеко. Елисей же, услышав имя незнакомца, изумленно вытянулся:

– Ты тот самый Лихолов??? – после притворно скромного кивка Странника, юноша затараторил своим резко басящим голосом еще горячее. – Слава твоя бежит впереди тебя! Вся Зеленая Твердь знает, что бродит по миру лихой охотник, который может очистить добрые земли от любой обнаглевшей твари, от любого дитя тьмы!!!

Тут парень и сам склонился в поклоне. А потом резко вздернулся вверх и выпалил:

– Но как же ты убьешь дракона, если даже стаю обезьяноволков не смог победить?!

Лихолова обожгло. Однако юноша был прав, так что странник постарался ответить сдержанно:

– Дракона, мать его в чернь, надо убить лишь одного, и я его сначала изучу. А этих обезьяно тварей было с два десятка, и встретились они такие мне впервые.

Напряжение спало.

– Да только вот этого дракона нужно сначала разыскать, – задумчиво вздохнул Лихолов.

Юноша снова обрел добрый вид, смолчал с мгновение, словно обдумывая что-то, а затем неожиданно затараторил:

– А предложу-ка я тебе, славный странник, уговор. И тебе, и мне полезный. Вот что. Оба мы с тобой, видать, хорошие охотники. Ты прославлен, спору нет. Я же с малых лет гоняюсь по этим лесам за дичью. В деревне шутят, что я стрелял из лука, еще не отпустив мамкину сиську! – ухмыльнулся Елисей, снова зарумянился, но не встретил особого отклика и продолжил. – Но я слабоват в бою на мечях. Некому было толком обучить меня... А я всегда мечтал освоить воинскую лихость. А ты, как шепчет мир, в том великий мастер. В то же время я знаю здешний лес: ну... где безопаснее пройти, куда не шагать. Ведаю я и где поселился тот самый дракон, которого ты ищешь. И даже столицу немного знаю! Сгодимся мы друг другу, славный воин! Прими мою помощь? Я буду твоим проводником. А ты расплатись со мною за это ... обучением... Ну... как? Будешь мне... наставником?

Елисей замолчал и покраснел как мухомор. Лихолов вздернул брови, чуть поджал губы. И стал прокручивать в голове расчет, теребя через рубаху свой амулет. Но рассудил, что в такие странные времена надежнее будет идти с проводником. Да и к королю выгоднее прибыть, уже разведав все про дракона, изучив его и зная, о чем говоришь и что можешь предложить. Так и больше злата можно выторговать при дворе, и самому славой мастера приукраситься.

– Добро, Поющая Стрела! – сказал Лихолов и хлопнул юношу по плечу. – Но уговор, что обучать тебя буду не больше трех месяцев. Златом за добычу делиться не стану, и так ты мне в тягость. А еще будешь помогать мне оружие носить. – Елисей кивнул, смекнув, что Охотник явно человек не простой, но ушлый. – Однако, вижу, парень ты с ветром в кошельке, да? Если нужно будет в каком трактире расплатиться за кров и еду – угощу тебя, так и быть. А первым твоим советом мне пусть будет вот что. Где бы нам побыстрее коней раздобыть? Надоело мне тут уже подошвы стирать.

Про коня Елисей ничего придумать не смог. Можно было в какой-нибудь большой зажиточной деревне взять лошадок, да только идти до такого места далече. Ближайшая – не меньше дня на юг. А дракон, по всем приметам, поселился в Горбатых Холмах, что от сего места в двух днях на север, то есть в другую сторону. Так что порешили мужи, до драконьего логова дойти пешим ходом, а коней взять у купцов уже вблизи столицы, в одном из селений на центральном лесном тракте. Выяснилось также, что Елисею в свою деревню возвращаться незачем, можно сразу в путь выдвигаться. Он был сирота, дома его никто не ждал. Да и вещей своих у юноши особо не в избытке: все нужное для леса и так уже надето. А посему собрали наскоро они свое разбросанное оружие, стрелы и бумеранги, разделили ношу Лихолова и двинулись в путь.

Глава 2. Разведка

«Грядет огонь. Гомоном затанцует. Грохотать по лесам станет. Горло порвет крик. Гореть заставит гадость промозглую. Головы поднимут воины. Гибнуть будет грозная чернь. Гордо восстанут искры небесного грома. Берегись, гадость, угрюмая!». Пророчество Талмуда Светославия.

Песни северо-востока всегда утверждали, что Северный Лес живой: у него свое дыхание, свой незаметный танец, свой мудрый шепот. Не понять того, не оказавшись в здешних местах. А как пройдешься, так каждая травинка покажется живой, трепещущей. Идешь, вроде тихо, а вроде и шумно – странно, загадочно... Иногда будто бы чувствуется, хорошее ли у Леса сегодня настроение или дурное. Встречает ли он тебя приветливо и пропускает ли ловкими тропами вглубь себя. Или же подставляет то и дело подножки из корней да коряг, путает дорогу, гонит по топям. Говорят также, что Лес к каждому человеку относится по-разному. Одного принимает в друзья и ни за что не даст в обиду. Другого же, наоборот, сам заморит и запутает. Характер есть у Северного Леса – суровый, но прямой, как у всех северян. Потому что у кого есть душа, у того есть и свой нрав.

Лихолов и Елисей пробирались сквозь старую чащу все дальше на север. Воздух освежал. Рыжели от солнца верхушки деревьев, словно политые медом. И внутренним чутьем казалось Странствующему Охотнику, что гостеприимней стала дремучая чаща с тех пор, как зашагал рядом Елисей. Это как идя по незнакомому городу, чувствовать себя в опасности до тех пор, пока кто-то из местных тебя не сопроводит. Так и юноша: шел бодро, смело, что-то свистел, что-то ласково напевал:

– Лес, шелести! Лаской пролей. Ладные души наполни силой. Любовью ветвей обними. Льнет свет к свету, льется мудрость стволов. Лепестками да листьями лоснитесь колыбель леса. Лови же путника в свои ладони, мой лес!

На ходу поглаживал деревья, иногда замедлял шаг, чтоб улыбнуться знакомому любимому месту. И откликался Лес на любовь, вел юного охотника как старого друга – тропа бежала легко и игриво, нигде не сбиваясь, не ломалась сваленными деревьями. Елисей любил Северный Лес, а Лес любил Елисея. И от того отраднее как-то стала дорога, чем была в одиночку. Иногда, ловя удивленные взгляды Лихолова на свое поведение, юноша чуть смущался и пояснял:

– Мы, люди Северного Леса, верим, что лесная чаща нам, как родитель. Трава, кустарники и деревья – волосы Отца-Сырого-Леса. Камни – кости его. Вода – кровь. Роса – пот. Корни растений – жилы и сухожилия. Всё здесь есть единая плоть Отца-Леса. А потому и ведем мы себя в лесу так, словно ступаем по одному большому живому телу.

На эти пояснения Лихолов лишь вздыхал, так как не очень-то любил всякие верования, легенды и сказочки, а спорить ленился. Но случилось раз такое, что Лихолов на ходу заломил сапогом молодое деревце. Было оно ростом с две ладошки. Потому и не заметил, да наступил. Тут Елисей ахнул:

– Ты, Лихолов, бережнее себя веди! – покачал юноша головой с явным сожалением. – Отец-Лес такого не любит. Ведь ты хочешь, чтобы тропки все хорошие открывались нам? Уж ты тогда должен и сам каждую травку-муравку уважать. Да без надобности не обижать.

Лихолов вздыхал, но старался быть осторожнее. Мало ли чего этому чудному лесу еще в голову ударит? Но иногда юноша вел себя уж совсем забавно. У каждого родника останавливался, чтобы флягу донаполнить. Да все твердил, что чем больше родников в одну общую воду собрать, тем целебнее напиток будет. Это Странника смешило и даже злило. Ну зачем лишние задержки в пути?

Иногда юноша настораживался. Показывал рукой знак остановиться, выглядывал что-то. И видно было меж стволов и зеленой мозаики листьев, как пролетали где-то в затененных частях леса странные сгустки туманов. За ними же ленно волоклась сумеречная темень, слышался тихий вой, незнакомый и жуткий. Словно что-то живое, но искалеченное, несчастное, околдованное летало по лесу, не находя пристанища.

– Беда пришла в наш лес! – пояснял Елисей. – Расплодился здесь морок поганый. Нет, что уж... И раньше в лесу встречалась всякая чернь. Но нашенская, родная, понимаешь? Знали мы, как с ней сладить! Лешему по весне кашу на опушки таскали, чтобы не мешал грибы да ягоды собирать. Да и вообще, не так уж тот был и зол! Старики говорят, не трогал Леший никогда тех, кто лес почитает, зазря не шумит. Али Водяной наш? Тоже мало кому мешал. Мы ему по весне нальем в реки масла топленого – он и рад. И рыбу дает ловить всякую разную. Да много всякого тут бывало всегда. Черти лохматые любят по густым чащам расселяться. Но только мирно как-то оно все было! Знал морок место свое, а мы с ним слад имели. Но теперь, ох, что творится! Беда! Чужая, неродная какая-то гадость невесть откуда взялась! Мы зовем ее «бродячими туманами». Эта пакость бродит обычно по разным сырým и затемненным местам. Но иногда что-то ее выманивает. «Туга»... – грустно выговорил Елисей местное словечко. – Расселился туман сначала по диким лощинам, во многие места даже грибники перестали ходить. А потом осмелел и стал вылезать из укрытий. Принялся повсюду шататься по лесу, ух, поганый! Особенно привлекается на звуки веселия, на песни охотников. А в последнее время совсем наглеет и залетает уже даже в деревни. Из морока того туманного появляются ужасные твари. Вроде тех же обезьяноволков, здоровенных пауков ростом с ребенка или стай черных злобных птиц.

– Зря ты его «морок» называешь, – перебил Лихолов. – Верно заметил. Морок ваш все века на Востоке водился да место свое знал, не наглел. Чудищ ужасных не выдавал тут и сям. Я вон таких обезьяноволков в первый раз встречаю. Тут нечто чуждое у вас завелось. Не местной магии детище и не местной природы.

– Может и прав, ты, Лихолов, – покачал головой Елисей. – Не знаю, как верно... Зовем, как привыкли всякое зло обзывать. Морок, он и морок... Тут же у нас в Северном Лесу живут не воины, а крестьяне да охотники... Мы в магии разной толком не разбираемся. И в воинском деле не смыслим особо. Что нам с такой гадостью делать? Как отпор дать? И не ведаем... Так что много жертв уносит с собой этот новый туман: и мужчин, и женщин... но особенно деток! Забирает в туман и улетает. Остаются лишь плачь и ужас. И никто не знает, как истребить эту мерзость. Заметили только, что можно спрятаться от нечисти этой, если она где еще поодаль: замереть, не петь, не вздрагивать, дышать тише мыши. Тогда есть еще надежда, что проплывет мимо... В лес стали уходить с опаской, по проверенным тропкам. На ночь во всех селениях на всякий случай запираем ворота. Боятся теперь многие северяне лишний раз петь или танцевать. Страшится привлечь туманный сумрак. А без песен сердца холодеют. Много таких людей. Но не все унывают! Много здесь еще смелых мужей живет. Да и многие женщины у нас крепкие, могут и лук в руки взять. Все равно в лес охотиться ходим. Женятся люди, рожают детишек – многие пока еще не дают страху побороть себя. Верим еще, что Матушка Судьба защитит нас.

Лихолов слышал рассказы о тех или иных злодеяниях черной ворожбы уже не раз и не два.

– Да, – вздохнул Странник. – Такая мерзость частенько там появляется, где черные капища строят в честь Темной Владычицы. Где по ночам ворожба дурная на крови творится.

– Что ты, тфу на тебя! – Замахал руками юноша. – Капища строить? У нас такое запрещено, слава Судьбе! Только, если эти гады тайком пробираются... А такое ведь может быть... – Елисей почесал лохматый затылок и призадумался.

– У тебя, наивная молодость, еще и сомнения есть? – усмехнулся Лихолов. – Эти черные колдуны нынче по всей Зеленой Тверди пролезают сами без спросу. Селятся в укром-

ных местах. Разрешения ни у кого не спрашивают. И творят там всякую мерзость. Хорошо, если втихую, а то и в деревни захаживать начинают – проповедовать веру свою. Так, небось, и вас дела обстоят. Старики рассказывают, что давным-давно другим был мир: бесхитростным, чистым, доверчивым... Как малое дитя в руках матери. Не знаю: правда ли то? Но сегодня, мать его в чернь, точно все иначе... Уже десять лет я – Странствующий Охотник, – вздохнул Странник. – Раньше всякие мерзкие опасные зверюги были редкостью, напоминали какие-то случайные выкидыши неумелой магии. Но нынче с каждым годом становится их все больше, множатся паскуды, чтоб их! Не светом рожденные, плодятся по всей Зеленой Тверди. И становятся все более наглými, ловкими, ненасытными. Смелеют и разрастаются. Но и я стал умнее: приносившись присматриваться, выслеживать и наблюдать перед нападением, расставлять ловушки. Оттого пока побеждал всегда, оттого и жив еще. Работы теперь у меня много, плач и призывы звучат по всей земле. Но один я всех не перебью, да и не особо хочу везде мотаться. Поэтому выбираю лишь самые сложные заказы...

Надо было бы еще добавить «самые дорого оплачиваемые». Но постеснялся Лихолов, а может, просто хотел сохранить личину смелого героя. Иногда берет Странствующий Охотник на время передых в свое удовольствие. Прогуливает все заработанные монеты. Тратит на выпивку покрепче, да девок пораспущенное. Многое можно было бы скопить за десять лет. И на дом бы хватило, и на дело какое свое, и на свадьбу с доброй селяночкой. Но не такой порядочный нрав был у Лихолова... И об этом разнузданном, циничном характере своего наставника скоро начнет догадываться и Елисей. Только всему в мире есть своя причина. Все циничные люди – обладатели большой раны в сердце. А причину своей раны, своей вины, своей беды Лихолов прятал глубоко-глубоко. И показывать никому не собирался. По крайней мере... пока не собирался.

Лихолов вспоминал, что многие из тех тварей, на которых он охотился, если их сразу не убить, превращались в такой же то ли туман, то ли дым, то ли сумрак, и тяжело тогда становилось на сердце. Живым творением подобное быть не могло. Жизнь всегда прекрасна, даже если красота ее не всем понятна. В творениях Матушки Судьбы всегда ощущается какое-то торжество, союз плоти и духа. Но в туманных тварях не чувствовалось ничего подобного. От них исходила только необъяснимая, тягучая, ноющая ТОСКА... Детьми темной, кровавой магии были эти дымки – не иначе. Искривлениями и надломами, уродованием и жестокостью было выделано это нечто, теперь расплывшееся по всей Зеленой Тверди. Кто создал его? Кто размножил заразу по всей плодородной и чистой земле? Никто точно не говорил, но многие догадывались. Да вот теперь весть о новом драконе манила Странствующего Охотника в Северный Лес. Весь бродячий морок победить он не собирался. А вот за мерзкую огнедышащую гадину можно было бы содрать с короля прилично золотишка.

Но на счастье оба мужчины имели глаза охотничьи, многое они видели уже издали, и перед туманами успевали замирать, затихать, столбенеть. И сумрак проплывал вдалеке, не замечая странников. Ибо охотились бродячие туманы на жизнь, на радость и движение. А все застоялое и черствое его не интересовало. Повезло охотникам, что морок никакой ни разу не подобрался сзади, не застал врасплох. Может потому, что Елисей шел правильной дорогой, обходя все мрачные уголки. Может, от того, что кто-то берег мужей (то ли Лес охранял, то ли Судьба Матушка).

Долго шли путники. Тропой еле заметною, редко дарившею кому-то проход. Меж деревьев, кустарников, задевая сапогами траву и корни. Топи болотистые или всхолмия крутые ловко огибала хитрая дорожка.

При всей осторожности шага Елисей оказался еще и очень разговорчивым спутником. Что не слишком радовало Лихолова, привыкшего бродить всюду как медведь – одиноко, не смей тронуть. Пытался юноша расспросить Странника хоть немного: откуда родом, где научился драться и охотиться, как настоящее имя, и прочее. Но тот хранил свое прошлое

в убежище собственной памяти и никому не раскрывался. Так как секрет его особенного происхождения был слишком опасен. Уже больше десяти лет приходилось Лихолову прятаться и жить под выдуманным прозвищем. От того отвечал он уклончиво. То: «Учитель мой мир давно покинул, не буду беспокоить землю». То: «Откуда родом, того места давно не видал». То: «Настоящее имя мое поглотило время, не тревожь небель дурными вопросами». Все эти фразы уже отточены были Лихоловом, много десятков раз он произносил их в каждой новой земле. Елисей ответам дивился, чувствовал тайну и сам не знал почему, но ощущал какую-то жалость. Ведь разве будет человек счастливый, которого ждет где-то добрая жена или хотя бы мудрая мать, скрываться и таиться? Нет, такой везунчик первым делом прихвастнет о красоте своей земли, о привлекательности местных женщин и вкусе вина. А за тайной чащей всего стоит какая-то боль или трудность. Елисей словил это сердцем, посочувствовал и решил не надоедать расспросами. Зато легко и откровенно стал рассказывать о себе. О сиротстве, как родители сгинули, как остался в отчем доме один. Но не совсем уж одинокий, так как в деревне жили и тетушки, и дядюшки. И селение его стояло на берегу красивой лесной речушки. А рядом с деревней часть полянок и опушек превратили во вполне плодородные поля – что было обычным делом для деревень Северного Леса. Отец Елисея когда-то ходил солдатом в военные походы, а потом остепенился и зажил в родной деревне охотничьей судьбою. Давно он умер, но успел перед гибелью показать сыну и немного боевого искусства и обучить стрельбе из лука. А остальному (про лесные тропы, про хитрости ловушек и выслеживания дичи, ну и про прочие премудрости) – тому дядя Елисея обучил. Много они ходили охотиться, изучил юноша все окрестные земли вдоль и поперек. Бродил теперь по лесам и слушал песни дикой чащи: о вечной мудрости, о силе родной земли, о свободе птиц... Да вот только напасть – в последние годы сумрак поганый проник в эти места.

– А ты мне, Поющая Стрела, лучше бы про дракона рассказал побольше, – спросил Лихолов.

Елисей же знал про дракона то, что сначала появился он на окраине столичного града.

– Говорят, изжег он кучу домов. Вызвал в Рассветнике сильный пожар, ух! А потом улетел на запад к Горбатым Холмам. Теперь мучает там ближайšie деревни. Нападает на пастухов и похищает овец. Еще молвят, что пока дракон еще юн, ну... то есть не так уж огромен – всего человека в два-три в длину.

– Добро! Это значит, что тварь пока неопытная, неловкая – ее легче убить! Надо скорее ловить удачу, – обрадовался Лихолов. – Через год дракон увеличится раза в четыре, обучится даже сквозь сон все четко слышать. Тогда победить его будет гораздо сложнее...

Через некоторое время пути Лихолов уже остро ощущал голод, так как последний раз ел еще в хижине Велимудра. Решено было сделать привал, но, только не отходя далеко от тропы, ведь вытоптанная дорожка была неясной и легко терялась. Отдых получился коротким, ведь путь еще был далек. Быстро перекусив, странники двинулись дальше, и шли еще долго на север до самого вечера. Но, как только солнце начало светить тусклее, Елисей сразу принялся искать место для ночлега: в темноте по лесу бродить было бы уж слишком опасно – сумрак тогда издали уж никак не заметить, да и звери многие по ночам нападать любители. Нужно было заночевать так, чтобы не вызвать к себе лишнего внимания, не тревожить лес, не приманить зверья, да и не привлечь какую нечисть. Поэтому Елисей выбрал место, с одной стороны, не самое темное – опушку хорошо освещаемой луной полянки, а с другой – не самое открытое – нашел около старого дуба тенистое углубление в земле, поросшее по бокам кустарником. Предложил костер не разводить, а получше закутаться в плащи.

Солнце устало убежать по небу от своих вечных преследователей: Мрака и Холода. А те, наконец, догнали его у самого горизонта и пожрали. Чтобы завтра светило могло возродиться вновь, и эта вечная погоня бы продолжилась. Так наступила ночь.

Неудобно было засыпать под старым деревом: корни кололи ребра, муравьи шныряли туда-сюда. Но оба путника очень устали за день ходьбы. Так что стоило только перекусить, глотнуть воды и прилечь, как оба быстро задремали.

Лихолов привык странствовать. Он мог заснуть, казалось, в любых обстоятельствах. Но сегодня ночью что-то мучило его. Снился странный сон. И не кошмар, но и не добрая явь... Казалось Лихолову будто кто-то зовет его. Да был этот кто-то вовсе не человек. Будто металл ожил, обрел душу. Томилось странное существо в плену, во тьме, давно томилось – освободителя ждало. Не разглядел Лихолов толком, что оно такое было. Только слышал сквозь сон голос низкий, раскатистый: «Арислав! Приходи! Арислав! Тебя я жду!» Так могла бы говорить пещера, если бы имела голос. И странное чувство пробирало от звуков этого голоса: будто это металлическое существо не страдает вовсе, но и в заточении томиться устало. «Сколько ты уже меня ждешь?» – спрашивал Странник во сне. «Века... века жду тебя... Но ты еще так далеко... Дождусь ли?..» Вздвогнув от этого ответа, Лихолов проснулся. Тфу ты! Ну, и приснится же такая дурь.

Странник встал. Ласковые лучи солнца скользили меж ветвей. Розовой негой рассвет обнял облака.

– Что сон, то явь. А явь иногда сама и есть сон, – вдруг послышался голос за спиной.

Лихолов развернулся на звук и уже держал руку на рукояти ножа. Перед ним на одной из ветвей сидела здоровенная птица с человеческим лицом. Гамаюн! Известный восточный дух. Приносит дурные вести. Плохой знак, ох, плохой! И отцу Арислава такой перед гибелью являлся...

– Чего тебе надобно, почтенный? – вдруг произнес Елисей. Оказывается, парень уже тоже проснулся. Только он не был так испуган. Тут Лихолов вспомнил, что на юге и на севере по-разному относились к гамаюну. В Раздоле это было что-то вроде нежити, лихо неприкаянное. А на севере умели гамаюнов умашивать вкусной пищей и расставаться мирно.

– Ничего не надобно, – засмеялась птица с человеческим лицом. – На смерть пришла взглянуть.

– Чью? – недоверчиво нахмурился Лихолов.

– Не знаю, мне-то что? Смерть за тобой идет, Странствующий Охотник. Кожу твою насквозь пропитала. Руки твои в крови. Многие гибнут по твоей милости. Смерть – твое ремесло, твое предательство и твоя судьба. И скоро смертей вокруг станет еще больше!

Вот, гадость поганая! Тут Лихолов разозлился. Как эта нежить узнала о его предательстве? Как вообще имя узнала? И кто это его имеет право попрекать ошибками прошлого? Схватил с земли камень и швырнул в гамаюна. Но тот с карканьем сорвался с места и увернулся. Струсил, полетел прочь, но сам еще долго визжал в небе, и слова его раскатывались по всему лесу:

– Смерть! Смерть пришла в лес! Уж меч точит, уж и стрелы готовит! Берегись, берегись! Смерть идет! Кровь зовет!

Лихолов обернулся на Елисея. Парень стоял бледный и с ужасом в глазах.

– Испугался? Неженка лесная! – фыркнул Странник. Вот поэтому у него и не было друзей. Правду сказал дух. Где Лихолов – там всегда одна смерть...

– Кто бы не испугался, – потрепал себя по голове юноша. – Но смертей у нас и без тебя, Лихолов, слишком много. А коли от твоей руки парочка чудищ сдохнет – так и хорошо!

Тут подумалось Лихолову, что парень то только с виду простачок. А сам вон какой! И не испугаешь его так уж просто, и рассуждать способен.

– Есть охота, – перевел тему Странник.

– О, уж это в моем лесу легко решается.

Елисей ушел на полчаса, и вернулся с четырьмя птичьими яйцами в руках. Сытный завтрак, по два сырых яйца на каждого, немного приободрил. Пришло время расплачиваться

Лихолову за помощь Елисея. Странник сказал юноше принести из леса три тяжелые ветки деревьев и много хвороста среднего размера. Через полчаса задание было выполнено.

Лихолов пояснил, что из трех тяжелых ветвей им предстоит грубо на глаз вырубить нечто, напоминающее по размеру деревянные мечи. Грубо отбесали мечом Лихолова древесину, и Елисей взял в правую руку один из увесистых обрубков.

– Всегда выбирай для тренировок меч потяжелее, – наставлял Лихолов своего подопечного. – В бою требуется сила рук и плеч, а их нужно развивать усердными тренировками. Если учиться будешь на легких мечах – члены твои так и останутся слабыми. Сейчас же немного разомни правое запястье – разгони там кровь, разогрей плоть. Иначе будет надрываться и болеть. Но вообще им не мельтеши. И даже не рукой гоняй оружие, а плечом – в нем твоя боевая сила.

Пока Елисей, сдвинув немного брови, нехотя разминал запястье, Лихолов командовал дальше:

– Немного подсогни колени, левую ногу вперед. Да приподними чуть от земли руку с веткой и согни в локоть так, чтобы ветвь, тьфу ты, чернь ее, чтобы меч направить противнику в живот. Тренироваться будем, да только надо постараться сильно не шуметь. Так, поиграемся слегка.

Елисей направил обрубок на туловище Лихолова, а тот тоже взял деревянный «меч» и сделал резкий выпад на ученика, целясь деревяшкой тому в шею. Но Елисей успел увернуться и даже нервно махнул своим «мечом» в ответ.

– Неплохо! – ухмыльнулся Лихолов. – Внимание не теряешь. Но руки у тебя болтаются сами по себе! Надо учиться двигаться цельно и гибко. Бери второй обрубок и маши вдоль земли двумя палками. Буду бросать тебе всякую шушеру поменьше, а ты отбивай.

Лихолов делал все резко и неожиданно. Бросал в Елисея палки то ровно прямо, то с вывертами, то сверху, то из-под низа. Юноша старался уворачиваться или отбиваться, как мог, и неплохо преуспел, однако одна юркая веточка все же поцарапала ему ухо. Юноша с некоторой обидой выпалил:

– Больно хитро ты орудуешь! Все у тебя исподтишка...

– А ты как думал, неженка деревенская! – подтрунивал над ним наставник. – Кто с тобой в настоящем бою сюсюкаться будет? Противник мечный ничем на дичь твою привычную не похож. Убегать не станет. Только и жди неожиданных приемов да подлостей разных! Эх, охотник – румяные щеки, – вздохнул Лихолов. – Видать, не столько воинскому делу тебя учить придется, сколько хитрости житейской.

Завершив упражнение с ветками, Лихолов без передышки перешел к занятиям в связках. Учил Елисея стойкам, ударам, до тошноты отрабатывая один и тот же выпад, пока у обоих уже не начало сводить руки от усталости. Осложняло дело, что мужчины старались тренироваться тихо, не наводить в лесу лишнего шума. Утро смотрело и дивилось. Тихо благословляло магией светлого леса обоих мужей на то, чтоб использовали они свое боевое искусство в защиту добра. Утро в лесу такое щедрое, каждый северянин знал это.

После часовой изнурительной тренировки обоим потребовалось немного передохнуть с флягами родниковой воды в обнимку. Лихолов спокойно присел и оперся на ствол дерева – он не так уж устал. А Елисей лег на поляне на спину и раскинул руки. Зашептал старую северную песню про доброго любимого Леса. И казалось ему, что с каждым словом лесная родная земля все больше напитывает тело силой, смелостью, решимостью. Так и чудилось, что прямо через кожу напитывается благославлением Отца-Леса. Очень скоро юноша уже задорно вскочил на ноги и предложил выдвигаться дальше.

Дальнейший путь по еле заметной дорожке очень напоминал вчерашний: все тот же лес с редкими опушками. По бокам виднелись иногда вдали овраги, болотистые впадины или холмы. Иногда тропинка раздваивалась в загадочных развилках, Елисей уверенно выбирал

нужное направление. Ближе к обеду пришлось им поохотиться. Напев что-то полупшепотом своему простому деревянному луку, Елисей натянул тетиву, и свистящая стрела с первого же раза нагнала зайца. Для обеда пришлось найти место вдаль от любых оврагов и туманных лощин, чуть выкопать в земле углубление для будущего костерка, чтобы не сильно привлекать внимание разной бродившей по лесу твари. Зажарили зайца одного на двоих, насытились, угли затоптали и присыпали сырыми еловыми ветвями. И без промедления двинулись дальше в путь. Все уже казалось Лихолову одним и тем же. Много раз он молча радовался, что согласился на помощь Елисея, ведь тяжело было бы одному в чужом лесу дойти до цели. А юноша вышагивал легко, любуясь каждой новой полянкой, ловко выглядывая блуждающие туманы.

Слышалось иногда по лесу чье-то «Ау! Ау! Ау!».

– Что за невидаль? – спросил Лихолов юношу.

– Не обращай внимания, – ответил тот. – Это Аука. Давний дух, знаем мы его! Аукает, путников в глушь заманивает. А там, во тьме нападет со спины – не спасешься! Ну, то для чужаков угроза. Местные-то его голос знают, не обман ведутся. А уж коли подойдет сам, так и песней доброй спугнуть легко.

– Со всеми то вы слад имеете, – ухмыльнулся Странник.

– Со всеми, да не со всеми, – вздохнул Елисей. – Со старыми только. А против новых, этих вот... бродячих... И нету средства...

Аука меж тем не унималась:

– Ау! Смерть! Смерть пришла!

– Вот разошлась, – плюнул юноша. – Это ей, небось, гамаюн накаркал еще про тебя, Лихолов. Вот и запугивает тебя как может. Ну, мы ее быстро сейчас.

И затащил молодой охотник снова свое шепотом:

– Лес, шелести! Лаской пролей. Ладные души наполни силой. Любовью ветвей обними. Льнет свет к свету, льется мудрость стволов. Лепестками да листьями лоснится колыбель леса. Лови же путника в свои ладони, мой лес!

Так и смолкла Аука. Поняла, что на своего земляка напоролась, и не полакомиться теперь легкой добычей.

И вот ближе к вечеру густая чаща стала постепенно видоизменяться. Деревья уже не жались друг к другу, а стояли поодаль, свободно раскидывая ветви. Листья все больше вытеснялись хвоей. Поляны стали более просторными и порой переходили в большие поля. Да и сам по себе лес растерял по низам всю растительность, кроме мха всех видов, и напоминал теперь большой зал с колоннами: просторный снизу, укрытый пушистым ковром (мягким и мокрым – хоть босиком шагай). Воздух немного похолодел.

Вскоре вдаль показались невысокие горы. По словам Елисея, это и были «Горбатые Холмы». Юноша даже тихонько запел Лихолову старинную северную песню, которая уверяла, что здесь жил когда-то огромный дракон. Якобы на плодородных землях он рос всю жизнь, становясь все внушительнее и громаднее. И вот однажды дорос крылатый змей до того размера, что уже не смог взлететь. Плакала искорка магии, породившая его, ибо уже не в силах была поднять свое жуткое детище в небо. Дракон, умирая от голода, бессильно улегся на просторном поле и испустил дух. А тело его постепенно окаменело и стало цепью невысоких гор – горбатых, как спина с шипами.

Пел Елисей очень тихо, шепотом, чтобы не привлечь на живительный звук напевов никакого морока. Но Лихолов смог все расслышать. И забавным ему показалось, что сюда снова прилетел очередной дракон. Притягивает их местная земля, что ли?

Вдруг оба мужчины услышали жуткий, оглушающий рык. Он звучал так, будто одновременно прогремели десятки барабанов, прозвенели в бешеной битве сотни мечей и прорычали тысячи медведей. Даже ветви на деревьях, казалось, вздрогнули от ужаса. Все в редколесье сразу же притихло и замерло. Станным образом, воздух здесь резко показался уж слишком

холодным. Звук прилетел издалека, странники успели броситься в укромные места под деревьями. И увидели в небе, как мчится откуда-то с востока к Горбатым Холмам тот самый дракон. Да так наслаждается он в полете собственной силой, что рычит не ради охоты, не ради охраны, а всласть, упиваясь своей мощью. Да, дракон был еще молод – некрупный, неграциозный какой-то. Но уже опасный. Он уселся на одной из невысоких вершин холмов и затерялся меж скалистых выступов, обнявших его, словно стены крепости.

– Холодно! – поежился Елисей, неожиданно для августа закутываясь в теплый плащ.

– Это та тварь забрала в себя жар с земли, – ответил Лихолов и указал в сторону холмов. – Я уже встречал описания драконов, хотя и редкие эти мрази. Внутри дракона горит костер – тварь сжимает внутри себя магический огонь, шкура его ощущается, как теплая печка. Вокруг дракона воздух всегда теплый, даже жарковатый, как летним днем. Потому что их тела всасывают в себя все тепло из окружающего воздуха и земли. Зато поодаль от дракона холодно – ибо похищено все лето.

– Жуть! – поморщился Елисей. Было видно, как юношу слегка потряхивало. И уж, наверное, не только от холода. А кто бы не испугался идти в логово к дракону? – Храни землю, Матушка Судьба, от этих мразей! Но я-то привел тебя к дракону. Ну? А что дальше?

– Дальше – разведка. Этот дракон еще молодой и неопытный. Наверное, не думает о своей безопасности, вряд ли прислушивается. Так что прокрадемся к его логову, понаблюдаем за ним чуток. Разглядим получше. Разведаем когда и как спит, когда охотится. А потом тихонько спустимся обратно в редколесье, и ты меня проводишь в столицу к королю. Выложу ему все, что знаю, выторгую золотую цену. А дальше буду думать, как тварь убить... И на разведку идти надо сейчас, пока, наверное, он сыт после охоты и расслаблен. Только тихо, не шумя... и, клэтва, парнишка, не болтая!!!

– Вечереет, – вздохнул Елисей. Юноша явно замялся. – Лихолов... Я довел тебя сюда легко, потому что знал дорогу. Но... вот по самим холмам я никогда не бродил. Место это слывет у нас мрачным. Говорят, там духи пляшут по ночам: зажигают дурной магией костры и водят хороводы. Легенды твердят, что в темноте подняться в эти горы – верная смерть. Ох, жутко туда соваться ночью! Обождать бы лучше до рассвета.

Лихолов не особо верил во всякие старые легенды: для дурачков и простачков все это писано. И еще он не хотел упускать момент, когда можно было бы безопасно подобраться к дракону. Например, будучи уверенным, что хищник спит после охоты. Но Елисей с упрямством камня отказался идти во время заката к жутким холмам. Прикинув как следует, Странствующий Охотник все же решил, что раз уж есть напарник, да еще и местный житель, то идти на разведку безопаснее вдвоем. Значит, придется уступить.

Заночевали, найдя место на предгорье меж больших серых валунов и кустарников, укрытое от посторонних взглядов. Поужинали весьма скудно, так, чтобы хоть немного припасов осталось на утро. Костер разводить снова побоялись. Перед сном Елисей долго молча смотрел в ночное небо, и в какой-то момент сказал:

– Верила моя матушка, покойница, потому как ей поведала то ее мать, а той и ее, что небо есть купол, а звезды – лишь дыры в нем. А когда солнце заходит, сквозь эти дыры просачивается к нам свет горний. Ну, с того мира, что выше нашего, где живет сама Матушка Судьба.

– Да, – тихо ответил Лихолов, – моя мать тоже мне такое говаривала в детстве... Но пока странствовал я по Зеленой Тверди, слышал множество иных преданий. Например,, что Солнце есть отец, а Земля есть мать, и много у них разных детей. И звезды их дети, и люди – тоже. Да все то – лишь сказки. Спи, давай, молодчик!

Уснули, завернувшись в плащи, голодные и озябшие. Казалось Лихолову сквозь дрему, что доносились со стороны гор странные вои и стоны, что там все скрежетало и двигалось. Но камни и растения укрывали путников надежно, а выспаться было сейчас очень нужно, потому Странник силится спать дальше, невзирая на страшные звуки.

С первыми лучами солнца Елисей проснулся сам и разбудил Лихолова. Наскоро доели они последние крохи лепешек, полакомились орехами и двинулись в сторону той части гор, куда залетел крылатый змей.

Здесь Елисей троп никаких уже не ведал, и чувствовала местная земля, что шагают по ней два чужака. Не нравилось это вторжение горбатым холмам: не выстиралась нигде легкая дорога. То приходилось карабкаться через угрюмые здоровенные камни, то пробираться через ледяные горные ручейки. Тяжело, с сопротивлением. Ничто здесь не было радо незванным гостям. Особенно же донимал холод. Августовский свежий, но еще по летнему уютный лес, остался где-то позади, как теплая мечта. Горы же оцетинились, кололись, скользили, препятствовали. А к тому же Лихолова мучили боли в шрамах. Путь занял намного больше времени, чем представлялось.

На очередном подъеме, где-то меж сосен, странники снова услышали оглушительный рык дракона. На этот раз звук пронесся совсем близко. Мужики прижались к ближним хвойным стволам, пытаясь как-то укрыться. И вовремя – буквально через пару мгновений увидели они, как пролетело над ними большое шипастое чудовище. С коричневой чешуей, отливающей блеском в серебро, с вытянутым тонким телом и небольшим хвостом на широких перепончатых крыльях. За драконом шлейфом тянулось тепло, словно в эти края снова вернулось лето – но оно быстро рассеялось. Тварь и не заметила спрятавшихся странников и продолжила планировать мимо, куда-то на запад.

– Сейчас разомнет крылья, а потом начнет охотиться, – немного расстроено высказался Лихолов. – Не успели. Теперь придется пробраться поближе к его логову. Там затаиться и ждать возвращения.

Лихолов, явно привыкший к походам по чужим землям, с большим напором шел вперед. Он, по всей видимости, намеревался подоспеть к логову дракона и найти там удобное для засады местечко. Явно умел Странник переть напролом, против воли природы, против судьбы и против обстоятельств, не сокрушаясь от того чувства, что ему сейчас не рады. Елисею же страсть как хотелось обучаться у Лихолова и бою на мечах, как он уже говорил, да еще и охоте на магических тварей. Потому как и кровь воина, и кровь охотника смешались в юноше. Много он слышал рассказней и легенд о Странствующем Охотнике, и только в самых своих потаённых, безнадежных мечтах мог представить, что однажды встретит героя воочию. Да еще и получит несколько уроков, навяжется в ученики. Происходящее при всех неудобствах было для Елисея даже больше, чем сбывшееся желание. А кто мечтал, тот знает, что больше мечты может быть только одно – чувство обретения предназначения. То самое, глубоко пронизывающее ощущение, когда ты всем своим существом чувствуешь, как Матушка Судьба собственными руками схватила тебя за шкуру и тащит в нужном направлении. Вероятно, такое чувство могла бы испытывать капелька соленой воды на камне, которую вдруг подхватила огромная волна и унесла назад в родной океан. Именно это переживал Елисей с той самой минуты, как встретил в лесу Странствующего Охотника. За таким чувством молодое горячее сердце пойдет куда угодно и правильно сделает. Потому юноша молча повиновался своему спутнику и шел, преодолевая усталость и страх.

Странствующий же охотник, все-таки, достиг желаемого примерно к обеду. С отлётом дракона благодаря близкому августовскому солнцу в горах немного потеплело. Но путь, наконец, прервался. Лихолов дошел до места, куда, как ему показалось, вчера влетел дракон. И правда, все тут было похоже на обиталище крылатого змея. Здесь вершина одного из холмов неуклюже прижималась к следующей горе. Часть этого небольшого плато была завалена огромными валунами, образовалось что-то вроде укрытого с трех сторон зала, только без крыши. В углублении же виднелась неглубокая темная пещерка – можно было предположить, что спал дракон именно там. В отличие от всего остального серо-зеленого ландшафта Горбатых Холмов, в этом месте много было опаленных чернотой камней и выжженной растительности. Местами

валялись кости каких-то зверей, некоторые прямо с недоеденными кусками плоти. На них же толпились, галдя, стервятники. Эти останки источали мерзкую гниlostную вонь. Суeta голодных птиц сливались с мельтешением мух. Лихолов осмотрелся, приглядел пару укромных мест и приказал Елисею сторожить горизонт с запада. Сам же двинулся к пещерке.

В целом, весь этот удручающий вид вполне вписывался в обычные картины из жизни нечисти. Да вот только вдруг что-то резануло взгляд Лихолова. Что-то странное, нетипичное для такого места, что-то цветное... Он подошел к этому поближе и понял, что смотрит на одежду. Человеческую, причем, отнюдь не разодранную ткань некоей невезучей жертвы. Нет. Этот наряд был аккуратно сложен, будто бы по-людски, в ровную стопочку и бережно уложен на одном из камней пещеры. Странник часто сталкивался с разной дурной магией, поэтому понимал, что странных незнакомых вещей касаться ни в коем случае нельзя – мало ли, какие чары на это наложены. Более того, подобные следы человеческого присутствия означали, что вообще что-либо здесь трогать, передвигать и задевать крайне опасно. Одним словом, нельзя оставлять после себя в этом логове какие-либо изменения. Уже само то, что запах Лихолова и Елисея (кстати, весьма насыщенный и дурной после нескольких дней странствий) останется тут – уже большая угроза. Ведь дракон может его заметить и насторожиться, взбеситься и даже броситься выслеживать непрошенных гостей. Остается только надеяться, что тварь еще юная, неопытная, толком не сообразит, что делать, если почует чужаков. Подойдя и всмотревшись пристально в странную находку, Странник понял, что обнаруженная в пещере одежда, вероятно, женская и весьма приличная. Поверх стопки лежала какая-то теплая вещь небольшого размера, из добротной плотной красной ткани, расшитая золотыми нитями, с замысловатыми узорами, да еще и с меховыми окантовками. Под ней же томилась в стопке какая-то тряпка, напоминавшая длинное льняное платье и еще какие-то мелочи. Вдруг Лихолов заметил поодаль коричневые женские сапоги. И рядом еще кулек каких-то завернутых вещей. Все без следа крови и насилия – бережно сложенное. Странно, очень странно.

Что за загадки? У дракона есть служанка? Или, скорее, хозяйка? Странная богачка, приходящая невесть откуда в гости? Нет, бред! Откуда ей приходиться, ближайшая жизнь только в деревнях в дне пути через дикий лес, никто так ходить не будет. Может эта загадочная женщина здесь живет? Но где тогда следы ее быта – очага для пищи или бочки с водой, например? Как она могла бы спать на холоде ночью?... Нет, жить здесь никто бы не смог. Тогда, может, дракон украл это все откуда-то? Но тогда вещи были бы все небрежно скомканы и невесть как разбросаны! Да и зачем дракону женские тряпки и сапоги? Возможно, сюда каким-то неизвестным пока образом приходила женщина, разделась сама и... сгинула? Принесла себя в жертву? Тоже странно. В жертву могли бы принести деревенскую нищую девку без помощи и защиты, но одежда явно принадлежала богачке, и даже на ведьмины лохмотья совсем не походила...

Раздумья поглотили внимание Лихолова. Очнулся он неожиданно от свиста Елисея. Это означало, что на горизонте с запада показался дракон. Пока где-то вдаль, но надо было срочно спешить в укрытие. Странник резко бросился прочь из пещеры, перепрыгивая кости и камни. Оба мужчины шустро полезли вверх и спрятались за выступами кривых булыжников. И вскоре нырнули куда-то поодаль от логова дракона, но чуть сбоку и на возвышении, в уступе соседней горы, меж валунов, высокой травы и пушистых колючих кустов. Они залезли туда уже почти ползком, укрываясь от глаз крылатой твари. И залегли в молчании, таращась на приземляющегося дракона. Лихолов приставил палец ко рту и тихо шикнул Елисею. Теперь оставалось только наблюдать.

С рвущим воздух рыком довольная тварь вернулась в свое гнездо. Взмахи его крыльев, поднявшие пыль и распугавшие птиц, медленно стихли после того, как дракон неуклюже шмякнулся на лапы. В его пасти свисало что-то мертвое, напоминающее овцу. Видимо, украл у кого-то из ближайшей деревни. По клыкам струилась кровь жертвы. Он бросил бездыханный комок на камни.

От этого зрелища даже у Лихолова похолодело тело, а ведь он насмотрелся всякого.

Дракон прижал добычу к земле передними лапами, а пастью принялся жадно отрывать куски плоти, глотая их большими порциями. Овца не вся была обуглена, только частично, видимо, дракон чуть подпалил ей голову, а заодно и спину, чтобы легче догнать, а потом просто схватил зубами и унес. Под тушей медленно растекалась лужа темной крови, и стервятники уже танцевали вверху в небе, дожидаясь когда придет их время. Но чудище было голодным, очень голодным! Оно вырывало все крупные куски мяса, потроха, и заглатывало – все это жадными дергаными движениями. Так едят молодые хищники, те, которым еще трудно охотиться, не каждый раз им удается раздобыть пищу.

Наконец дракон наелся, отошел от остатков добычив сторону и потупил окровавленную морду. Стая навязчивых мух давно облепила кости с недоеденным мясом, а сейчас уже и вовсе пировала. Одна особо наглая птица медленно спустилась вниз и присела сначала на камни. А потом легонько перепрыгнула на свежие остатки овечьих ребер. Дракон был сыт, но его раздражала наглость стервятников, и он тихо рыкнул на птицу. Не успела та сорваться с места, как вслед за ней дракон испустил длинную огненную струю. Пернатое существо обуглилось прямо налету и упало куда-то меж камней замертво. А ее сородичи расселись по горам и притихли, выжидая, когда дракон уснет. Но тварь не укладывалась спать. Она некоторое время сидела в какой-то задумчивости, а затем...

Начало происходить нечто еще более странное, чем все предшествующее. Лихолов и Елисей удивленно вытянули шеи и прищурились, стараясь понять, что это. Дракон начал словно таять. Он несколько мгновений превращался то ли в дым, то ли в туман, рассеивался. А потом его образ вовсе исчез, оставив вместо себя на земле маленькую фигурку человека. Казалось, все в мире должно было замереть, застыть, чтобы дать разведчикам хотя бы немного осмыслить только что увиденное. Но нет, жизнь вокруг продолжалась так, словно не произошло ничего необычного: посвистывал ветерок, чирикали птицы, светило солнце. Подумаешь, дракон оказался человеком! Много чудного видели пузатые облака!

Сколько разных выкидышей черной магии встречал за последние годы Лихолов, сколько из них он прикончил! Но такого, что бы хоть одна из этих тварей превращалась из тумана в человека – такого он никогда не видел. Не видел и никто другой во всей Зеленой Тверди. Меж тем человеческая фигурка утомленно прилегла на камни. Еще пара внимательных взглядов, – и стало понятно, что этим существом была девушка. Молодая, так как имела тело еще пока стройное, местами даже угловатое, девичья юность легко считывалась по острым плечам и коленкам, ярко выраженной талии. Девушка лежала с согнутыми коленями на своей белой спине и почему-то держалась ладонями за лицо, словно пыталась от чего-то прийти в себя. С того расстояния, на котором прятались разведчики, им не было достаточно четко видно, какое у нее лицо, тем более, что оно было испачкано все той же кровью. Но понятно, что, скорее всего, черты милovidные, ведь не было заметно каких-то ярко выраженных уродств. Зато бросались в глаза ее растрепанные длинные волосы, кудрявые и светлые, словно языки бушующего пламени. Лихолов бросил взгляд на Елисея. А тот выглядел совершенно смущенным. Во-первых, из-за неожиданности всего этого положения. А во-вторых, на вид стройного полностью обнаженного девичьего тела. И даже смешно стало Страннику над юностью своего спутника. Ох уж этот томящий жар внизу живота, когда впервые видишь голую девицу! Сам-то Лихолов тоже с удовольствием разглядывал незнакомку, но скорее как опытный сытый лев смотрит на добычу. А вот Елисей явно остолбенел.

Поерзав несколько на земле, странная девушка приподнялась, глубоко вздохнула и аккуратно встала на ноги. Солнечные лучики вожаделенно обняли нежное молодое тело. Казалось, незнакомку еще несколько мгновений пошатывало как хмельную. Она обхватила плечи руками, будто стесняясь собственной наготы, а затем стала крутиться и осматривать себя. Обнаружила, что испачкана: местами кровью только что съеденной жертвы, местами пылью

каменной. Затем она гордо вздернула подбородок и пошла медленным плавным шагом вглубь пещеры. Наклонилась куда-то к камням, и от этого ракурса наблюдателям стало совсем жарко в паху. Затем вышла наружу неся с собой сапоги и какую-то тряпку. И направилась по булыжникам вниз. Стервятники тут же обрадованно налетели на обглоданную тушу овцы.

Лихолов тыкнул Елисея в бок. Решил жестами подать ему знак, что нужно тихо следовать за странной девушкой. Разведчики покрались вниз. Это было непросто, так как охотники по-прежнему старались оставаться незамеченными, а, значит, нужно было передвигаться бесшумными перебежками: от дерева к дереву, от валуна к валуну.

Но идти пришлось недолго. Притаившись где-то за большими грубыми серыми камнями, они смотрели, как девица спустилась к горному ручейку и принялась ополаскиваться в чистой воде. Ручей явно нагревался от ее прикосновений, вокруг белого тела вился легкий туман пара. Она присела на одном из мокрых булыжников и умыла лицо, затем стала набирать в ладони воды и обливать то свои плечи, то мягкие груди, то ноги. Здесь незнакомку было видно уже лучше. Проглядывалось чистое, невероятно правильное лицо с нежными губами, хрупкая шея, стройная фигура. Капли воды игриво сбегали в ложбинку меж грудей, ниже, словно ласкали прекрасное тело. Вся девица была такая ладная – будто сгусток самой жизни, всего самого красивого на свете.

Девушка встала и накинула на себя ту самую льняную тряпку, оказавшуюся женским платьем, причем, нарядом явно недешевым – препоясанным и расшитым. Обула сапоги и медленно пошла назад в свое логово. Лихолов остался в той же засаде, Елисей тоже.

Когда незнакомка достаточно удалилась, юноша не выдержал и принялся приглушенно восклицать:

– Что это за чернь такая? То дракон, то вдруг дева? Да еще... такая... ох... красивая...

– М-да, это диво и мне ново, – задумчиво вздохнул Лихолов, поджал губу и затеребил свой амулет. – Я такого еще не видел. Знаю, что драконы – это уродливая ненормальная форма жизни, от природы такое не рождается. Появляются они только через дурные события. И еще для создания дракона нужна большая жертва, такая жертва, чтобы мир вздрогнул. Скажем, растлился резко праведный духом человек и, как в омут, пустился во все тяжкие. Вот только тогда и может на свете появиться подобная тварь. Но как так, чтобы получилась смесь? И дева, и дракон одновременно. Не знаю, – задумался Лихолов. – Никто из всех тех ведунов, которых я встречал, а их было много, не смог бы, например, сделать из себя самого крылатого змея... Ну, предположу, что эта девушка – не колдунья. Возможно, она жертва чьих-то злых чар. Вероятно и такое, что, например, какой-то черный ведун, положим, захотел создать дракона, а девицу решил возложить на алтарь как жертву. Но что-то пошло не так. И вышло ни то, ни се. Теперь это как два существа в одном.

Елисей выслушал рассуждения Странника и потупил взор. Оба мужчины просидели несколько мгновений с окаменелыми тяжелыми выражениями лиц. Первым тишину прервал юный Елисей:

– Девушка, такая молодая... Ты говоришь, жертва какого-то колдуна. Если она ни в чем не виновна, мы должны помочь ей?..

– Как? – пожал плечами Лихолов. – Допустим, мы пустимся в долгие опасные поиски за сильным белым ведуном, каким-нибудь «хранителем всея гребанного света Матери Судьбы». Сколько мы будем искать такого? Получим ли помощь? А за время этих безнадежных странствований дракон разрастется, станет жирной непобедимой гадиной. Сколько тогда жизней он унесет? Сколько семей разорит?! – Тяжелый вопрос словно придавил собою.

Солнце зашло за тучу. Будто бы помрачнело все кругом. Лихолов тихо и хрипло выразил тот единственный вывод, который и так был очевиден:

– Это существо нужно убить! И как можно скорее. Помочь ей уже нечем...

Елисей опрокинул голову в ладони:

– Убить молодую девушку? Она только жить начала. Такая красивая... Как... как ты будешь ей в глаза смотреть? Нет, не могу, не могу...

– А тебе и не надо, тебя никто и не просит. Это я охотник на тварей, а ты просто мой провожатый! – отрезал Лихолов. – Но только сначала доедем до короля, разузнаем, сколько он мне заплатит за ее драконью башку. А потом вернусь и прикончу.

– Не верю, – не сдавалось праведное сердце. – Матушка Судьба добра, она о каждой травинке заботится, о каждом червячке! Если так случилось, что девица выжила, как ты говоришь, то значит... Что сама Судьба повелела ей жить! Нельзя убивать ее, надо помочь!

– Тьфу ты, дурень королюбый! – закатил глаза Лихолов. – Я тоже люблю красивых баб, ни одну ни разу не обидел. Но это уже не человек, это лишь тень женщины! И не носи ты мне бредни всякие про судьбу, червячков, и травинки! В чернь их! Давно я с вашей Матерью Судьбой поругался, иду против нее. И ничего – жив, сыт, прославлен!

– Лихолов, всякое может мерещиться тебе в гордыне! Да не значит, что оно так и есть, – грустно возразил юноша. – Учили меня, что у Матушки Судьбы два крыла: Правда (закон, справедливость) и Ладна (стремление мира к красоте и гармонии). Не все справедливое гармонично. Но и не все ладное справедливо. Жизнь держится на этом... Ну на равновесии этих двух крыльев. Может... может, чтобы уравновесить мир, тебе в чем-то не воздалось по правде.

– Клэтва! Опять ты за свое, ядрена тебя ель! Где ж ты вообще так шпарить научился на всеобщем языке?

– В Северном Лесном нашем государстве почти в каждой деревне есть храмы Матушки Судьбы. Там иногда учат жрецы крестьянскую детвору. Ну, так, ради доброго дела. Вот и меня немного. Знанию священного писания больше всего, конечно. Всеобщему языку тоже. Ну... еще пытался я обучиться читать и считать... Но это туго шло, хотя немного освоил.

– Ясно! Эти «хранители света», гори они в небыли, знают, как сызмальства свою пургу в людские головы вбивать! – съехидничал Лихолов. – А все лишь красивые слова, чтоб побольше податей содрать с таких как ты!

Тут Елисей разозлено вскочил на ноги и затараторил:

– Хватит так гнусно выражаться про мою веру! Я за то и убить могу, коли потребуется!

– Тихо ты, тихо, – даже не дернулся Лихолов. – Не буду я с молодчиком драться – есть куда силы потратить. Ладно, не бери обиду в душу! Постараюсь не задевать тебя больше. А вообще так, давай уж, не болтай, а вот что. Надо нам как-то поохотиться тихо, неприметно, меж скал. Может, птицу какую подстрелим. Проследим за драконихой. Как уснет – разведем наскоро костерок и дичь свою зажарим. Хоть поедим. Просидим в засаде еще ночь, понаблюдаем за ней, глядишь, чего еще полезного разведем. Мало ли какие еще интересные привычки подметим. А поутру на рассвете пойдем прочь в сторону столицы.

– Так это что же, ночь в горах проведем что ли? Говорю же – опасно тут! Здесь духи по ночам пляшут! Здесь тьма гуляет, как на пиру! Не мудро нам ночевать в этих краях! Найдет нас мразь какая – сгинем.

– Не думаю. Я читал когда-то о драконах. Говорят, эти чудовища настолько ужасны, что отпугивают даже иных магических тварей. Всякая шушера их боится. Так что, не трясись ты так из-за сказочек про горы. Подберемся вечером поближе к ее логову, укроемся незаметно, в плащи укутаемся и поспим по очереди. А будут твои духи где поодаль шуметь – не слушай, они сами к дракону не пойдут. Одного запаха испугаются. Одним словом, я тут остаюсь.

Некуда Елисею деваться, так и порешили в горах остаться. Двум охотникам всегда пища сыщется. Быстро они приметили подходящую птицу – жирную, пузатую. Одной тихой стрелой сразили. Наполнили фляги из горного ручья, омыли лица. И прокрались в свое прежнее укрытие чуть повыше драконьего гнезда. Там снова стали наблюдать за незнакомой девушкой. Но ничего не происходило. Она насобирала охапку полевых цветов и стала убивать скуку плетением венка. Тосковала. То пела старые северные песни и сама же кружилась и прихлопы-

вала. То лежала на спине и смотрела в небо. Брала горсточку веток и пыталась что-то сплести из них. Скидывала кости и мусор вниз на горы, пытаясь навести подобие чистоты. Усаживалась на пятки и монотонно раскачивалась с закрытыми глазами, что-то напевая под нос, наверное, песенную требу к Матушке Судьбе. Обычная девушка. Никакая не колдунья или нежить.

Путники меж те маялись. В засаде-то сидеть оба привыкли, могли так провести и весь день. Не телами томились, но сердцами. Смотрели на молодую девушку и все больше исполнялись жалости. Она не колдовала, не танцевала безумные танцы в честь Владычицы Тьмы, не тараторила никаких дурных нашептываний – нет, ни горстки черни. Обычная юная, грустная девица. Невинная, никак не подозревающая, что за ней наблюдают ее будущие убийцы. Лихолов заглядывал иногда в глаза к Елисею и видел тоску. Оба надеялись увидеть что-нибудь ужасное, непозволительное, отталкивающее. Так было бы легче, тогда смятение отступило бы, и рука стала бы твердой. Но нет. Ничего. Только нежная цветущая жизнь была здесь.

Лихолов старался быть холоден. Он набродился по свету, повидал многое. Насмотрелся на боль, отчаяние и ужас. Он много раз видел, как мрак воплощается в разных тварях. Знал, как рождаются дети сумерек. Как деревенеют сердца людей перед трудным выбором. Слышал, как собственные отцы продают невинных дочерей в бордели, чтобы спасти им жизнь от голода. Встречал, как среди солнечного дня налетает тьма и все вокруг чернеет. И все это много и много раз. Лихолов знал, что любой дракон нес боль в этот мир, и без того истерзанный. Оттого понимал Странник, что нельзя жалеть дракониху. Нельзя давать ей много времени. Надо, чернь побери, надо оборвать эту жизнь, пока она сама не оборвала сотню других. Пока ее еще можно победить.

Незадолго до заката девушке явно стало не по себе. Она принялась расхаживать в разные стороны. Двигать руками, словно справляясь с чем-то внутри. Иногда останавливалась, сжимала ладони в кулак у самого сердца и что-то шептала, мерно покачиваясь – так обычно тихими песнями молятся Матушке Судьбе. В конце концов ее тревога стала напоминать безумие. Девица принялась нервно раздеваться, словно торопилась куда-то. Сложила кое-как вещи. И тогда разведчики увидели превращение. Образ человека стал размываться, обрастать туманом, из кожи вырастали шипы, грудь бешено вздымалась от яростного дыхания, сзади появился хвост. Изменилась ее тень, приняв форму дракона, опережая превращение плоти. Девушка разбежалась и выпрыгнула из своего логова куда-то в горы: резко, размашисто, распрямляясь в полете и окончательно превращаясь в дракониху. Воздух тут же подхватил ее, и тварь в полете издала свой рык. Звук, казалось, резал воздух, как нож режет масло, пробирал до костей, вытаскивал трепет с изнанки души. Это было и ужасно и как-то неопишимо красиво одновременно. Словно бы юной невинной девушке удалось вложить в дракона свою красоту. Чудище летало по сиреневому вечернему небу. Было заметно, что оно наслаждается само собой, свободой полета, собственной мощью и силой. Покружив немного над горами, дракон улетел навстречу падающему солнцу. Надолго ли – не известно. Охотникам оставалось только тихо ждать возвращения.

Едва опустился вечер, как дракон вернулся, спокойный, одинокий, без добычи. Видимо, не был голодным, а просто захотел зачерпнуть свежего воздуха своими размашистыми крыльями. Погонять на пару с горным ветром, подразнить облака. Тварь приземлилась на скалу и приняла прежний девичий образ. Оделась, улеглась в пещере со своими ветками и снова начала их переплетать от скуки. А еще через какое-то время мирно уснула прямо с недоделанной вязью прутиков на животе.

.....

Звезды рассыпались по небу. Темные облака приластались к луне, день задремал. Охотники решили подкрасться к драконьему логову поближе, так как в ночи могли только там рассчитывать на некую сомнительную безопасность. Нашли за очередными кусками горы уютную

котловину и молча накидали хвороста, развели небольшой костерок, быстро поджарили заранее подготовленную птицу. Затоптали костер, укрыли угольки папоротником. Наскоро съели дичь и отпили воды из фляг. Для двух рослых мужей, еще и не обедавших, то был весьма скромный ужин. Но пришлось снова перетерпеть. Они успокаивали себя мыслями о том, что завтра отойдут подальше от дракона в лес, и там уже поохотятся основательнее. А в столице вообще отъедятся на славу. Но сейчас нужно было все делать тихо, быстро и незаметно. Елисей караулил первым. Лихолов же дал на всякий случай своему спутнику большой, остро наточенный кинжал, а сам свернулся в клубок в своем плаще и быстро уснул.

Ночь начиналась неплохо. Но со временем в горах все настойчивее начали раздаваться странные звуки. Темнота выпустила на простор горный ветер и было неясно: он ли воет тоскливым плачем, или духи ночи беснуются меж скал. Холодало, свежесть воздуха щекотала щеки. На воющих звуках странная мелодия тьмы не прекратилась, какофония только нарастала, становилась объемнее. Вскоре поплыли вокруг уже и самого Елисея странные шорохи, и юноша напряженно сжал рукоять кинжала, а лук со стрелами положил поближе прямо перед собой.

Молодой охотник начал уже заметно промерзать. Не помогал и плащ. По телу пошла плясать легкая дрожь. Елисею начало чудиться, что по горам вверх-вниз бегают шепот. Будто разбросаны повсюду осколки тьмы, весь день они спали, и вот сейчас проснулись и начали друг с другом перекликаться. А потом принялись бродить, что-то выискивать, сбиваться в стаи и все время перешептывались каким-то шипением. Вдруг померещилось юноше, что какая-то тень, по форме человеческая, только сторбленная, худощавая стоит в двадцати шагах. И смотрит прямо на разведчиков! Смотреть в ответ было жутко. Казалось, вместо глаз у тени какие-то жуткие дырки. Елисей помотал головой. Тело плохо слушалось от холода. Моргнул. И вроде бы наваждение исчезло.

– Тфу! Померещится со страху!

Но только еще через пару мгновений показалось на том месте уже больше подобных чудищ. И все словно слетались в круг смотреть на незваных гостей. Елисей хотел было потрясти за плечи Лихолова и разбудить. Да вдруг понял, что теперь уже не мог двинуть ни рукой, ни хоть ногой, ни даже крикнуть. Всю его плоть будто сковал изнутри могильный холод, оцепенение. «Морок!» – мелькнуло в сознании.

Темные тучи высвободили из объятий луну, стало чуток светлее. Только и увидел Елисей, как сидит он рядом со своим спящим спутником, а вокруг них кольцом стоят странные исковерканные тени с дырками вместо глаз. Пялятся на разведчиков и что-то обсуждают. Нужно бежать, нужно сражаться! Но тело окоченело. Тогда нужно быть тревогу, будить Лихолова! Сил у юноши хватило лишь на то, чтобы еле слышно пропеть старую требу к Свету Матушки Судьбы. Здесь, на Северо-Востоке, верили, что одно лишь упоминание о ней обжигает тьму. Стоило Елисею чуть прошептать, как сил немного прибавилось, он громко заорал:

– Лихолов! Морок напал!

Но не мог он даже обернуться, посмотреть, удалось ли разбудить Странника. Зато в ответ на его возглас одна из жутких теней выступила вперед, подняла в его сторону руку и что-то проговорила на незнакомом, шуршащем языке. В то же мгновение туман застелил глаза Елисея, и стал юноша ни жив, ни мертв, ни бодр, ни в дреме. А будто опьяненный, что-то понимал, что-то смутно чувствовал, но вырваться не мог. И теперь уже даже на шепот не было сил. Туман проскользнул в самую глубину тела, гася там последние остатки тепла. Ощущал Елисей только как он летит куда-то. Будто он – низкое-низкое облако, и его привязали за веревочку да тащат прочь. Лихолов очнулся от крика Елисея, потому как сон бывшего охотника всегда чуткий. Только поздно. Он тоже уже был скован весь могильным холодом, каким-то глубоким отчаянием. «Туга», – вспомнилось северное словечко. И так же на него налетел туман, застлал глаза, прополз внутрь, превратил в облако и унес.

Сколько их тащили и куда – неясно, чувства времени и пространства стирается, если ты – всего лишь сгусток тумана. В том состоянии ощущали они только одно – тоску. Были самой тоской. Тоской дышали. Тоску несли за собой и вились туманом по земле.

В какое-то мгновение мир вернулся в прежнее состояние. Лихолов и Елисей снова оказались людьми, не туманами, но все так же полностью скованными могильным холодом. Тела их, усадили рядом друг с другом, а вокруг происходило что-то вроде собрания. То была плоская ветряная вершина одного из холмов, внизу обрамленная кольцом сосен. Луна освещала это открытое лысое горное плато. Кругом хороводом стояли мерзкие скрюченные сизые тени, словно выкидыши ночного тумана, с ломанными горбатыми фигурами. Напротив пленников же стояла самая крупная тень, кто-то вроде местного предводителя, короля или вождя. Все остальные, скорченные и убогие, что-то шептали тому, главному, на непонятном наречии. А вождь внимательно слушал. «Шур-шур!» – только и можно было расслышать.

Странники же по-прежнему не могли ни шевелиться, ни даже говорить, только безвольно сидели как тряпичные куклы. Вдруг главная тень взмахнула рукой, и все смолкли. Вождь сделал два шага в направлении пленников и стал властно медленно говорить с ужасным акцентом на всеобщем человеческом языке. Шипящим сдавленным голосом. Это звучало так, словно бы пыль по горам зашуршала от ветра:

– Гости незваные. Гости неожиданные. Забрели в мои края... Посмели шагать. Посмели топтать. Своими грязными сапогами. По моим Горбатым Горам! – раздалось поддерживающее шипение жуткой призрачной толпы. – Я – Версипал. Я – хозяин. Хозяин горбатов гор. Царь духов. Сила мрака. Жуть тумана.

Тут толпа буквально взорвалась визгами и воем, прославляя своего царя. По душе Елисея разлился жгущий ужас, словно в его живот залили кипящее железо.

– Жгу я голубые костры здесь. Каждую ночь жгу. Костры из душ. Умерших здесь душ. Зверей, птиц – все мои. И на огонь той жертвы живу. Мы все тут живем. И так уже века. А еще высоко жгу. Там, где видно издалека. Чтобы никто чужой не влез в мои горы без спроса. А вы – наглые. Смертные. Песчинки пыли. Вы убили мою птицу. Стрелой. Сожрали сами. А дух ее был МОЙ! Он должен был. Гореть в моем синем огнище! Без спроса. Без дозволения моего. Ограбили!!!

Гул топы снова зашипел. Было похоже, что пленников осыпали проклятиями и угрозами. Махали призрачными ручищами и скалились рваными пастями. Черные сосны по краям плато торчали вверх острыми верхушками, и, казалось, что это копыта невидимой армии. А царь духов продолжал:

– Плата за грабеж. Будет взята с вас. Вывернем наизнанку. Выпотрошим души. И туманом сделаем. В эту ночь в голубое кострище тьмы. Бросим первую душу. А вторую на третий день. Жизнь ваша. Время ваше. Нашими станут. Сожрем их. Да такие костры. Разожжем с вас. Что на всю округу. Видно будет. Век еще никто. Не полезет в мои горы. И не украдет моих душ.

С последними словами царь резко отвернулся от пленников и направился обратно внутрь своей толпы. Другие же призраки засмеялись, пошипывая, будто им перепало невиданное лакомство. Лихолов и Елисей изо всех сил пытались справиться с оцепенением, как-то вырваться, хоть шепот осилить – но все тщетно. Будто их замуровали в куски льда, оставив только зрение и слух. Елисей силился достать из сердца хоть капельку света, чтоб хватило на шепот молитвы Матушке Судьбе, уж тогда бы тьма испугалась. Да не тут-то было. Намертво могильный холод связал пленников. Казалось мужчинам, что они даже не дышат – до того не властвовали над своими телами. Меж тем, призраки, явно довольные и возбужденные, закружили хоровод вокруг жертв. Уже тянули свои подобия рук к их сердцам, чтобы сделать что-то кровожадное. Мужчины же мысленно извивались и противились. Это мгновение длилось мерзкую вечность. Столько всего сейчас чувствовали пойманные жертвы.

Как вдруг все замерло. Десятки дырок вместо глаз уставились куда-то в одну точку позади мужчин, но ни Лихолову, ни Елисею не было видно, куда именно. Потом тени взвизгнули как испуганные псы, отскочили в стороны, нашли своего царя и сбились за его спиной в жалкую кучку. Что – –то сильно их испугало. Стало теплее как-то резко. Лихолов и Елисей почувствовали себя кусочками льда под первыми весенними лучами солнца. И тут за спинами мужчин из мрака раздался голос. Нежный, девичий, журчаще-бархатный. Но строгий, повелительный:

– Версипал! Не свою добычу ты поймал! Отпусти их!

Медленно, по правую руку, из-за спин пленников вышла девушка. Теперь ее стало видно. В теплом кафтане и с длинными кучерявыми золотистыми волосами. От нее исходило жарящее тепло, будто от печки. «Дракониха!», – подумал Елисей, оттаивая от оцепенения. Мужчины уже чувствовали свои лица, шеи, плечи и руки, позволяя драконьему жару отогнать прочь туманный холод. А девушка гордой властной походкой с прямой спиной и вздернутым подбородком вышла еще вперед. И встала между пленниками и Версипалом. Тот же весь в отвращении сморщился, будто отчаянно сопротивляясь какой-то внутренней ломке. А потом уже не таким гордым, как раньше, голосом, но больше даже визгом, царь духов выпалил как обиженный старичок:

– Эти воры! Они украли! Нашу птицу. Без разрешения взяли. Наказаны! Должны быть.

Девушка же ничуть не смутившись, точно ведая свою силу, упорно продолжала:

– Версипал! Ты – грязь под ногами тьмы! И народ твой – мерзость! Я же – кострище света. Я – жар, я – огонь карающий! Как смеешь ты возражать мне? Отдай мне этих пленников. Они – моя добыча!

Версипал стал корчиться и ежиться, рычать и фыркать, остальные же духи за его спиной молча жались друг к другу в ужасе. А царь все не мог решиться, что хуже: послушаться дракониху или остаться без добычи сегодня. Лихолов и Елисей уже совсем оттаяли и молча наблюдали. Девушка с золотистыми волосами начала заметно злиться и тепла от нее стало больше, будто разгорался невидимый костер. Она повысила голос, по-драконьи прорычала:

– Версипал! Отдай мне этих пленников! Или узнаешь гнев моего огня! Я зажгу свой свет среди твоей ночи, и ты сгинешь!!!

Последние слова она уже прокричала громким рыком, голосом дракона. Даже горы вздрогнули от испуга. Похоже, ее жар был для нечисти несносен, жуток, как верная гибель. Духи гор с визгом разлетелись в разные стороны, не выдержав собственного страха. А Версипал же молча превратился в туман и рассеялся. Но шипение и визги еще долго носились по окрестностям. То за камнем, то за сосной, то в овраге – стонало и рычало что-то бестелесное, озлобленное, разочарованное.

Пленники остались один на один с девушкой. Она повернулась к ним с гордо поднятым подбородком, посмотрела сурово и строго произнесла:

– Вы, двое безумцев! Идите за мной. Назад не оборачивайтесь. По сторонам не смотрите. Смотрите только на меня или под ноги. Да не отставайте ни на шаг. Иначе снова обледенеете!

И она тут же быстро зашагал прочь. А путники – за ней. Страшно было идти вслед за драконихой. Но оставаться с озлобленными духами – еще хуже. Как в плохом сне брели путники по темной ночной земле. Дуря от слишком жаркого воздуха, исходившего от девушки. Долго шли. Спотыкались. Но смотрели, как велено, только на свою заступницу или себе под ноги. И не отставали. Ее красный сарафан даже среди ночи выглядел ярким. А золотистые волосы, казалось, словно слегка светились, как только что потухшие лучины. Хочешь, или нет – а взгляд от незнакомки было не оторвать. Как среди густой темени не оторвать взор от горящего факела. Будто вся красота, весь свет мира, все пламя жизни – сосредоточились в этой хрупкой девушке.

– Здесь заночуем, – приказала незнакомка, когда довела путников до своего логова. – Кто вы есть такие? И как взбрело вам в головы, глупцам, бродить ночью? Да по таким дурным местам?

– Я – Странник, – представился полуправдиво Лихолов. – А это – Елисей, мой ученик. Я воин, иду в столицу – наниматься к королю. Издалека иду. Мы гнали дичь, да заплутали малость. Решили, что поднимемся немного в горы, там лучше видно будет, где оказались, а заодно и укроемся на ночь меж камней. Да вот, нарушили здешний покой. Просим простить нас! Низкий тебе поклон, девица, за помощь. – Поклонился Лихолов. А за ним и Елисей. – Скажи, как звать нашу спасительницу, и кто ты? Как смогла распугать озлобившихся духов гор?

Елисей обратил внимание, как ловко Лихолов умел играть словами, говорит полуправду, нагло не обманывая, но и не выдавая ничего лишнего. Девушка гордо смотрела на мужчин. С минуту раздумывала, а потом произнесла:

– Имя мое вам знать ни к чему. Считайте, что его поглотил огонь... впрочем... – она задумалась уже о своей полуправде. – Зовите меня Златой. Пусть будет так... Сама я здесь, в горах, живу недавно. И, надеюсь, долго не пробуду. Много знать вам, холопы, не пристало. Скажу только: не ведьма я, тьме не подчиняюсь. Хотя рядом со мной вам долго быть небезопасно... Но уж лучше, чем с духами гор. Я дремала здесь, а потом вдруг очнулась от крика. Поднялась на звук и увидела, как та нежить утаскивает людей в туман. Давненько мне их погонять хотелось, мерзость неприкаянную. Жалко тех птиц и зверей, из кого потрошат они души. Ворожат и забирают все себе. Богатства, что живой душе были даны: отведенное ей время, подаренная сила жить, дыхание ее – все забирают... Отнимают через жертвенный огонь Владычице Тьмы и делят меж собою, как грабители добычу. На те крохи и существуют. Ни живы, ни мертвы, злобные, туманные твари, морока облики. Но птица, то одно, а когда увидела я как человека живого тянут, уж решила, не бывать тому! Вот и вступилась. Меня они боятся. Потому что мой огонь силен, меня могильным холодом им не сковать. Хм, скорей, я сама их обожгу. А эти духи боятся света, боятся тепла и огня – то смерть для них. Их время – ночь. Мой же дух – суть день в теле....

Злата сделала на мгновение паузу, словно провалилась в какое-то размышление. Лихолов пристально вглядывался в ее свежее чистое лицо, насколько это было возможно при скудном свете звезд. Правильные черты, руки белые и тонкие, не испорченные трудом. Елисей же не умел быть столь внимателен, он просто видел перед собой редкую по красоте девушку, но очень гордую. Взгляд юного охотника так и тонул то в ее чувственных губах, то в ясных смелых глазах. Спасительница же продолжила:

– Отдохните, постерегу ваш сон, а на рассвете уйду. Как проснетесь – прочь ступайте. И никогда сюда больше не возвращайтесь. Горбатые холмы уже много веков стонут под гнетом призраков. Здесь чужакам не рады. Только, ох... Как бы вам не потянуть за собой сумрак... Злы на вас духи остались, воют они в туман от обиды. А туман слушает... Пойдет за вами следом. Берегитесь завтра днем. Но пока рядом со мной, никто вас не тронет.

Лихолов снова еще раз почтительно поклонился. А поднимая лицо, вдруг показал еле заметную хитрую прищуренную гримасу, и спросил:

– Вижу, что ты не ведьма, милая добрая Злата. Поступок твой смел. Нет черни бездонной в девичьих очах. И голос нежный звучит чисто, как ручеек. А еще вижу, что говоришь ты властно. Для такой юной девы необычно легко повелеваешь, так, будто с пленок этим занималась. Мучает это все мое любопытство, скажу честно. Но откуда ты такая, допытываться не буду, раз не желаешь.

Девица от последних слов Странника еще выше вздернула напряженный подборок и нахмурила брови. Злате явно не понравилась проницательность малознакомого мужчины. И стал еще более заметен в ней очень резкий контраст нежности молодого тела и какой-то твердой внутренней стати. Она напоминала только-только выкованный меч: внешне металл кажется мягким, но уже чувствуется вся его сила и власть. Елисей уж точно, бродя меж деревьями по лесам, еще ни разу не видел, чтобы молодая девица держала спину так ровно, так смот-

рела сверху вниз, будто считала себя их повелительницей. А сейчас после дерзости последних услышанных фраз она вообще стала как горячее железо. И снова жар, исходивший от Златы, напряженно усилился. Девушка глубоко вдохнула, будто напряглась обуздать саму себя:

– Вам о моей судьбе ведать не положено. Хватит и того, что я выпарапала вас из рук мерзких детей мрака!

– Прости нашу дерзость, спасительница! – вдруг выпалил Елисей, сам не ожидая от себя. Но так он обомлел, разглядывая ее красивое лицо, что плохо соображал. Сердце его билось с непривычным грохотом, сладким огнем носилась кровь по венам. – Мы... мы слышали, что в этих краях свирепствует дракон! Может и тебе нужна помощь наша? В уплату за спасение?

Лихолов еле заметно вздохнул и закатил глаза. «Вот королюбый, – скажет он потом Елисею. – Слишком парень юн, зеленый как майская травка!». Рука нервно нащупала под рубахой амулет. А Злата же вздрогнула от этого вопроса, и в глазах ее впервые на малую долю мгновения показали трещинки испуга. Но девушка быстро спрятала эти чувства. Зато в голосе ее зазвенела оскорбленная гордость:

– Помощь мне ничья не нужна! Я сама всем вам помощь! Не вам меня спасать!

Затем развернулась, шагнула в свою пещерку, села на камни и бросила последнюю фразу, после которой до конца ночи уже молчала:

– Вам надо прилечь поспать. А утром убирайтесь из гор!!!

Лихолов укоризненно посмотрел на Елисея. Но юноша и не заметил. Тоска и гадкое чувство предательства заполнила его от пяток до макушки. Елисей чувствовал, что должен был предложить помощь. Как он надеялся, что Злата сейчас, подобно любой другой девице в сложном положении, вдруг всхлипнет, пустит слезу. Расскажет о своей беде, о том, как ее сделали ужасным чудовищем и попросит о помощи. Ну и тогда уж Лихолов точно не захочет убивать несчастную страдалицу. Но последовавший резкий грубый отказ ножом порезал душу. Раз так она довольна тем, что с ней приключилось, то может и правда дело нечисто? Может ли такая прекрасная внешне, такая смелая и сильная девушка, не побоявшаяся отвоевать двух незнакомцев у самих духов гор, одновременно быть и ужасным убийцей – драконом? Гадко. Гадкие горы. Гадкое небо. Гадкий ветер. Весь мир казался Елисею гадким, наверное, впервые в жизни. Он грустно отступил, небрежно выбрал место для отдыха. Тяжким грузом сел на землю, словно держал внутри себя булыжник. Свернулся в клубок около одного из камней, завернулся плащом и постарался поспать. Шла уже последняя треть, до рассвета осталось не так долго, дорога утром предстоит снова дальняя и пешая. Лихолов тоже улегся рядом со своим спутником, также завернулся в плащ и приготовился ко сну.

Оба странника быстро провалились в дрему, словно упали в темную холодную реку, без сновидений, без облегчения, с какой-то мучительной пустотой. Злата же, как и обещала, разместилась в своей пещере меж камней и не спала.

Глава 3. Жертвы странствий

«В мире уже достаточно тех, кто спит наяву. Миру нужны те, кто осмелится бодрствовать.»

В мире уже достаточно тех, кто идет легким путем. Миру нужны те, кто возьмет тягость бытия на свои плечи и пойдет прямой дорогой.»

В мире уже достаточно тех, кто молчит. Миру нужны песенники, стихотворцы и сказочники.»

В мире уже достаточно тех, кто алчет брать. Миру нужны те, кто готов отдавать.»

В мире уже достаточно тех, кто торопится судить. Миру нужны те, кто умеет прощать.»

Непроста жизнь бодрствующих, идущих прямо, поющих, отдающих и прощающих. Но велика их награда от Матери Судьбы. Ибо именно эти души наречет она сынами своими.»
Талмуд Светославия.

Озорное утреннее солнце разлило свои лучи по горам. Свет игриво заполз за все выступы и шербинки серо-коричневых камней. В воздухе витал запах сырости, которая часто бывает в конце лета.

Когда Лихолов открыл глаза, Златы уже не было, а Елисей еще спал. Вещи девушки были сложены и припрятаны за камнями. Видимо, она снова приняла драконий облик и улетела на охоту.

– Проснись, парень! – дернул Лихолов Елисея. Тот с усилием разлепил веки и приподнялся.

Пора выдвигаться в сторону столицы. Голод жег изнутри. Путники поднялись к своему прошлому укрытию и нашли нетронутыми свои вещи. Подкрепились горстками орехов и водой из фляг. У Лихолова постоянно крутилась в голове одна из фраз заступницы: «А туман слушает... Пойдет за вами следом. Берегитесь завтра днем. Но пока рядом со мной, никто вас не тронет». Тревожно было думать, что бродячий туман теперь повадится ходить за путниками следом. Надо было прикинуть, что бы такого сделать, чтобы или сбить туман со следа или как-то от него защититься. Но сколько ни бродил Странник по свету, не видал такого способа для простого смертного без магических сил. Решение всегда было одно – биться. Но не драться же теперь со всем туманом, что есть в Северном Лесу? И тут пришла вдруг мысль: раз духи так боялись дракониху, то, может, и туман тоже ее остерегается... Тогда стоило прихватить с собой какие-то вещи, которые несут в себе отпечаток драконьего пламени... Что-то, что удобно нести в кармане...

Пока Елисей собирал вещи на плечи, Лихолов спустился снова в логово и огляделся. Что можно тут прихватить с собой? Взгляд скользил по голым камням, костям жертв, пещере с вещами... Ну, кости брать в дорогу не особо удобно, да и приятного мало... Вещи девушки как-то глупо забирать и жаль оставлять ее без единственного платья... И тут взор Лихолова упал на обожженные драконьим пламенем камни – точно! Странник пошуршал руками среди почерневших булыжников и нашел парочку маленьких камней с явными следами огня. Один Лихолов положил к себе в карман штанов, второй отнес Елисею и настоятельно попросил носить это с собой как амулет. Юноша недоуменно принял в ладони пестрый камушек, серый, с одного боку черный. Потом равнодушно пожал плечами и послушно убрал странный предмет за пазуху.

Путники собрались и пошли вниз, оставляя странное драконье логово и жуткие верхушки горбатых гор за спиной. По дороге умылись в ручье, пополнили припасы воды.

– Сколько нам до столицы? – спросил Лихолов.

– Сначала день дороги на юго-восток – выйдем на тракт. Дойдем до ближайшей деревни, там, возможно, ты купишь лошадей как хотел. До столицы на лошадях будем скакать день, пешком же идти, наверно два дня или три.

Елисей отвечал тихим хрипловатым голосом, лицо его не выражало как раньше радости, любования природой. Можно было бы подумать, что он устал, не выспался или голоден. Но что-то подсказывало Странствующему Охотнику, что виной всему внутренние душевные терзания. Потому что и в Лихолове самом, опытном охотнике, на нечисть все напряглось. Какая-то струна его обветренной стертой в мозоли души печально звенела. Протяжно, уныло тянула жалостливую мелодию. Странная девушка. Станный дракон. Все как-то спуталось, свилось в узел, и не знаешь, с какой стороны его распустить. Легло грузом на душу. Но одно Лихолов предчувствовал точно – ночное происшествие с духами не окончится так просто. Все эти твари, морока лица, всегда гадко мстительны. Так что надо торопиться до выхода к тракту. Может, бродячие туманы летают медленно? Тогда удасться и оторваться, если нигде не застревать.

Когда путники спустились, наконец, с неприветливых гор в редколесье, сразу же почувствовалось, что воздух здесь другой, что тут больше тепла, что природа доброжелательнее. Елисей явно чуть воспрянул духом. Присел на одно колено перед старым большим ясенем, одну ладонь прислонил к сердцу, другую же положил на землю. И что-то тихо пропел. Лихолов знал, что так на Востоке берут благословение у любимой земли. И если ты ее верный сын, если знаешь песни леса, песни полей и рек, то родная земля действительно благословит. Прибавит сил, обострит слух, поведет хорошими тропами, угостит водой из родников. Напев Елисея был ритмичным, мелодичным и очень душевным. Когда юноша встал, лицо его чуть подумянилось прежней жизнью. Бледность, напавшая на него в горах, отступила. Но все равно глаза смотрели вперед с какой-то тяжестью.

А еще чуть позже, наконец, привычный Елисею густой лес принял путников в свои объятия. Лихолов постоянно оглядывался. Впрочем, и для юноши-охотника тоже было обычным делом следить, чтобы ничто в лесу не могло подобраться ни с боку, ни со спины. Но опытный странник оборачивался не просто по привычке. Он помнил предупреждение Златы о том, что духи излили злобу в туман, и теперь за путниками вполне могла красться какая угодно нечисть. Пока мужчины шли не по дороге, а просто по дикой чаще, деревья здесь росли близко друг другу. Так что вдаль вглядываться было просто невозможно – мозаика коричневых и зеленых кусочков леса закрывала обзор. Поэтому никак не удавалось убедиться наверняка, что нет преследования каким-либо мерзким выродком сумеречной магии. Эта неуверенность создавала напряжение, душила, задерживала, мешала. Но только Лихолову. Елисей тоже шел не такой летящей походкой, как в первый день знакомства, но по иной причине. Он передвигался грузно и безрадостно, потому что явно перебарывал в душе все произошедшее накануне.

Однако, несмотря на то, что оба путника сегодня продвигались задумчиво, голоду было плевать на обстоятельства и сердечные терзания. Желудки сводило. Так и мечталось о вкусной диче на вертеле. Лихолову в такие моменты часто вспоминались застолья из его детства. Того утраченного осколка жизни, когда нынешнего странника и звали иначе, и кожа его почти не знала шрамов и морщин. Да и душа парила по жизни легче, не отягченная ни виной, ни тоской. *Там, в Мраморном Дворце, он обедал в просторном светлом зале с огромными окнами, из которых на пол проливался водопад теплого солнечного света. Всегда вкушал пищу под ласковые мелодии гуслей. Рядом господ развлекали придворные танцовщицы: стройные молодые девушки в коротких повязках на груди и бедрах, с зазывно позвякивающими бусинами на одежде, с пылающими цветами в волосах. Женщины в Юго-Восточном Раздole славилась красотой на всю Зеленую Твердь. Своими округлыми гармоничными чертами лица, мягкими нежными телами напоминали они наливные яблочки, так и хотелось вкушать их сладость. А угощения за столом короля Раздole и его семьи всегда были не менее изобильны, чем само его государство: то тебе бараны ребра с разнообразными соусами, то огромные рыбины из бес-*

численных рек и озер, то дичь с зеленых полей и редколесий. Все это приправлялось разносортными травами. К ним прилагались обычно печенье овощи с разными сырами от овечьих до коровьих. Сластей в Раздole умели готовить видов сто, не меньше. И вино, конечно же, король Раздole, отец Лихолова (тогда звавшегося Ариславом) обожал вино. Потому на юго-востоке умели его делать с хрустальной кислинкой да сухо-сладким привкусом многочисленных фруктов и ягод. Такое южное вино было легкое будто алый шелк. Природа королевства напоминала вечный праздник, особенно летом: чернозем дарил людям множество плодов, все кругом цвело, зеленилось, пело и прославляло жизнь. Отец-король любил Арислава, хотя тот и был всего лишь бастардом. Однако ж мальчик родился раньше законного сына, а потому навсегда запал в сердце отцу. Король и его первенец проводили много времени вместе, особенно в старшем возрасте. То на охоте, то на приемах, то на тайных вылазках в город, переодевшись в купцов. Король любил послушать разговоры на базаре, узнать беды и радости своего народа. Боевым искусствам учил принцев Раздole отдельно выделенный наставник, мастер сражений по кличке Вихрь. Взрослый кметь, опытный воин, был суров и строг, как сталь, но чувствовалось, что где-то в глубине души он очень любил своих мальчишек-учеников. Однако ж, эта любовь не мешала ему ребяташек гонять, как самый твердый командир гоняет солдатню. Но все трудности тех дней теперь помнились Лихолову как счастливое время, тот период жизни, когда война была лишь тренировкой, угроза жизни надуманной, та боль и слезы уставшего от занятий мальчишки – лишь капризами невинного ребенка. Помнил Лихолов и Алтынку... Красивую танцовщицу с темными пышными волосами и чувственными губами. Спелую как слива, гибкую и легкую подобно ветерку. О! Как же Арислав в юности мучился ночами, не в силах выкинуть из головы изгибающееся тело, танцующее под ритмичную музыку тумбанов и домры. Алтынка была похожа на идеальный пейзаж Раздole: прекрасные равнины украшались округлыми холмами, а припрятанный лесистый островок тайны не менее сладкие, чем все плоды изобильного королевства вместе взятые. Лихолов помнил, как слал ей через служанок цветы из отцовского сада, как они бросали друг на друга обжигающие взгляды в мраморных коридорах дворца. Как он преследовал Алтынку тайком, подглядывал из кустов белой сирени. Едва дышал, жадно впивался взором во все то, до чего еще не смел дотронуться. А потом... однажды... Как целовал ее губы, шею, грудь, и как откликалось чувственное девичье тело на его ладони... Все эти воспоминания о Раздole жили сами по себе в душе Лихолова, как кусочек сказки о живописной цветущей земле, такой плодородной, с добрыми весельями людьми.

Искорки минувших дней маленьким теплым огонечком согревали изнутри суровую душу Странника. Поверх того теплого воспоминания было навалено много боли, много черни. Предательство, вина, побег... А потом нужно было как-то выживать. Что еще мог делать за деньги беглый принц? Только махать мечом. Потянулась череда ужасных чудовищ, с которыми он сражался. Всякие убудки темной магии, разоренные тварями деревни, поломанные судьбы, чьи-то убитые кормильцы, обреченные на голод семьи, украденные для обрядов дети... Это лежало камнем внутри Лихолова, но громоздилось оно все же поверх того тайного осколочка света, той вечной памяти о счастливом детстве и ранней юности.

– Эх, сейчас бы барашка с травами да кубок южного вина! – вздохнул Лихолов.

– Да, Лихолов, и мне бы... Ну... правда, у нас тут вместо вина – ель, – отозвался Елисей.

– И девку бы какую-нибудь... посочнее да повеселее.

На это юноша отвечать явно постеснялся, зарумянился и только бросил на Лихолова немного смущенный взгляд. Да тут же отвернулся.

Вскоре представилась охотникам возможность подстрелить пару зайцев, Елисей же собрал по дороге в лесу ароматных травок. И путники не медля более развели костерок и приготовили еду. Наконец-то сытые, утомленные, они не торопились завершать привал. Пока Елисей затапывал остатки костерка, Лихолов уперся взглядом в стену деревьев. Стволы казались

замершими в засаде разведчиками, словно, как только ты от них отвернешься, они тут же оживут. Бесконечный океан веток, листьев, травы... И вдруг заметил меж зелени на расстоянии шагов тридцати от себя облако тумана. Тут же дернул Елисея за рукав. Молча указал пальцем на медленно приближающийся морок. Оба путника тот час вскочили на ноги, схватились за оружие и замерли, надеясь, что блуждающее облако может проплыть где-то поодаль, не приметив их. Все портили еще тлеющие угольки – от них исходило тепло и жизнь. А именно это всегда притягивало подобные сгустки тумана. Никто не издавал ни звука. Ни шороха не исходило от странников, ни даже тяжелого выдоха.

Между тем, морок медленно полз в их сторону. Он пожирал солнечный свет, создавая вокруг себя темень среди бела дня. Полупрозрачные клубы двигались, пошипивая, бормоча что-то хрипотцой на языке, который лучше не знать. Придуманно то наречие было мраком, и только ко мраку через него и можно было обратиться. Когда туман подобрался ближе, Лихолов и Елисей постепенно стали ощущать тоску. Туга! Что-то тянуло Лихолову душу. Отчаяние, страх, желание слепо преклониться и отдаться в руки чему-то большому и безысходному. Ужасные, ломающие человека чувства напористыми волнами обрушивались и напирали, старались порушить всякое сопротивление.

Елисей шепотом стал бубнить под нос молитву Свету Матушки Судьбы. Лихолов же в такие моменты доставал из глубин памяти теплые воспоминания о далеком прошлом в мраморном дворце. Но все это не помогло бы надолго. Чем ближе подступал туман, тем яростнее он излучал свое «туга». Дальше он должен был подплыть совсем близко и изрыгнуть из себя каких-нибудь уродливых тварей, исковерканных темной магией, вроде обезьяноволков или еще какой мерзости. И тогда останется только биться, резать головы, пробивать туловища, отчаянно сражаться за огонек света своей жизни. Вдвоем отбиться было больше шансов, чем поодиночке – это давало надежду, но напряжение все равно нарастало. Ведь это только первая атака – дальше придут еще туманы.

Лихолов превратился в одну большую мышцу, готовую по первому шороху броситься в бой. Елисей стоял с натянутым луком и стрелой, мог бы выпустить ее с одного удара сердца. Однако к удивлению путников, морок вдруг остановился. Не смог подобраться ближе, чем на пятнадцать шагов. Просто завис на месте, как будто что-то мешало. Он корчился, злобно что-то шептал. Клубы дымки иногда вдруг принимали формы зверей, но не выбрасывали их материальными телами на землю – что-то останавливало его. Казалось, облако сейчас разорвет само себя от собственной бессильной злости.

– Что с ним? – тихо спросил Елисей, все еще держа руку на стреле.

– Чернь его разберет! – сморщился в изумлении Лихолов. А потом его вдруг осенило – Так он камней наших боится! Тех, что я в драконьем логове подобрал со следами огня! Туман струсил от одного следа драконьего пламени! У тебя ж камень при себе?

– Да, за пазухой...

– И у меня в куртке лежит. А ну-ка, щас посмотрим! – Лихолов прикусил нижнюю губу, аккуратно опустил меч и левой рукой вытащил из кармана обугленный камешек.

Морок еще сильнее завертелся, шепот стал похож на тихий визг.

Лихолов выставил руку с камнем вперед и сделал три шага навстречу бродячему туману. Облако дернулось назад, сдавленно скуля. Да! Морок боялся дракона и любого предмета с его следами. Больно жутко ему было стинуть от непобедимого пламени. Лихолов подступил еще на два шага, туман снова отдернулся назад, извиваясь в агонии и возмущаясь. Рождая десятки ужасных образов в минуту то медведей, то пауков, то обезьяноволков, но не в силах ни одного выплюнуть в реальный мир.

– Елисей! – окликнул Странник молодчика. – Он боится! А ну-ка! Дай ему еще и стрелы! Посмотрим, что будет!

Юноша отпустил палец, и стрела с озорным свистом вылетела сквозь облако. Морок громко взвизгнул, никак не пострадал, но явно испугался еще больше, потому как снова отпрянул назад.

– Уходи, наволочь поганая! – крикнул туману рыком Лихолов. – А не то нашлю на тебя драконий гнев! И сгоришь ты в пекле, падла!

Облако задрожало, закрутилось вихрем на одном месте. Лихолов был уже уверен, что оно достаточно напугано, чтобы отстать. Но вдруг туман сгустился, стянул в одну точку всю тьму, какой только обладал, и внутри появился силуэт. Маленькие плечики, испуганно сжатые, худые короткие ножки... Дымка рассеялась... А на том месте сидела теперь на земле маленькая девочка лет пяти... Хрупкая, дрожащая, в драной грязной одежде. Она уткнулась носом в коленки, обняла себя маленькими ручонками и что-то зашептала.

Лихолов и Елисей изумленно переглянулись. Юноша опустил лук. Странник же поднял руку в знак того, что «не расслабляйся, может быть, ловушка». А сам положил свой камешек в карман, меч воткнул в землю и медленно стал приближаться к девочке. И тут Лихолов заговорил с ней на языке Северного Леса, от чего Елисей вздрогнул, ведь был в полной уверенности, что Лихолов не знает северо-восточного языка. А тот говорил примерно такие слова:

– Тихо, девочка! Мы тебя не обидим! Мы хорошие. Ты хорошая и мы – хорошие!

Девочка испуганно подняла на него лицо, и мурашки пробежали по спине Лихолова. Кожа ее была настолько тонка и бледна, что просвечивала все синие сосуды. А глаза все покраснелись, словно вот-вот лопнут от количества крови. Мутный взгляд, блуждающий, одуревший, с явным усилием зацепился за Лихолова. Тот медленно приближался с дружественно вытянутой ладонью.

– Туга! – сказала девочка уставшим шепотом. А потом стала повторять и повторять это слово, раскачиваясь в такт. – Туга! Туга! Туга! Туга!

Вокруг нее стал снова виться туман.

– Тихо, девочка, тихо! – ласково произнес Лихолов. – Где твой дом? Где твоя мама?

– Ничего нет! – ответила она – Только Туга! Мир-туга! Я – туга!

Лихолов присел напротив нее и аккуратно дотронулся до ручек. Кожа девочки обжигала холодом, как если бы она целый день просидела голышом на морозе.

– Как тебя зовут?

– Я – туга.

– Нет, нет... Как тебя звали раньше? До туга? Что было до?

Девочка вдруг задумалась и перестала нервно раскачиваться.

– Я... не помню... Я – туга, и все...

– Но у тебя же должна быть мама?

– Мама?... – и тут глаза ребенка повлажнели и вылились градины слез. – Мама... Да – да... Была мама... «Кач-Кач... Чадо малое, не плачь... В дрему сон тебе трава... колыбельная молва...», мама...

– Где она, твоя мама?

– Я, я... не знаю...

Девочка схватилась ладошками за виски и снова стала раскачиваться, словно ее голова начала, наконец, оттаивать. Будто бы постепенно возвращающиеся воспоминания ранили, оставляя ожоги.

– Мы отведем тебя в ближайшую деревню. Там будут добрые люди, они помогут тебе.

– Нет! – вдруг вздернулась и завопила девочка. – Там опасно! Там страх! Там всех скоро убьют! Война! Война грядет! Тьма победит свет! Мгла застелит землю! Нельзя любить, нельзя жить, бессмысленно бороться! Лучше быть здесь! Здесь меня никто не тронет! Туга меня защитит, с туга я сильная! Туга, туга!

Вокруг нее снова стал клубиться туман.

– Тихо, девочка, нам нужно найти твою маму, понимаешь? Маму!

Девочка снова остановилась, видимо, от слова «Мама», рождавшего в ней искорку тепла. И этот маленький укол чуть выводил ребенка из полного одурения. Лихолов встал и потянул ее за руку. Девочка вынуждена была потянуться. Он повел ее за собой. Малышка шла заплетаясь ногами так, будто не пользовалась ими уже очень давно и успела позабыть, как ходить.

– Мы должны довести ее до ближайшей деревни, – тихо сказал Елисею Лихолов.

– Но что оно такое? Откуда в тумане девочка? – выпалил юноша.

– Даже боюсь говорить, свои догадки.

Мужчины переглянулись и во взоре друг друга увидели, что думают об одном и том же.

– Да, – хрипло произнес Лихолов по-прежнему на языке Северного Леса. – Клэтва! Похоже... Все эти бродячие туманы, которые как ошалевшие ползают по вашей земле... Которые выплевывают из себя смертоносных тварей... Все это на самом деле... – заколдованные перепуганные люди... Те, кто был уязвимее всех. Те, кого смог забрать бродячий туман. Например, ваши дети...

.....

Теперь путники шли гораздо медленнее, потому что девочка не осиливала быстрый шаг, а, наоборот, еле плелась, постоянно падала, что-то шепча под нос как пьяная. Частенько кто-то из мужчин водружал ребенка на спину и нес часть пути. Кожа ее по-прежнему отдавала холодом. Иногда девочка вдруг съеживалась, чего-то пугаясь, и принималась шептать свое «Туга! Туга! Туга!», вокруг тут же начинал сгущаться туман. Тогда Лихолов напоминал про маму, которую нужно обязательно найти, и эти волшебные согревающие слова давали облегчение. Путь с таким обременением растянулся. Однако путники все-таки вышли на какую-то более-менее заметную тропинку, что означало приближение к поселению людей.

– Откуда же ты знаешь язык Северного Леса? – допытывался Елисей, чувствующий себя полным дураком. Ведь он несколько дней тужился разговаривать с Лихоловом на всеобщем наречии.

– Я уже десять лет странствую по Зеленой Тверди, – уклончиво отвечал Лихолов. – Много знаю языков. Могу и на языке междуречья говорить, немного понимаю степной юг.

– Но ты явно не знаешь здешних земель, – смекнул юноша. – Как смог язык выучить, не побывав тут?

– Да... – удивился Лихолов смекалке своего спутника. – Но я очень хорошо знаю язык Юго-Восточного Раздола... А это почти то же самое с небольшими различиями...

– Да... Кстати, ходят слухи, что в Раздole нынче совсем дурно живется...

Лихолов бросил на парня такой взгляд, что стало ясно: нужно рассказать подробнее:

– Ну... Болтают всякое... Что вроде там все эти мерзости совсем расплодилось. Повсюду капища, нежить разгулялась, аж на поля страшно выходить за урожаем. Говорят, в Раздole черные колдуны с запада совсем не прячутся: делают что хотят, даже проповедуют! У нас тут тоже не все ладно, конечно... Но в Северном Лесу Темной Владычице никто открыто не сочувствует! А вот в Раздole нынче, ух, что! Говорят так... Я-то сам там не был... Что чуть ли не сам король Беломир принимает у себя в мраморных палатах черных жрецов. Толкует с ними, многое им дозволяет...

– Быть не может! – неожиданно резко выпалил обычно спокойный и холодный Лихолов. – Уже ль Беломир дела имеет с чернокнижниками?!

– Да... Его прозвали там «дурной король». Потому как он впустил в страну этих черных. И твердит, что все им должны почести разные оказывать...

– Не мог славный Раздол начать вдруг исповедовать эту западную дурь про Темную Владычицу, не верит мое сердце...

– Нет, ну, не то, чтобы исповедует... Говорят, что просто уважает черных жрецов дурной король, на пакости глаза закрывает. Те целые деревни разоряют – крадут детей и женщин для своих обрядов, открыто алтари выстраивают. Но царь же пока сам говорит, что по-прежнему себя считает сыном Светлой Матушки Судьбы. В общем, смута там, страх и ужас. От того многие добрые люди бегут нынче из Раздола в Северный Лес. Особенно заселяются на пограничных землях, но некоторые и до нас доходят. Вот, живет в моей деревне Кузьма с женой и тремя детьми. Это он-то мне все и рассказал. Хотя, по правде, много о том говорят нынче у нас, и до Кузьмы разные толки велись. То путник какой проезжий вести странные принесет, то кто в столицу съездит и там наслушается – по-разному...

Лихолов знал, что в Раздole не все гладко, слышал, что там тоже расплодилось чернь, что торговать они меньше стали, да и что королем народ недоволен. Но только думалось как-то, что не настолько все плохо, чтобы прям такая смута... Эти новости больно резанули Странника по сердцу. Он почувствовал где-то в груди, как заныл давний, позабытый уже шрам. Словно кто-то тонкой отравленной иглой кольнул его в самую глубь души, и там начало все ныть и стонать. Больше разговаривать не хотелось и Лихолов угрюмо замолчал.

Елисею по дороге удалось поохотиться и найти несколько яиц. Лихолов удивлялся, потому как редкий человек может без проблем кормиться в лесу, обычно далеко не каждая охота удается, да и чтоб найти яйца в гнездах тоже нужна горсть удачи. Но Елисей был будто продолжением зеленой чащи, он чувствовал себя тут как дома, от того все словно само шло в руки, будто добрый великан отец-лес подкармливал своего сына.

На привале развели костер и зажарили дичь. Девочка от вида огня сначала сильно перепугалась. Рвалась то убежать, то спрятаться. Долго и тяжело путники уговаривали ребенка сесть поближе к костру. В конце концов Лихолов потерял терпение, схватил девочку и сам сел с ней близко к огоньку. Малышка сдалась, свернулась у него на коленях калачиком, уткнулась носом в его куртку и сидела молча. Однако отведать пищу она согласилась очень легко. Впилась в мясо зубами, нервно и дергано отрывала плоть с косточки, как едят добычу звери. Мужчины не могли спокойно смотреть на это, ибо больно было думать, как сильно малышка одичала, раз так ест. Елисей неловко утер лицо и отвернулся. Насытившись, девочка привыкла к огню, расслабилась и смогла уже сама сидеть на земле. Даже потянула ручонки к углям, изумленно смакуя давно забытые ощущения тепла на коже... А потом вдруг принялась снова напевать какую-то колыбельную, то единственное, что она хоть немного помнила из своей прежней жизни – видимо, такие теплые воспоминания не вытравить из сердца даже самой ледяной тьме.

Спать снова пришлось в лесу на земле. И по очереди, чтобы охранять сон странной девочки, имевшей все шансы среди ночи вдруг обратно превратиться в опасный бродячий туман. Малышка же мирно уснула, уткнувшись в бок Лихолову. Елисей на этот раз только слегка затоптал костер, но накрывать их сырыми ветками не стал. Теперь путники находились под защитой странных драконьих камушков, нечего было бояться. А угли еще долго грели.

Наутро странствие продолжилось. Дорожка втягивала в себя откуда-то из зарослей и другие маленькие тропинки, становилась все более широкой и вытопанной, пока, наконец, не вывела путников к опушке. И перед ними предстал вид большой деревни. Сначала тянулись возделанные поля, над которыми трудились крестьяне. Местами земля оставалась дикой и на этих зеленых островках пастухи выгуливали овец. А дальше виднелось широченное кольцо высокого деревянного частокола, окружавшего городище. В таком поселении наверняка кто-то будет готов за некое вознаграждение предоставить кров, еду, баню, а, может, и продаст лошадь.

– Раньше в наших селах ворота никогда не запирались, – вздохнул Елисей. – Даже на ночь. И дома оставались всегда открытыми. А в иных избах прямо угощение перед сном на столе оставляли. Ну, вдруг гость какой нежданный ночью забредет. Гостеприимство ведь

свято для восточинца! А теперь... Вон, гляди на тын! Даже днем едва приоткрыты ворота... Какое уж тут гостеприимство, если страх жизнь сковал?! Эх, туга!

Путники быстро преодолели длинную, основательно вытопанную тропинку к воротам, собирая на себя удивленные взоры местных жителей. Елисей особо никого не интересовал, наверно, часто между селениями бродили охотники: искали кров на ночь, спрашивали дорогу, приторговывали добычей. Его, вероятно, с первого взгляда принимали за своего: в плотной льняной рубахе, шароварах с отвисшими карманами, в каких-то стоптанных поршнях, в старом бедненьком плаще, с луком наперевес и пачкой стрел за спиной да маленьким ножиком за пазухой – вот и все богатство – обычный северный охотник. А вот Лихолов в своей кожаной куртке нараспашку и темном плаще, с мечом на бедре, в высоких сапогах – был чем-то новеньким и пугающим. Да к тому же, двух незнакомцев сопровождала девочка жутко-болезненного вида, лохматая, в ободранной грязной одежде. Она вжалась в Странника, скорчившись от страха и нервно шептала «Туга! Туга!». А Лихолов шел и отвечал ей: «Идем искать твою маму! Маму, маму!». Странная была компания.

В воротах путников встретил взрослый крепкий мужчина с русой бородой, такой пышной, что напоминала раскидистый кустарник. Он стоял, скрестив руки на груди, строго глядя на пришельцев и выпячивая висевший на бедре топор. Вокруг столпились некоторые его одноплеменники. Местная детвора тоже моталась где-то рядом – они, наверно, и увидели незнакомых путников первыми, помчались со всех ног в деревню и всех предупредили. Человек с топором представился:

– Добро, странники! Чего надобно вам в селении Отблеска Росы? Я кузнец и здешний староста, звать Боян по кличке Шальное Копье, сын Бориса, сына Белроса. Коль с миром идете, то расскажите: кто такие, и чего вам тут надобно?

Лихолов не странствовал по Востоку уже так давно, что успел позабыть местную традицию: все маленькие селения называть в честь Света Матушки Судьбы. Вот это, например, «Отблеск росы» – священный для местной веры образ. Свет пронизывает по утрам весь мир насквозь, так тонко, что пробирается даже в такие мелочи, как утренняя роса.

– Я – Лихолов или Странствующий Охотник, – выговорил Странник, чем вызвал удивленные восклицания зевак, однако же на лице Шального Копья ничего не вздрогнуло. – А со мной мой провожатый, парень из ваших местных – Елисей Поющая Стрела, сын Тихомира.

– Добро, староста! – чуть поклонился Елисей. – Я из селения на запад отсюда, изИскрящейся Реки.

– Да, знаю ваше селение, – хрипло ответил Боян. – А уж про Странствующего Охотника так вся Зеленая Твердь ведает – почетный гость. А что за детинка с вами?

– Эту девочку мы нашли в лесу, – осторожно ответил Лихолов, не зная как все объяснить, чтобы не напугать селян. – За нами шел по пятам бродячий туман, но мы отразили его гнев. И тот выплюнул из себя вот... этого ребенка. Видимо, ее когда-то похитил морок ваш бродячий и долго такал внутри себя. Девочка очень напугана и почти ничего не помнит. Наслышан я, что в северяне своих в беде не бросают. Вот и решил: доведу беднягу до ближайшего селения, там и найду ей новую семью.

На некоторое время повисло напряженное молчание. Жители и староста пристально разглядывали девочку. Было видно их изумление. Но, похоже, что им стало ее больше жаль, чем бы они испугались. И Лихолов продолжил:

– Мы с Елисеем идем в столицу к вашему королю. Хочу предложить свою помощь в поимке дракона. Но сегодня мы ищем отдых: ночлег, еду и баню. Готов отблагодарить хозяев за гостеприимство парой монет.

– Убить дракона? – вдруг потеплел Шальное Копье. – Дело славное! Гадина завелась тут в середине лета и докучает нам: пугает людей, ворует овец, да задевает своими залпами

и пастухов. Один вообще давеча погиб... Ох, Мать Судьба... Добро! Пустим вас на ночлег и отдых. И даже без платы. Гостеприимство людей Северного Леса серебрянками не покупается и не меряется! Тем более, раз цель у вас нам в пользу. Пойдем в мой дом.

Боян развернулся и без оглядки зашагал вглубь поселения тяжелым грузным шагом. Народ, стоявший за ним, расступился. Староста бросил им по пути какие-то распоряжения, и все тотчас проворно зашевелились. Кто-то вернулся к своим прежним делам: люди гоняли гусей, несли куда-то доски, овощи, сено. Кто-то что-то чинил, кто-то отчитывал детвору. Несколько же молодух, получивших задания от старосты, разбежались все выполнять. Продвигаясь вглубь деревни, Лихолов видел крепких людей с суровыми и одновременно добрыми лицами, как нагретые на солнце камни – вроде бы жесткие, но при этом теплые. Женщины здесь попадались, в основном, с тяжелыми раздутыми фигурами. Но при этом с довольно милыми гладкими округлыми чертами лица и белой кожей. Почти все с длинными немного растрепанными косами, в застиранных льняных сарафанах едва ли выше щиколотки поверх тонких светлых рубах. Мужчины же внешне были такие же огрубевшие, бородатые, в рубахах и шароварах, как у Елисея. У всех одежда была скромная, но чистая и латаная – без единой дырочки. Девушки не щеголяли с голыми плечами, как это бывало в южных странах. Нет, здесь одеждой силу свою оберегали, ткань от неброго глаза укрывались, юбкой силу от земли черпали. А мудрыми узорами на рубахе Судьбу о милости простили и предков седых почитали. У кого крылатая женщина была вышита – Мать Судьба. У кого знак чура, что силу рода призывал на защиту. Каждую вышивку можно было тут как текст читать. Словно люди общались меж собою да с миром духов через эти нашивки. То был на Востоке отдельный язык, третий после устного и буквенного.

Лихолов обратил внимание, что местные то и дело что-то напевали себе под нос: любое их занятие, кроме, разве что, болтовни, сопровождалось ритмичным мурлыканьем. Это напонило Лихолову Раздол. Там люди тоже очень любили петь. Песня считалась кровью жизни и дыханием Матушки Судьбы. Да и придавала она ежедневному быту сакральный смысл. Простой повседневный труд был для восточных людей каким-то священнодействием.

Да, и Раздол, и Северный Лес по понятным причинам имели сходные традиции и уклад жизни – ведь это были два братских государства, в которых жил, по сути, один и тот же народ. Люди Севера и Юга постоянно странствовали друг к другу, торговали, переселялись, вместе воевали, женились и смешивались. У любого жителя Раздола был какой-нибудь сосед, имевший среди родственников северян, и наоборот. Объединяла эти две страны общая вера в Светлую Матушку Судьбу, от того-то они и дружили уже много веков. По крайней мере, так было еще лет пятнадцать назад, а сегодня все сильно перепуталось.

Путники зашли в один из больших деревянных домов где-то в сердце деревушки. Здание не отличалось грандиозными размерами, однако имело вместительные помещения внутри. А стены из внушительной толщины темных срубов придавали ему вид основательный и надежный. По щелям торчал мох для сохранения тепла. Это был дом семьи Бояна. Сразу за входной дверью путников обняли теплота и сырость – первыми в Восточных домах обычно были просторные сени, в которых хранились припасы еды, сено, дрова и всякое полезное барахло. Это помещение освещалось серыми лучиками света из единственного узенького окошка, да и оно чаще всего затворялось на ставни. Налево был вход в ясли со скотиной, а направо – в само хозяйское жилище.

Тут Елисей принялся дергать Лихолова за рукав и тихо шептать на ухо:

– Не хорошо нам сразу в дом-то заходить! Столько дел нынче мы с мороком имели! Грязь на нас телесная и духовная. Оскверним добрым людям дом. Сначала бы помыться, в храм сходить, а...

– Глупости ты брось, свои, – отмахнулся шепотом Лихолов. – Сказочки ваши всякие про чистоту духовную при себе оставь. А то опять поссоримся с тобой.

С этими словами Лихолов шагнул через порог во внутренние комнаты. Да как споткнулся! Так и бахнулся бы носом на пол, если бы Боян его не удержал.

Тут уж Елисей совсем разволновался. Знал ведь, что в хорошем доме в пороге прах предков добрых складывают. Защищают духи дом свой от всякого нечестивца пришлого. Вот и не хотели пускать двоих бродяг, морок за собой влекущих.

В первой горнице гостей встретила взрослая баба.

– Это моя жинка, Багряна, – пояснил гостям Боян, и кратко пересказал жене историю путников.

Она скромно поприветствовала Елисея и Лихолова, а затем перевела взгляд на девочку... И взгляд хозяйки тут же наполнился жалостью. Никто не мог равнодушно смотреть на это истерзанное существо.

– Девочку мы нашли в лесу, – пояснил Елисей, – видать, давно терзал ее морок. Она напугана и ищет свою родню. Единственное, что хоть немного малышку успокаивает, это слово «мама» и колыбельные напевы.

Юноша кратко и аккуратно поведал Багряне историю встречи с девочкой, обходя только рассказ про драконьи камни. Без лишних слов Багряна сняла откуда-то со стола мягкую тряпичную куклу. Неказистую и невыразительную, всего-навсего, сверток ткани, набитый соломой и перевязанный пряжей. Но то была самая привычная игрушка для любого крестьянского ребенка.

Женщина опустилась плавным движением на корточки рядом с девочкой, вжавшейся со страхом в Лихолова, помолчала с минуту, а потом тихо медленно протяжно запела:

*Сон травкою повожсу́
Над дитём поворожсу́
Пусть крикливый не кричи́т
Сомкнёт глазки крепко спи́т
В колыбельке качи-качь
Чадо малое не плачь
В дрёму сон тебе трава́
Колыбельная молва́
Вред тебе́ не причини́т
Сладким сно́м дитя́тко спит...*

Слова ласковой песни укутали комнату сердечным теплом. Девочка потихоньку развернулась к Багряне. Сначала просто испугано смотрела, потом уже вслушалась в песню. И, в конце концов, шепотом спросила:

– Ты – моя мама?

Елисей потер лицо, неуклюже скрывая растроганный вид. Багряна же не постеснялась упавшей с ее лица слезинки и ласково ответила:

– Нет, дитяtko, я – Багряна. Мою дочь тоже забрал туга. И я очень по ней тоскую. Вот, ее кукла, – и женщина протянула девочке тряпичную игрушку. Малышка сначала рассмотрела куклу, а потом резким опасливым движением выдернула ее из рук Багряны. И сжалась в комок, словно боясь, что игрушку сейчас отнимут. – Забирай это себе. Хочешь побыть немного с нами? Я знаю еще много колыбельных. А в следующей горнице у меня лежит еще парочка таких игрушек.

Девочка еле заметно кивнула и сделала шаг навстречу к женщине. Они взялись за руки. Багряна поднялась и изготoвилась идти уже в другую комнату с малышкой, но обернулась и бросила через плечо:

– Гостям уступим хозяйскую горницу, накормим, напоим, узнаете гостеприимство северян! А пока идите в баню, там две мои девицы, Варна с Пляемой, уже побежали все подготовить.

Добрая хозяйка наперед знает, что гостям нужно прежде трапезы предложить баню и квас.

– Бабы на подворье едва ль не подрались за право натопить баню Странствующему Охотнику со спутником, – усмехнулся Боян. – Ох, смотрите только не обижайте девок нашенских!

Баня стояла отдельным строением в конце двора. Там гостей уже ждали две милостивые девушки. Это им староста наказал принести в баню дров, веток и мыла. Девушки с нескрываемым восторгом осмотрели Лихолова – крепкого широкоплечего и статного, прославленного своими подвигами. Они игриво улыбались, хихикали, перешептывались, словно две птички. Лихолов привык к такому женскому поведению, слава героя многих девушек делала легкой добычей. Но смешно было смотреть на раскрасневшегося от смущения Елисея.

– Ах, прославленный Лихолов! Славные охотники утомились в пути, – с напускным сочувствием говорила стройная сероглазая девица с острым носиком и темной косой. – Мы поможем искупаться, смоем с ваших плеч усталость.

Елисей окончательно потупил взор. Лихолов усмехнулся над своим спутником, а сам даже не подумал стесняться и принялся раздеваться:

– Ох, хороши-то как девки местные, смотри, Елисей!

В бане уже чувствовался нарастающий жар: тепло проникало под кожу и разгоняло кровь все быстрее.

– Ох, – опять вздохнул Елисей, – нехорошо, нехорошо... Надо бы помыться сначала, в храм сходить, девки-то...

– Сказал, брось глупости свои! – перебил Лихолов и повернулся к девицам. – Не слушайте ученика моего, больно скромный он. Я-то не таков. Посмелее буду да поопытнее.

Девушки тут же сладко захихикали.

– Наверное, смелые странники давно не были обласканы женским вниманием? В пути мерзли и грустили, – сказала вторая девушка, та, что с белыми волосами, пухлыми сочными губами и мягким округлым станом. Она говорила и поглядывала на Елисея. А тот аж перестал дышать. – Муж, окруженный женским теплом, гораздо быстрее восстановит силы.

Блондинка уже потянулась к юноше и принялась стягивать с него одежду. У молодого охотника от такого внимания аж руки заерзали по рубахе.

– А коли рукам работу ищешь, здесь найдешь, – улыбнулась девица и положила ладони Елисея себе на мягкие ягодицы.

Юноша обернулся на своего наставника, словно ища поддержки. Но тот уже бесстыдно целовался с темноволосой северянкой. Да уж, коли молодуха понесет потом дитя от самого Лихолова, то ух! Первой девкой на деревне станет, все ее к себе в жены захотят. Тут ласковая девичья ручка подхватила подбородок Елисея и повернула в свою сторону. Но вдруг распахнулась дверь, в баню попыталась влезть еще одна женщина. Варна с Пляемой тут же бойко прогнали ее, как хищники отгоняют соперников от добычи:

– Поди прочь, змеюка! Староста нам наказал помочь гостям! Нам, а не тебе!

На том дверь с грохотом затворили. Лихолов едва заметно вздохнул, он был не против и еще парочки услужливых посетительниц. Девушки же заперлись в бане изнутри на крючок, посмотрели на Лихолова и Елисея. А затем, хихикая, стянули с себя сарафаны.

.....

После бани довольные и чистые путники с радостью наелись досыта крестьянской едой: щавелевым супом с нежной кислинкой, тугим ржаным хлебом и ароматным овечьим сыром.

Да потом отведали еще и земляники, собранной самой Багряной. А за трапезой Боян с любопытством расспрашивал Лихолова о его странствиях, а тот и рад был прихвастнуть своими победами. Разговор сложился веселый и дружественный. Сам же староста много рассказывал, что в последние пару лет стал донимать их селение бродячий туман.

– Люд наш стал бояться поодиночке уходить в лес охотиться, – говорил староста, хмурая брови. – И вообще на Севере теперь меньше странствуют, меньше торгуют. Но то не такая беда, как кровь и смерти от этих гадких туманов, в пламя их матерь! – Боян резко поставил на стол кубок с квасом, разбрызгав часть напитка. Глаза кузнеца горели. – Крадет, паскуда, ребятишек! Дитятей нашенских! Те заиграются, подбегают близко к самому лесу, а иногда и за деревья ныряют – лесные дети, что с них взять! Иногда оно ничего. Но бывает: вдруг выползает откуда ни возьмись из лесу морок. Да как зашипит! Как наплюет на нашу опушку всяких чудищ. Если там есть муж какой, вооруженный ну хоть чем-то, то еще может отпор дать. Но кто безоружен, того сразу растерзают! А некоторых, особенно детей, морок будто завораживает. И когда туман тот насытится кровью, рассеется и ускользнет обратно в чащу, то тогда некоторые детины уже... Ну ничего не видят и не слышат. Они будто промерзают насквозь, до самого сердца. Одурманенные просто молча уходят и отдают себя мороку, растворяются в нем. Исчезают как дым, навсегда. Никто уже потом не может их найти. Родителям остается только лить по слезы, как по погибшим. Так ушла и моя малая дочь... Ее тоже пожрал морок. Эх, туга...

– И у нас та же беда, – ответил севшим голосом Елисей, напряженно смотря в стол. – Да, видимо, и по всему Северному Лесу.

– Да и это еще не все наши беды, будто мало нам потерянных детей и убитых родных! – продолжал, негодуя, Боян. – От того в людях наших растет недовольство, множатся сомнения: почему Свет Матушки Судьбы не защищает нас? За что земля наша, много веков поклоняющаяся свету, вдруг стала беззащитной перед тьмой? Слава Матушке, большинство из нас видят в том испытание, проверку. Но нашлись уже и те, кто начал сомневаться в своей вере, колебаться. Есть и в нашем селении уже две семьи, которые перестали нынче на алтаре жечь лучины, прославляющие Матушку! Они и песни больше не поют, рассвет не встречают с радостью... Другие смотрят на них косо, а то и ругаются. Сии разнотолки порождают у нас междоусобицы и ссоры в деревнях, доселе мирных... Люди бранятся, обижаются, даже отрекаются друг от друга! Братья с братьями перестают родычаться. Что за напасть-то такая мерзкая? Что за время смутное сейчас?

– Расскажу тебе, что видел, странствуя последние десять лет по центральным землям, – поддержал разговор Лихолов. – Там государства всегда колебались между религиями и ни одну не отвергали. Так было испокон веков. Исповедников Светлой Матери Судьбы уважают и любят. Но и жрецов Великой Госпожи Тьмы боятся, не прогоняют, предпочитая сотрудничать с ними или откупаться. От того в центральных странах жрецы тьмы чувствуют себя вольготно. Тоже совершают свои кровавые ритуалы, плодят мерзкую магию. Однако, наверно, не желают полностью разорить земли, платящие им хорошие отступные, а потому, все-таки, стараются не чинить там слишком уж много бед. Но то ли для устрашения, то ли от того, что такова мерзкая природа темных сборищ, много бешеных тварей создается колдунами в Темных Храмах, в капищах. И расплзается это по все по земле. Люди там слабы духом, страны их малы, им нечего противопоставить напору запада. Они терпят да откупаются. И нанимают таких, как я, чтоб отлавливать тех выродков черной магии и убивать их огнем да мечом. Только там чаще встречаются уродливые громоздкие зверюги, а бродячие туманы, подобные вашим, реже.

– Горело бы в пламени это змеиное гнездо Твер-Тивильч! – ударил кулаком по столу Боян так, что миски с вареньем и медом нервно подпрыгнули, а его кубок с квасом вообще грохнулся на бок. – Оттуда вся та мерзость расплзается по свету. Там главное пристанище всея черни. Это запад поклоняется Темной Госпоже. Уже много веков жаждут подчинить себе и своей

вере всю Зеленую Твердь. Особенно наш непокорный, плодородный Восток! Ох! Бахнуть пора по ним войной! Чтоб не смели больше засылать сюда свое дурное колдовство!

– Много войн видел мир за прошедшие века, – задумчиво отвечал Лихолов. – Западного врага всегда удавалось отбить, но никогда не было достаточно мощи, чтобы окончательно уничтожить. Тивильч разлился по западу Зеленой Тверди огромным мрачным пятном. Это большая и сильная империя, отпор которой не мог дать никто в одиночку, а только лишь заключая союзы.

– Но в нынешние времена, – вдруг встрял Елисей. – Король Раздола презрел дружбу с Северным Лесом и стал вести какие-то дружеские дела с Западом. И потому мы слабы! Не можем рассчитывать на удар единым кулаком. Наш же северный король не находит пока никаких решений...

– Вот и сидим мы теперь за своими частоколами, – грустно вздохнул Боян. – Оплакиваем погибших и ушедших в туман. Да копим злость то на собственного короля, то на соседей из Раздола, то на своих же братьев... А что будет, если мы сдадимся? Если окончательно падем духом? Раз в Раздоле нынче такая смута, получается, что Северный Лес – теперь единственное более-менее крупное королевство, стоящее за свет.

– Еще есть Серебристые горы с лучезарами, – возразил Елисей.

– Но их мало... – отмахнулся Боян, не обращая ни малейшего внимания, как лужа разли- того им кваса слезами стекает на пол. – На нас-то и есть вся надежда! Нельзя нам отчаиваться! Да только, что делать? Непонятно... Хоть бы король наш уж придумал что. Пока мы все тут не передохли... Сложные времена, тоскливые...

– Туга... – отозвался Елисей. Лихолов сочувственно промолчал.

На той грустной ноте разговор и завершился. Но Боян не оставлял гостей вниманием. Разузнал, где можно купить коней, и один из местных с радостью продал им пару кобыл за несколько завышенную цену. Но других вариантов все равно не было, а идти пешком дальше не хотелось. А еще кузнец подарок решил странникам сделать. И приволок из кузницы какие-то амулеты на веревочках.

– Что добрый кузнец с правильной молитвой делал, то великую силу имеет! – сказал староста и положил на стол перед гостями каждому по подарочку. – Вам большое дело с тем драконом предстоит. Глядишь, сгодится всякая защита! Знаю, что главный оберег он в сердце человеческом живет. Верю питается. Доблестью охраняется. Но такие вещички тоже свою пользу принести могут.

Лихолов с Елисеем хозяина поблагодарили от души. Странник равнодушно пихнул в карман безделушку. Так убрал, чтобы потом уже и не вспомнить про нее. И только Елисей сразу же надел подарок на шею.

Девочке меж тем решили на первое время дать имя Сиды, Одолевшая Туман. Она, казалось, начала потихоньку осваиваться и очень расположилась к Багряне. Крестьянские дети пытались приставать к Сиде с расспросами, на что получали нагоняи от хозяйки дома и разбегались в рассыпную, тут же вновь сбиваясь в любопытную стайку.

Вечером Лихолов снова устроил Елисею тренировку с мечами на заднем дворе. Варна и Пляна тут же побросали свои корыта со стиркой и уселись на лавку, с восторгом глаза на мужчин. От чего сегодня Елисей был несобраным и пару раз больно получил по носу.

Так прошел последний день лета. Ночь опустилась на деревню синим покрывалом, выдыхая в мир холод. Все селяне вернулись домой, и Боян Шальное Копье затворил ворота. Ночью в Северном Лесу и без того свежий воздух еще сильнее остывал, потому крестьяне подкидывали в свои печи по парочке тонких дровишек, и из дымоходов сочились прозрачные змеи легких дымков. Лихолов и Елисей улеглись спать.

После такого гостеприимства сны обязаны были прийти самые радостные и легкие. Однако, Елисея одолел кошмар. Ему снилось, будто где-то там в далеких горбатых холмах Вер-

сипал, царь горных духов, визжит от злости. Крик тот сотрясает горы, камни падают с вершин и разбиваются в осколки. А туман бушует в ответ и послушно бросается в погоню за преступниками. Летят стайки бродячей дымки по лесу, пытаюсь кого-то нагнать и наказать. Мчатся по холодной ночной мгле, пугая по дороге все живое. И с такой яростью рвутся вперед, что листья на деревьях покрываются инеем в августовскую ночь... А потом раздается новый крик. Женский, высокий, отчаянный. Этот крик летит на крыльях ужаса, разнося в щепки ночную темень. Не сразу понял Елисей, что то уже не сон. Очнулся от того, что Лихолов вскочил с кровати, спешно накинул свою куртку, наспигованную ножами, и схватился за меч. Ночная темнота комнаты озлобленно оцетинилась на путников, и Елисей понял, что случилась какая-то беда. Он тоже схватил свой лук со стрелами. Оба мужа поспешили на улицу, во двор и столкнулись в сенях с Бояном, вооруженным топором.

– Вы тоже слышали крики? – гаркнул он гостям на бегу. Те кивнули в ответ.

Они втроем быстро выбежали на улицу. Ночь была на исходе, занималось зарево, от того уже можно было неплохо разглядеть все кругом. Но зрелище, представшее перед их взорами, вызвало у Елисея такой ужас, что желудок подтянулся к горлу. На площади перед домом Бояна собралось полукольцо из нескольких ступков бродячего морока, шипевших, вертевшихся. А между ними в центре лежали на траве две девушки. Одна темно-русая и одна блондинка. Смятые ночные сорочки прикрывали неподвижные тела. Открытые глаза не моргали, а смотрели в одну точку. Груды и животы не вздымались. А из губ обеих девушек лились струйки алой крови. Лихолов, Елисей и Боян в ужасе застыли, глядя на мертвые тела на траве. Староста, прищурившись, ошеломленно прошептал:

– Варна?.. Плеяна?..

С противоположной стороны улицы выбегали из домов другие вооруженные мужчины, а следом высывались их женщины с ножами в руках. Но все в остоленении замирали. Могильный холод наполнил площадь. И вдруг от одного из туманов послышалось шептание на всеобщем языке:

– Версипал сказал. Месть. Две жизни за двух беглецов. Примите свой расчет.

Лихолов и Елисей испытали от этих слов такое потрясение, будто к ним внутрь вонзили копьё от горла горла до паха.

– Ах ты, паскуда поганая! – вскрикнул разъяренный Боян, и в горячке рванул с топором на морок.

Но ползучий туман просто разлетелся прочь и ускользнул из деревни. Медленный серый рассвет заступил в свой караул. Небо посветлело и стало напоминать полированный щит. А редкие прозрачные облачка растянулись, как болезненные слезы, стекавшие с бездны.

Деревня замерла. А потом кто-то закричал и бросился к трупам: родственники погибших девиц. Боль заполнила всю площадь. Криками, причитаниями, хаосом накрыло улицу. Деревня выла: «За что?», «Почему?» – слишком часто стали звучать эти слова в Северном Лесу. Так часто, что с каждым разом царапали слух все больше.

Лихолов медленно потянул Елисея за собой в сени и шепнул:

– Надо срочно уезжать! Пока жители не поняли, что мы виновники этой трагедии. Сейчас все испуганы, в ужасе. Думают, что это просто очередной набег тумана. Но дай им время все сопоставить, и нас порвут на части. Ловим удачу. Быстро собираемся, по заднему двору проскальзываем в конюшню к купленным кобылам и черными ходами скачем к воротам.

Елисей сглотнул слезы и на шатающихся ногах последовал за своим наставником. А дальше все было как в бреду: темная комната, руки шарили в поисках вещей, окно во двор, конюшня. Задней улочкой доехали до ворот, а те не охранялись – все сбежались к дому кузнеца. Сами открыли, стараясь сильно не скрипеть. И понеслись прочь по большой тропе к тракту на столицу.

Глава 4. Неприветливая столица

«Королю твоему преклони колено. Колесо судьбы каждого катиться за колесницей судьбы короны. Будь скромн, но откровенен с королем, как если б тот был кузнецом, а ты копьем. Будь как покорный конь своего короля. Покарается казнью клятвopреступник. Каждый лишь камень, король же – крепость.»

Наставления из Талмуда Светославия.

Копыта рвали дорогу в клочья. Мчались, не оглядываясь. Деревья вдоль тропы нависали над головами, как будто хотели вцепиться в путников. Лес обрушивался мрачностью утра. Бешено мелькали стволы, ветви, стволы, ветви, стволы, ветви – и так бесконечно. Если бы только пошел дождь! Тогда бы лицо облепили холодные небесные капли, и Елисей бы смог без стыда и смущения выпустить наружу и свою непогоду, сложить ее в горячие градинки и пустить бежать по щекам. Но погода отзывалась только облачной прохладой. Лихолов тоже ехал с угрюмым лицом и несколько раз повторял: сейчас нужно убраться как можно дальше от Отблеска Росы, чтобы селяне не догнали их на лошадях с вилами и топорами. Впрочем, оставалась и возможность, что никто ничего толком не поймет, никак особо не свяжет гибель девушек со странными гостями. Но угроза не позволяла сбросить скорость.

Когда унылое стыдливое солнце уже подползло к своему обеденному трону, путники, наконец, домчались до основного тракта на столицу. И Лихолов пожалел коней, сбавив ход. Теперь дорога отличалась шириной и вытоптанностью – очевидно, здесь постоянно ездили странники между столицей и западными селениями. Устроили привал на обочине, перебиваясь запасами, которые им еще с вечера собрала в корзину Багряна: сушеное соленое мясо, орехи, сыр, ржаные лепешки.

Лихолов бросил взгляд на Елисея и увидел, что тот еще мрачнее него.

– Мы не могли знать, что морок придет мстить другим, – глухо произнес Лихолов. – Девушек жалко! Очень!!! Но мы не виноваты в той беде.

– Почему туман не убил нас? – дрожащим голосом проговорил Елисей. – За что именно ни в чем не повинных девушек?..

– Думаю, потому что у нас были с собой обожженные камни. Туман не осилил прокрасться в нашу горницу. Зато нашел тех, на ком сильно чувствовался наш запах...

– Ох и гадость на моей земле расплодилась! А мы? А мы – не меньшая гадость. Это мы виновны в свершившемся! Это за нами морок пришел, нам отомстил! Говорил же я тебе, Лихолов, очиститься сначала надо было!

– Не помогло бы твое очищение, дурень ты...

Но Елисей не слушал, а все причитал:

– Мало того! Нам предстоит убить Злату. Невинную девушку. Где это видано, чтобы попавших в беду убивали, а не спасали?! Ох, седые предки! Как хорошо, что матушка с отцом не видят меня теперь! И кто ведает, что еще будет дальше....

– Морок отомстил. Я так понял, что это все: больше не будет за нами гнаться. А тебя никто не умолял ко мне наниматься. Сам вызвался. Так будь стойким, у меня ремесло простое. Много я по дороге вижу ужасов, много и сам лью крови. Мой путь непрост. Но мне только такой и по душе. А ты подумай, хочешь ли дальше идти со мной.

Елисей потупил взор. Он уже и сам не знал, чего хочет. Всегда мечталось ему научиться бою на мече, а Лихолов был действительно хорошим учителем. Но дело его тянуло за собой шлейфом тяжелые поступки, тяжкие дела, тяжелую судьбу. Юноша все молчал и не имел сил ничего ответить. Странник взглянул на него с сочувствием:

– Клэтва! Да! Сложно видеть смерть невинных. Но такие нынче времена. Зло душит землю. Мир склонил голову в страхе. И не многие люди могут что-то изменить. Но я хотя бы борюсь со всей этой чернью, хоть что-то делаю... Вставай, Елисей! Надо до ночи добраться до какого-нибудь постоянного двора.

Елисей поднялся с таким усилием, словно он тряпичная кукла, которую вытаскивают из реки. Тело будто напиталось тяжестью, казалось, вот-вот порвутся ниточные швы и все развалится на части.

Снова по лошадям. Теперь ехали тоже быстро, но уже не гнали до одурения. Пару раз разминулись на тракте с повозками: какие-то крестьяне или купцы возили туда-сюда из своих деревень в столицу урожай, шкуры, деревянные изделия, или, наоборот, из столицы в деревеньки, разные закупки – от соли до мехов. Мелькали деревья, ветви, листва, да ленивые солнечные отсветы гуляли меж зелени.

Вдоль тракта стали иногда вырастать из лесу деревушки. Но всадники гнали мимо, проезжали селения одни за другими – хотели добраться как можно дальше. В конце концов, когда начало смеркаться, решили уже остановиться в ближайшем постое, как с наступлением темноты добрались до небольшого городка Блики. На въезде сидела пара ленивых сонных стражников, которые и подсказали дорогу до тракта.

«Вечерний Луч», как назывался этот постоянный двор, расположился близко к въезду в город, чтобы проезжающим мимо странникам не приходилось подолгу грохотать копытами по дороге. Городок встретил путников сонной улыбкой белостенных домиков, раскиданных по улочкам свободно и хаотично. Хозяином «Вечернего Луча» оказался проворный невысокий толстячок. Он ловко устроил новых гостей: приказал помощникам отвести лошадей в конюшню, там расседлать и дать корма, мужчин же проводил в ближайшую свободную комнату на втором этаже – маленькую и аскетичную, с парочкой кроватей, столом, стульями, отхожим горшком да крохотным окошком во внутренний двор. Отужинать пригласил пройти вниз в общую залу. Усталые странники не стали пренебрегать возможностью наесться досыта и, небрежно побросав плащи и узелки с вещами, быстро спустились на первый этаж в трапезную.

Мужчин встретила душноватым воздухом наполненная людьми зала, по размеру едва ли в шесть раз больше выделенной им комнаты. Здесь плотно расставленные тяжеловесные деревянные столы обрамлялись лавками, в одном месте хозяин устроил камин – больше для красоты, чем для обогрева, так как в этом огромном доме было несколько отопляющих печей. Большинство других гостей уже, по всей видимости, отужинали. Кто-то ушел спать, оставив после себя объедки, и помощники хозяина еще не успели прибрать. Кто-то не только поел, но и прилично напился еля (местного крепленого напитка из ячменя, овса, меда и лесных трав). Да так, что лежал щекой на столе и храпел, или, наоборот, о чем-то горячо спорил с соседом. Помещение не могло похвастаться освещенностью: желтоватые пятна исходили только от камина да еще от парочки свечей на полках. Душной, темной, шумной, с грязным полом, с запахом хмельного меда и потных мужиков – такой ощущалась эта трапезная.

Путники прошли за дальний свободный стол около камина, и присели на лавки в ожидании ужина. Елисей уперся взглядом в искорки от горящих поленьев. Пока услужливый хозяин побежал на кухню за едой, странникам не оставалось ничего, как смотреть на огонь и слушать балагурство соседей.

– Ты меня послушай, – говорил заплетающимся языком один захмелевший дядька в грязной рубахе своему соседу напротив. – Та гадость ползает по нашей земле, утаскивает наших детей, пугает баб. А мы ничего с тем не делаем!

– Да чего ты тому сделаешь? Ик! – отвечал, ритмично икая сосед. – Приходит, когда хочет, пьет кровь нашу да уходит.

– Нет, я вам так скажу, – вмешался третий захмелевший из-за другого стола. – Жизнь нынче стала – мрак! То наша судьба!

– Я те шас дам, мрак! – вдруг озлобленно вскочил с кулаками первый. – Глядишь, так в Темную Владычицу поверишь?!

– Да сядьте, вы, буяны, – встал успокаивать их второй. – Нам бы вот вместе собраться, а не против друг друга! И шарахнуть по мороку бродячему!

– Как ты по нему шарахнешь-то?

– Да не по нему самому надо! Войну надо Тивильчу объявить! Как оно при дедах наших было.

– Деды наши с Раздольцами бок о бок воевали, а сейчас-то вон оно как, нету больше меж нами дружбы!

– В печь бы их короля Беломира! – вдруг заорал первый и поднял кубок с елем.

И подхватили два других:

– В печь Беломира! В печь Раздол!

– А те уже горят и так, как в пламени! – подхватил кто-то из других гостей.

– А так им и надо, суки подлые! – ответил третий. – Тфу! И этим предателям еще и честь экая выпала! Храм Судьбы у них, видишь ли! Меч Истины они там хранят! Нет, скажу я вам! Промажнулась Мать Судьба! Не тем такую святыню доверила! Предателям и слабакам.

Лихолова от этих слов заерзал и нервно потербил через рубашку амулет, словно старался проглотить услышанное. Но другая рука его сжалась на оружии и выдала обиду за услышанные речи.

А Елисей тем временем сидел молча и смотрел на огонь. И казалось ему, что мир нынче так же темен, как эта комната. Что вокруг только гадость, чернь и злость. Брат злословит на брата, люди или жалуются, или проклинают друг друга, или испугано прячутся за частокочками. Почти все поленья в камине уже затухли, продолжали полыхать только два маленьких уголька. Искры разлетались от них, обжигали темный воздух, испускали отчаянные лучики света во всеобщую тьму. Такие маленькие были те искры, но такие важные – если бы не они, поглотила бы все тьма, придушила бы жизнь. Вся надежда была на те две ветки с их скромными искрами: догори они, и воцарится тьма.

И тогда вдруг поднял Елисей глаза на Лихолова и посмотрел, как он похож на пылающую в ночи веточку. Так же горит, прогоняя тьму со своей дороги, обжигая нечисть жаром смелого сердца. Пусть и неидеален наставник, пусть циничен, пусть груб и денег за все алчет. Но благословенно ремесло его! И подумалось юноше, что больше должно быть в мире, изнывающим от тьмы, таких горящих веток, которые борются, бьются, дают отпор мерзости, а не только жалуются в трактирах и злословят на братьев. Показалось Елисею, что внутри него самого в тот миг загорелась такая же пылающая веточка, затанцевали брызги искорок в душе, жар взорвался жадной боя.

– Лихолов, – произнес Елисей, а тот дернулся, так как не ожидал вдруг от поникшего, раскисшего юнца такого металлического голоса. – Прости, что усомнился в твоих суждениях. Пойду за тобой, куда скажешь. Что потребуешь – сделаю. А как оставишь меня, то и тогда продолжу борьбу твою с мерзостью. Уже сам.

Лихолов ничего не смог ответить, только скупно кивнул, глядя Елисею в глаза. А тот в очередной раз отметил, что во взгляде Странника читалось какое-то опустошение. Не было там умиротворения, которое встречается у людей возвышенных и радостных. Но не виднелся и тот темный мрачный покой, как у людей сломленных. А будто давно заживший шрам вокруг большой раны, обтесанный разными бедами и радостями, странствиями и отдыхом. Все это утяжеляло взгляд Странника настолько, что немногие люди могли подолгу смотреть ему в глаза. В словах Елисея был возвышенный душевный порыв и восхищение. Да только если бы знал юноша всю правду о своем спутнике, не было бы ни того, ни другого. Если б ведал он, что Странствующий Охотник не только смелый каратель нежити, а еще и тот, кто трусливо сбежал из своей страны, бросив трон Раздола в руки Беломира... Так что теперь весь мир оплакивает

Юго-Восток. Тот, кто уже много раз мог бы вернуться, да не хотел, а страна меж тем стонала под гнетом «дурного короля». Знай все это Елисей, то встал бы да плюнул в лицо Лихолову, ушел и никогда бы не возвращался. Но те тайны Странник никому не раскрывал. Все же наделся Лихолов, что никто и никогда не узнает ни его настоящего имени, ни происхождения, а так и продолжит он свою нынешнюю жизнь, полную славы, подвигов и золотых наград. Так проще, так понятнее, так легче.

Грохотнули глиняные миски с едой, которые поставил на стол трактирщик с пожеланиями доброго пира. Запахло томленной олениной, пареной репой и какими-то другими овощами, овечьим сыром и овсяным хлебом. Кубки с элем и кувшин с водой встали следом. Путники с азартным аппетитом насытились и ушли в свою комнату. Перед сном условились поутру потренироваться во дворе с мечами, а потом отбыть сразу после завтрака. Лихолов в своем обычном направлении мыслей усмехнулся и похлопал Елисея по плечу:

– Баня и девки будут в столице с избытком! – и подмигнул. – А тут задерживаться не стоит!

На что Елисей уже перестал смущаться, так как начал привыкать, что его старший спутник – большой любитель женщин. Юноша просто не обратил внимания на последние слова. Улегся спать на жесткое сбившееся ложе, медленно занырнул в пустой сон, похожий на туманное лесное утро – без хоть сколько-нибудь четких образов – спокойный и холодный.

Утренняя тренировка разгорячила кровь и разожгла аппетит. На завтрак трактирщик подал им овечий творог с медом, и по миске полбяной каши на каждого, поставил кувшин с горячим травяным настоем с гвоздичным ароматом. Лихолов закупил в дорогу немного припасов: вяленой оленины, овсяных и ржаных лепешек, творога и сыра в кожаных мешочках. Вполне довольно для хорошего обеда в пути, а, возможно, даже и для ужина на окраине столицы. Кони за ночь отдохнули, отъелись корма и напились воды и были готовы снова мчаться вперед. Всадники быстро оседлали своих кобыл, привязали к седлам вещи и двинулись в путь, прощаясь и с «Вечерним Лучом», и с «Бликами».

Ехали снова быстро, чтобы успеть в столичную окраину до полуночи. Под копытами земля с дороги разлеталась рыжими клочьями. А вдоль пути густые чащи сменялись редколесьями, полянами, и все чаще мимо пролетали разные деревни и селения. Обеденный привал пролетел быстро, как все в тот день. Но только всю дорогу мучался Елисей: чем ближе к столице, тем тяжелее на сердце. Вот, пожалуй, путники к королю, расскажут про дракона. И повелит им государь убить сию тварь. Да только убивать придется и Злату – красивую, бесстрашную девушку. Ту, что сама спасла им жизни! И чем ближе Рассветник – тем мучительнее стонала совесть: «Нет, нет, не убивай, не убивай, Елисей!»

К окраине столичного града Рассветник добрались уже в сумерках. Петлять по ночным улицам желания у путников не было, поэтому заселились они в первый же более-менее приличный постоялый двор. Он располагался на улице, упирающейся в опушку леса. Трактир встретил гостей табличкой «Под холмом». Потому как и правда располагался он у подножья одного их холмов, которых в Рассветнике было семь. Этот гостевой дом мало чем отличался от «Вечернего Луча»: такой же большой деревянный терем с двумя основными этажами и третьим скошенным под самой крышей. С общей трапезной внизу, соседствующей с кухней и хозяйскими помещениями. С конюшней справа от основного дома. С баней и с парой неаккуратных сараев на заднем дворе. Здесь так же жила вечная смесь запахов дерева, пота странников, баранины и еля.

За вечерней трапезой Лихолов решил обсудить с Елисеем предстоящий день:

– Утром нужно ехать во дворец и добиваться права говорить с королем. Но нужно быть чистыми, чтоб нас не приняли за бродяг. И сытыми, ведь неизвестно, сколь долго мы будем ждать. Так что с самого рассвета предлагаю сначала тренировку на мечах, потом завтрак, потом баню, но быстро и без лишних развлечений. С девками потом успеем побаловаться – дело важ-

нее. Возьмем с собой немного сушеного мяса, лепешек и воды, оседлаем лошадей, да выдвинемся в центр города.

– А ты уверен, что сам король Северного Леса примет тебя? – с сомнением спросил Елисей.

– Да, – несколько оскорбленно заявил Лихолов. – Обычно все эти князья, старосты и даже короли встречают охотника на нечисть с радостью. Ведь я прибыл помочь побороть страшную напасть. Ну, по крайней мере... все последние десять лет меня встречали приветственным кубком чего-то крепленого! А уж их жени и дочери!.. Мне могли не доверять, иногда смотрели, как на сумасшедшего или как на самоубийцу. Но всегда были довольны, что получают шанс избавиться от чудовищ. И потом, ты сам сказал, что слава моя бежит впереди меня.

– Да, понимаю. Ну, а мне? Ехать с тобой или ждать где-то?

– Поехали со мной. Покажу королю, что у меня есть помощник из его подданных, который хорошо знает местность – это мне только на пользу. Представлю тебя, как своего провожатого и, пожалуй, как ученика, ведь это так есть.

– Куда ж мне, такому оборванцу, да во дворец! – застеснялся Елисей. – Небось, и за ворота-то не пропустят!

– Ничего, – с сочувственной ухмылкой хлопнул юношу по плечу Лихолов. – Все будут смотреть больше на меня.

Елисей в очередной раз внимательно разглядел дорогую кожаную куртку Лихолова, его сапоги, рубаху, плащ и многочисленное изысканное оружие. И подумал, что Странствующий Охотник действительно выглядит очень пригоже, даже щегольски, как устрашающий воин, притом богатый. Такого должны без проблем пропустить во дворец, а там, глядишь, и скромного сопровождающего тоже... И тут юноша подумал, что ни разу путники еще не обсуждали Златовласку, потому как тяжело им было и думать о ней и говорить. Смуту посеяла юная девушка в сердцах охотников. Но момент все же настал завтра идти к королю, значит, надо все предусмотреть заранее.

– Так что же ты предложишь королю, Лихолов? – спросил Елисей Поющая Стрела.

Странствующий Охотник тяжело вздохнул, уперся взглядом в дно опустевшего кубка и напряг нижнюю губу.

– Я расскажу королю все, что мне удалось узнать, – вымолвил Лихолов так, что сразу почувствовалось: за словами теми стоит смятение, которое стыдно показывать. – Предложу любые услуги – от поимки до убийства. Потому как я тут человек пришлый, все дела и интересы местного властителя мне не ведомы. Пусть сам решает, что делать с этим чудищем на земле Северного Леса.

Сердце Елисея снова заняло. Что же может сказать король? Сможет ли он добрую мысль придумать?

– Да, – покачал головой Елисей. – И правда, королю виднее. Да только... Поговаривают, что мало в нем духа боевого осталось. Так же мало, как гордости державной. Все больше сидит в своем ясеневом замке, отсылает гонцов с распоряжениями да медленно увядает. И тянет в то увядание за собой и Северный Лес... Может статься и так, что ничего он не захочет, и уйдем мы ни с чем...

«Может так и лучше?» – простонала внутри совесть.

– Утра вечера мудренее, отоспаться надо с долгой дороги. А это все завтрашний день покажет.

С такими путанными мыслями и неясными предчувствиями мужчины отправились в свою комнату. Усталость вгрызлась в них остервенело и быстро унесла в глубокие сны.

Утро, и правда, мудренее вечера. Выспавшиеся отдохнувшие путники проснулись с рассветом и приступили к намеченным делам: тренировка, баня, завтрак. А затем сели на коней и двинулись вверх холма в сторону центра.

Рассветник раскинулся большим хаосом домов, мощеных улочек, площадей и базаров на целых семь невысоких холмов. А еще центр города располагался на берегу красивой широкой реки Серебрянки, в западном порту которой толпились груженные товарами парусные корабли. Когда путники поднялись на вершину первого холма, им представился живописный вид на город и главную его часть – белокаменную пузатую и коренастую крепость с замком. Она располагалась на центральном холме, самом высоком из семи. Крепостная стена имела и второе кольцо, которое обрамляло площадь всего пригорка, и вмещала в себя несколько улиц. Но до того места странникам было еще далеко. Им предстояло сначала миновать путаный лабиринт улочек, надо сказать, довольно широких и ухоженных, но очень разноперых.

Дома тут отличались один от другого: скромно стояли здесь и бедные лачужки из дерева, и внушительные каменные терема с белыми стенами. Повсюду уже открылись лавочки с разными товарами. Северный Лес славился на всю Зеленую Твердь своими резчиками по дереву и плотниками. Многие зазывалы предлагали посмотреть их удивительные творения из дуба и осины: резную посуду, разные причудливые фигурки животных, почти неотличимые от настоящих медведей или птиц. Встречались и лавки кузнецов с замысловатыми выющимися вывесками у входа, а из их дверей доносился стук молотков. Повсюду мелькали лавочки с овощами, кто-то продавал зерно и пек хлеб, и в тех местах витали такие ароматы, что завтрак позабылся мгновенно, и пришлось только, сглатывая слюну, поскорее проскакать дальше. Кабаки и трактиры тоже попадались по дороге. Все это изобилие цветов, запахов, зазывных речей одурманивало, кружило голову. Но, как будто и того мало – в городе еще и шел праздник, уже несколько дней Рассветник отмечал приход осени: все старались украсить фасады своих домов зелеными веточками и цветами, на больших площадях шли гуляния, и тут, и там слышались повозки, прямо на ходу продающие ель из бочек – на розлив. Город наполнялся запахом меда поверх вони отходов и хмельными людьми, а еще вибрировал звуками песен.

– На этот праздник у нас есть обычай, – заулыбался Елисей. – Что-то вроде прятков. Девушки наряжаются в оленей и убегают, а мужчины ищут их. Собирают всех найденных на площадь и как бы отчитывают, ну, в шутку! А потом все дружно пьют ель и пускаются в хороводы.

– Весело у вас, – усмехнулся Лихолов, и в тот момент как раз мимо пробежали две полуголые девицы, кое-как обвязанные шкурами оленя и с плохо закрепленными рогами на головах. Они, хихикая, нырнули куда-то в подворотню под улыбки прохожих и спрятались, а уже через мгновение на улочку вбежали следом трое раскрасневшихся парней, хмельных и веселых, явно искали своих «олених». Странник проводил эту гурьбу озорным взглядом и засмеялся: – Я бы тоже сейчас с удовольствием побегал за одной из таких девушек.

Но послушные кони несли путников все дальше в сторону центрального холма. Проплывали мимо лавочки, площади, пару раз даже попались небольшие базарчики и ярмарки, а дома становились все богаче. Видимо, здесь, и правда, трудились самые лучшие мастера по дереву, так как фасады строений, принадлежащих зажиточным купцам или служивым, просто разрывали взгляд своим великолепием. Резные ажурные вставки на балконах придавали воздушность и легкость. Точеные, мощные, круглые и плоские балясины на балконах дарили зданиям основательный крепкий вид, крыши тоже украшались изразцами.

Миновали мост и порт, где прочувствовали навязчивый запах рыбы, смолы и дегтя. Все сильнее билось сердце у Елисея по мере того, как приближался миг разговора с королем. «Не убивай! Не убивай! Кровь невинную не бери на руки!» – стонало все в душе. Когда же лошади довели путников до внутренних улиц за первой крепостной стеной, уже не было базарчиков, зато лавочки торговцев приобрели какой-то щегольской дорогой вид. Стали попадаться и места, продающие меха или разнообразные шубы, жилеты и плащи. А на одной улице расположились отдельно стоящие торговые палаты лучезаров (дружественного народа, но другой расы). Лучезары были высокие и худоватые, ходили чуть иначе, как бы легче, словно танцую,

потому как их кости имели иное строение, чем у людей, что делало их легковеснее и ловчее. Кожа отдавала бледным свечением, но словно усыпанной золотистыми искорками, длинные волосы традиционно заплетались в косы. Этот народ был для северо-востока братьями по вере, потому что тоже исповедовали культ Светлой Матушки-Судьбы, хотя и жили далеко – в самом центре Зеленой Тверди в Серебристых горах. Но в Северный Лес они путешествовали уже много веков каждое лето: торговали здесь своими изысканными мечами и непревзойденными луками, сами же закупались мехами, лесными травами, зерном. Осенью же, с наступлением холодов, лучезары подсчитывали прибыль, грузили закупки на корабли и уплывали на запад по Серебрянке, впадающей в Колючее Море, и дальше. Там вливались в устье реки Моравы, и так добирались до столицы Лучазарского царства – Сребриграда. Сейчас же, в первые дни осени в этих палатах шла самая бойкая торговля, так как заморские купцы желали продать как можно больше товара, чтобы не везти с собой домой остатки. Именно лучезарский язык и был всеобщим языком в Зеленой Тверди, эта народность первой основала города и свое королевство, пока люди еще только строили крупные деревни-городища.

Проехали также и мимо величественных храмов, стоящих в городе большими белыми кубиками, устроенными так, чтобы внутрь проникало как можно больше света. А вокруг этих зданий всегда толпились люди, несущие сухие дрова или цветы для обрядов, и тянущиеся к местным жрецам с какими-то требованиями; между ними также бродили попрошайки. Из белых строений доносились разные песнопения, долетал запах жженных углей и тлеющих трав. Слышался звон ритуальных колокольчиков и усыпляющее нытье домры.

– Это наш главный храм Благодетеля, – показал пальцем Елисей на большой белый купол. – Там часто поет наша принцесса, сама дочь короля Яромира. Говорят, ее голос настолько чист, что даже у самых суровых людей слезы проступают на глазах от ее распевов. А еще шепчут, что принцесса та невероятно красива.

– Хорошо, когда в государстве есть красивые принцессы, – усмехнулся Лихолов. – Их можно удачно выдать замуж и заполучить новых союзников.

– Она еще славится своей добротой и щедростью. С малых лет одаряет бедных милостыней. Часто лично раздает сиротам горячую еду на заднем дворе того храма. А еще ходят слухи, что, когда она родилась, совет ведунов увидел в ее судьбе великую удачу для всего Востока. Якобы, эта принцесса несет в себе благословление нам от самой Матушки Судьбы. Берегиня Востока – вот так ее прозвали. А за красоту – жемчужиной Северного Леса.

– Интересно будет мне увидеть это диво во дворце, – засмеялся Лихолов.

– Вряд ли, – вздохнул Елисей. – Мне бы тоже очень хотелось посмотреть на чудесную принцессу. Но не думаю, что она сидит и принимает просителей вместе с королем...

Так, за пару часов спокойной езды по улочкам, мимо лавок, таверн, торговых палат и даже порта путники добрались, наконец, до центральной площади и ворот королевской крепости. Вход охранялся суровой дружиной, двое из витязей восседали на конях, и строго глядели на всех прохожих. Остальные же просто выхаживали вдоль тяжелых резных железных ворот со скучающим видом. Когда Лихолов и Елисей на своих кобылах приблизились к ним, вся дружина как-то резко встрепенулась и ошетилилась копытами и мечами, а простые гуляки на площади замерли, вглядываясь в любопытную сцену.

– Кто такие? И чего хотите? – грубым басом произнес один из всадников, выставляя вперед блестящий полированный меч.

– Меня называют Лихоловом и Странствующим Охотником, – приветливо отозвался Странник, и тут же по площади пополз изумленный шепот. – Я прибыл сюда издалека, чтобы предложить вашему королю свои услуги. В ваших западных лесах завелся дракон. Хочу поймать тварь и принести королю его голову, чтобы вы гордо повесили ее на свои пики!

– Мы знали, что ты придешь, – ответил все тот же дружинник. – Наша придворная ведунья Майа встретила тебя в своих видениях. Сын короля, принц Ратибор, сказал сразу по приезду проводить гостя в приемную залу. Но кто тот второй с тобою?

– Это Елисей Поющая Стрела, сын Тихомира из селения Искрающейся Реки, ваш местный. Он мне проводник и помощник, пойдет со мною.

Всадник с минуту изучал хмурым пристальным взором обоих гостей, а потом, не отводя взгляда, крикнул:

– Отворить ворота!

У Елисея совсем уж заколотилось сердце – вот-вот выпрыгнет из груди. Заскрипели тяжелые железные двери и уличная дружина расступилась. Путники заехали внутрь королевского двора. А суровый всадник поскакал лично проводить гостей, захватив с собой по дороге часть охраны.

Строгая, но изысканная северная красота наполняла внутренний двор. Мощные дорожки обвивались серыми нитями вокруг яблонь, сосен и цветущих кустов. В самом центре рос огромный старый ясень, могучий, как грозный воевода. Сам же замок был слиянием красоты камня и дерева. Белокаменные стены первого этажа тонули в тени под широкими балконами, а те, в свою очередь, опирались на резные деревянные колонны. Словно здешние короли хотели показать всем своим гостям, какие выдающие краснодеревщики проживают у них в стране: несущие опоры полностью были украшены узорами с изображением лесных зверей, а также сцен великих битв севера. Тут и там белые своды и арки на втором и третьем этаже украшены были деревянными вставками с мельчайшим ажуром резьбы. Просто невозможно было представить, сколько труда вложили здешние мастера в те узоры. Колонны обвивались плющом, тянувшимся от земли до нижних балконов и иногда даже выше. Это выглядело так нарядно, словно бело-деревянный замок был красивой лесной невестой в белом платье с древесными украшениями и зелеными рюшами.

Лихолов и Елисей спустили с коней, которых королевские конюхи взяли под узды и проводили в конюшню. Стражники приказали гостям сдать оружие. Гроыхнуло железо мечей и древки луков со стрелами, какой-то служивый тут же унес все это к коням. Но Лихолов был опытным странником, потому никогда не сдавал оружия полностью: в карманах куртки и в сапогах он по-прежнему прятал пару ножииков. Елисей же, сдав свой лук и кинжал из-за пояса, остался абсолютно безоружным. Через темные коридоры замка, белокаменные, но с маленькими окнами, стражники проводили гостей в приемную горницу. Это была большая зала с огромными окнами, но отчего-то прикрытыми до щелочек, так что свет не жаловал здешнее убранство. Царил полумрак, вздрагивающий от скудного освещения редких свечей. По бокам стояли лавки для гостей, на стенах висели чучела убитых на охоте животных: медведей, лосей, лис и других. А вперемешку с ними разное оружие изысканного исполнения: копья, булавы, луки, мечи и щиты. На противоположной от окон стене скромно трещал хилый огонь в громадном каменном камине. У дальней стены напротив входа, на специально устроенных ступенях, возвышался трон короля. Огромный, вырезанный целиком из сруба дуба и отделанный все той же изысканной резьбой, какая виднелась и в украшениях замка. На троне восседал в золотой короне седой старик. Широкоплечий, крупный, но уже сгорбившийся и смотревший на гостей исподлобья щелками глаз. Лихолов и Елисей приблизились и разглядели по бокам от короля и других людей, уже на седалищах поскромнее, однако, также на возвышении ступеней. Среди них выделялся молодой крепкий витязь с гордо расправленными плечами, властно вознесенным подбородком и громадным рубиновым перстнем на правой руке. По другую сторону сидела в красном кафтане зрелая, но очень красивая женщина с каштановыми блестящими косами и обжигающе-яркими светлыми глазами. Она смотрела напряженно и недоброжелательно.

Провожатый громко произнес:

– Перед вами Яромир Изяславович – король Северного Леса, владыка Ясеневого Дворца, верный сын Матушки Судьбы!

Лихолов и Елисей почтительно склонились перед королем. И тогда тишину в зале вдруг разорвал сиплый скрипящий голос старого правителя:

– Приветствую, странники. Моя ведунья Майа, Глядящая в Ветра, предупредила меня еще пять дней назад, что в столицу направляется некий прославленный муж, чтобы встретиться со мной и нечто предложить, – он протяжно цедил слова, словно говорил недовольный пробуждением змей. – Видела она также и то, что тот муж будет называть себя одним именем, а в сердце держать другое, укутанное тайной. А еще, что предлагать он будет мне помощь, но просить за это злато, ибо он и смел, и труслив, и добр, и равнодушен одновременно. Стражники же представили тебя мне, как Лихолова, того самого прославленного Странствующего Охотника, сказания о подвигах которого гремят на всю Зеленую Твердь. Так расскажи нам, кто ты таков, откуда родом, и чего такого полезного желаешь предложить?

Елисей бросил перепуганный взгляд на наставника. Вот это приветствие! Не очень-то дружелюбно их встречает государь. А ведь чуть что – и голову может повелить снести! Но Лихолов не затушевался и сохранил и гордую осанку, и бодрый голос:

– Да, великий король Северного Леса. Я – Лихолов, Странствующий Охотник. Я – истребитель нечисти. На моих руках кровь уже десятков вырожденцев тьмы, монстров, колдунов и многих других тварей – порождений дурной магии черных жрецов.

– Каково твое настоящее имя? – прервала его жрица властным голосом.

– Мое имя пожрала большая беда, ведунья, – сухо ответил Лихолов, – берeditь которую опасно, коли не хочешь накликать на себя проклятие. Нет у меня имени иного, кроме как Лихолов, Странствующий Охотник или Странник. То место, откуда я родом, уже не существует и называть его – все равно, что будить дремлющих духов.

– Видишь, великий король, – зашипела Майа, обернувшись к королю. – Я предупреждала, что человек к нам придет непростой. Скрытный. Видела я сквозь небыль, что будто ходит он по земле и живой вроде, да только с ножом в сердце...

– Великий король, – возмутился Лихолов. – Какое с того дело, что у меня на душе, коли дела мои прославлены? Всем известно, что я – лучший в Зеленой Тверди охотник на сумрачных тварей! И пришел к тебе именно, чтобы предложить свое мастерство в опасном деле.

– Что же за дело ты хочешь мне предложить? – прохрипел король. – Морок бродячий одолел наши земли. Черные жрецы тайком переселяются в наши леса и плодят в туманных лощинах свое дурное колдовство. Соседи наши все в смуте, уже против нас настроены. Ни помощи у нас нет, ни поддержки. Вокруг лишь враги. Даже наши братья из Раздола теперь жаждут с нами войны... Лишь с Серебристыми Горами с королем лучезаров Милрадом мы еще пока не в ссоре. Но он далеко, нас разделяют государства вдоль Колючего Моря или царства срединных земель. Да и лучезаров осталось мало, никому они уже не помощники... Тяжело сегодня бремя правления Северным Лесом. Разве может один охотник помочь мне? Разве спасет государство мое от неизменно приближающегося часа скорби и поражения? Не в добрый час пришел ты, Странствующий Охотник, но в день затишья перед бурей...

– Однако, – возразил Лихолов. – В твоих землях зверствуют не только туманы. Молодой дракон завелся у тебя на западной окраине. И с ним должен кто-то сразиться, пока не разросся он до гигантского чудовища и не выжег все твои леса.

От этих слов вдруг зал словно вздрогнул. Вопреки всем ожиданиям Лихолова старик-король неожиданно вскочил и заорал:

– Вранье то все про дракона! Нет его в моих землях! А кто распространяет сии гадкие слухи – тот мой враг! Ты, собака, небось – заслан из Раздола, не иначе! Тебя прислали чтобы запугать мой несчастный народ еще больше, чтобы сломить и без того угасающий наш дух! Стража!

Откуда-то из-за спины Елисей услышал топот солдатни и скрежет железа, и страх пробежался муравьями от спины до локтей. Запахло солдатским потом, и кто-то уже дышал гостям в спину.

– Великий король! – вдруг выкрикнул до того молчавший Елисей и бросился на колени. – Я верный твой подданный, северянин, я с рождения жил в Северном Лесу в Искрящейся Реке, отец мой, Тихомир, воевал за тебя с Междуречьем! Клянусь, что видел собственными глазами того дракона! Видел, как он принес в свое горное логово украденную овцу из селения, и еще как подпалил горным птицам крылья!

Все замерло, как обледенелое. И тогда встал с седалища молодой витязь с перстнем. И крутым басом гаркнул страже:

– Стража, стой! Пока не трогайте гостей, пусть расскажут больше.

– Сын мой, – обратился к нему король. – Неужели поверил ты двум алчным бродягам? Они желают лишь выторговать у нас мешок золота и запугать наш народ страшными слухами.

– Отец, – вежливо ответил витязь. – Даже на суде наш обычай велит предоставить обвиняемому слово и дать сказать все, что может. А сейчас даже не суд, но гости пришли к нам в замок. Так меньше ли у них прав, чем у провинившихся разбойников? Пусть говорят!

– Да уж и мне любопытно, – прошипела ведунья, не вставая с места. – В каких это таких краях видели вы дракона?

Король неуклюже уронил дряхлое тело в трон, а за ним обратно на место уселся и принц.

– В Горбатых Горах поселилась та тварь... – ответил Лихолов. А Елисей услышал в голосе спутника спокойствие, и сам будто бы немного справился с испугом. – Выбрала себе логово меж скал и таскает туда добычу. Я притаился там и тайком следил за ней день и ночь. Изучил привычки. Надо убить гадину, пока та еще не разрослась в грозного гиганта.

– Всем известно, мой король, – усмехнулась Майя, – что в Горбатых Горах живет зло. Дурные духи гор царствуют там, и ни один добрый человек по своей воле не поднимется в те горы. А даже если случайно там заблудится, то духи сведут его с ума! Или вообще пожрут! Так как же можем мы верить, что Лихолов, посетивший Горбатые Горы, прежде чем Ясеневый Дворец, не шпион, не обманщик и не сумасшедший?

– Великий король! – прорычал Лихолов, его голос начал терять нотки спокойствия. – Вся Зеленая Твердь знает мое имя, и слава моя дороже золота! Скольким селениям помог я избавиться от мерзости дурной? Скольким королям принес головы убитых чудищ – столько и пиров было дано в мою честь! Подумай, зачем мне вдруг становиться интриганом и лжецом? Коли обману тебя, так скоро никто больше мне не поверит, и ремесло мое на том кончится! Слухи о том драконе уже расползлись по свету, узнал я о нем за пределами твоего государства и пошел по следу. Встретил местного подданного твоего, охотника Елисея Поющая Стрела. А в его краях уже все слышали про дракона, и многие крестьяне видели ту тварь сами. Люди твои в тех краях ждут помощи великого короля! Живут в страхе и надеются на мудрость своего правителя. Если промедлишь ты, потом будет поздно. Дракон разрастется, и никто уже не победит его. Нужно убить его сейчас. Да вот только никто кроме меня того не сможет. Будь же благоразумен! Накажи мне уничтожить тварь. Или хотя бы дай быть провожатым твоего поверенного воина, я научу и расскажу, как драконов можно одолеть – ведь то непростая наука. Прими в услужение или меч мой, или хотя бы опыт.

Король выслушал все это с угрюмым сомнением. Казалось, старик будто спит наяву, и не хочет просыпаться. Сидел молча, облокотившись на сухую старую руку в сторону своей ведуньи, и смотрел на пришельцев мутными уставшими глазами. Его желваки играли и челюсть нервно елозила, но он не говорил ничего, и от этого правитель выглядел просто озлобленным и беспомощным старцем. А ведунья продолжала ему нашептывать:

– Дело неясное, странное, мой король. Человек тот неискренен, даже имя свое в секрете держит. Знаем ли мы наверняка что он – и впрямь тот самый Лихолов? Верить ему опасно. Так же опасно, как и свободно отпускать. Пусть отведут их в темницу, а мы еще подумаем.

По спине Елисея снова пробежали ледяные мурашки, а в душе стал разливаться гнев. Там, в многострадальных селах люди изнывают под гнетом нежити, теряют близких, отчаиваются, горюют. А их король тем временем спит дурным сном под шепот какой-то придворной колдуньи. И мало того, еще и последних отчаянных воинов может посадить в темницу вместо того, чтобы отправить их на подмогу народу! А стража, меж тем, нервно топталась за спинами Лихолова и Елисея, в зале становилось душно, и даже свечи вздрагивали от царившего напряжения.

– По обычаям восточного гостеприимства, – оскалился Лихолов, – гостя, пришедшего с миром, оставляют жить в одной из дворцовых горниц, кормят и поют. А не бросают в темницу!

– Зачем нам оставлять тебя во дворце?! – остервенело рявкнула ведунья. – Чтобы ты сидел здесь, в сердце нашего царства, и распускал лживые слухи о драконе? Запугивал всех и плел интриги? Чтобы настраивал против короля его подданных и тушил последние остатки боевого духа? – тут жрица впервые поднялась с седалища и мягкой походкой направилась в сторону Лихолова, глядя ему прямо в глаза.

Ее красный кафтан едва колыхался от вздрагивающих на ходу грудей. Взгляд у жрицы был пронзительный, холодный, без тени доброты. Елисей почувствовал, как сердце его наливается горячим свинцом ярости. Лихолова же не так легко было вывести из себя, и тем более испугать, он лишь сморщился от раздражения:

– Ты, придворная ведунья, Глядящая в Ветра! Умеешь бродить в небыли и видеть многое: что было, что есть, что будет. Так неужели не видела ты и дракона? Али лжешь своему королю?

Женщина от такого вызова задышала порывисто, но изо всех сил старалась сохранить личину спокойствия и мудрости.

– А в том-то и беда твоя, – злобно выговорила она, подойдя к Лихолову уже почти вплотную, и жара его своими змеиными глазами. – Что НЕ видела! Там, во внутреннем дворе ясеневого замка. – Майя показала пальцем куда-то в сторону окон. – Там бьет из-под земли священный родник предков. Уже много веков придворные ведуньи вместе с королем ворожат на той воде. Я показываю там королю всех сумеречных тварей нашей страдающей земли. И видит наш бедный правитель их там как черные пятна, блуждающие по лесам. Коль завелась бы на севере большая злобная тварь, такое огромное детище зла и нежити, как дракон, в зеркале небыли бы виднелось уже не пятно, а черное грозное облако. Да только НЕТ ЕГО!!! А значит, слова твои – ложь!

– Но пожар в Рассветнике? – перебил Елисей.

– Пожар мог случиться от чего угодно, холоп! – шикнула на юношу жрица и тут же снова повернулась к Лихолову. – Ты – или сумасшедший, или шпион, или просто алчешь золота! И место твое – в сырых подвалах ясеневых дворца. До тех пор, пока не пойдем мы, что ты есть на самом деле.

Лихолов и Майя стояли друг напротив друга, каждый будто хотел испепелить другого взглядом. А Елисей, услышав, что ведунья не нашла в небыли дракона, растерялся. Не знал, что теперь думать. Лжет ли сама ведунья? Мог ли сам дракон причудиться – тут, ясное дело, что нет, не мог, ведь многие уже в западных землях Северного Леса видели ту тварь. А может то и не совсем дракон был, а юная дева, добрая и чистая, от того и не отражалась она в чародейском зеркале драконом. Ибо небыль – то сфера духа, а не тела, там дракониха могла быть не суть зло, а смесь с девичьей душой. Только Елисей набрал в грудь воздуха, чтобы рассказать королю о Злате, как его перебил басистый голос принца.

– Отец, – вдруг снова вмешался витязь. – Дурная слава пойдет о том короле, который бросил в темницу народного героя. Все знают Лихолова Странствующего Охотника. Наверняка, пока шел он через твои земли, люди прослышали, что едет к царю спаситель предложить помощь. Если поступишь с ним грубо, брань пойдет по народу, злая молва усилит смуту. А нам это сейчас попустить никак нельзя. – Принц сделал небольшую паузу и посмотрел на отца. Тот устало кивал. – Коль не веришь нашему гостю, не бросай в темницу, но спровадь его за границу Северного Леса. Чтобы мужи сии не болтали и не дурили по пути, да чтоб нигде не сбежали, не спрятались в наших бездонных чашах – я готов сам со своей верной дружиной проводить его до края наших земель!

Лихолов заметил, как Майя вдруг еле заметно улыбнулась будто и рада была бы спровадить того подальше. А король и сам словно ждал, чтобы кто-то принял за него решение, поэтому сразу, без раздумий, завторил:

– Правильно, мудрый мой сын, правильно, Ратибор, – в этих хриплых словах старик уже не скрывал ни усталости, ни скорби, ни отчаяния, полнивших его душу. Он будто желал просто избавиться от всех да поскорее приблизить свою неминуемую грустную участь.

Ратибор же встал и скомандовал страже:

– Стража! Проводить сих двух мужей в одну из палат. Два дня тайно держать там, не выпускать, речи не вести, но кормить и поить. – А затем принц обратился к Лихолову. – Гости пусть не сочтут сие за дурной прием, но времена нынче у нас печальные, кругом враги, мы вынуждены быть очень осторожны. Вы будете в тепле, безопасности и сытости. Даже коней ваших будут выгуливать, чтоб не затосковали. На третий день, по рассвету, когда дружина моя будет готова, мы двинемся в путь. К западным окраинам Северного Леса. А ныне идите за стражей в палаты.

– Клэтва! Да будет так, – разочарованно вздохнул Лихолов. Столько дней он шел в Ясневый Дворец, столько лишений и опасностей в пути, и все зря... Надежды на новые подвиги и на хороший заработок так глупо рухнули. Елисей же не знал, что и думать. Он так долго мучался от стонов совести, так не хотел убивать Злату. И вот надежды его оправдались – приказа убить дракона нет. Но только как же противно все оно вышло! За обманщиков сочли! За воров почти что! И оставалось неясным – почему дракон не видится колдунам в их треклятых зеркалах небыли? Почему не оставляет следа: ни дурного, ни хорошего? Что за дурная загадка природы родилась в тех холмах? Могло ли все это быть лишь безумием, видением, тенью правды? И главное: кто теперь поможет несчастным раздольцам справиться с драконьей бедой? Раз Лихолова выдворяют, а больше умельцев таких не сыскать! И загадка здесь, и беда, и безысходность!

На том закончился странный прием у Северного короля. Пришельцев быстро выпроводили из тронной залы, провели по почти неосвещенным коридорам с маленькими узкими окнами до третьего этажа, затем еще какое-то время то вперед, то куда-то сворачивая, все больше углубляясь в лабиринты замка. В конце концов остановились в темном глухом тупике. Кто-то из стражников открыл тяжеловесную деревянную дверь и жестом пригласил пленников зайти. А потом затворил за ними. Горница представляла собой небольшое, но вполне сносное пространство. Единственное окно было настолько крохотным, что ни один взрослый муж не смог бы протиснуть туда плечи: только голову, и то с трудом. Вся мебель состояла из деревянной лавки да пары мешков с соломой вместо кроватей. Скучные лучи света неуверенно касались каменного пола и стен, а воздух был затхлый.

– Не сильно-то оно все отличается от темницы, – протянул Елисей, оглядывая скупой интерьер комнаты.

– Не скажи, – ответил со вздохом Лихолов, усаживаясь на лавку. – Темницы располагаются обычно в подвалах, там сыро, нет окон, а еще повсюду крысы. Брошенные туда люди

не слышат ничего, кроме стонов других узников, и едят помои. Здесь не так уж плохо, похоже на комнату для гостевой прислуги.

Елисей приземлился на мешок соломы, уронил голову в ладони и медленно процедил:

– Как же так, Лихолов? Что же за смута такая творится? Неужто летать теперь дракону по моей земле, жечь деревни, грабить крестьян? И никто не заступится за Северный Лес?

Повисла скорбная пауза. Некоторое время Лихолов задумчиво помолчал и потеревил свой амулет. Да потом ответил:

– Печальнее всего другое... Ваш король не имеет ни капли боевого духа. Он устал, стар и сломлен. Он уверен, что все уже почти кончено. Нет ничего хуже, чем правитель, который в трудный час поник и не верит в свой народ...

– Туга!.. – простонал Елисей, сокрушенно закапывая пальцы в свои соломенные волосы.

Путники мысленно перебирали каждый свои разочарования. Один о потерянном времени и силах, другой – о скорби своей земли. Оттого разговаривать они больше не могли, и просто уставились в окно...

Глава 5. Морок на пути

«Когда народы человеческие расселились по Зеленой Тверди, каждый занял свою землю и принялся возделывать ее да скот разводить. На востоке люди пользовались дарами природы мудро, бережно. И чернозем восстанавливался от года к году, дарил людям сытую счастливую жизнь, и овцы плодились. А иные народы, на западе, жадно брали от земли все, оскудняя, вытаптывая и опустошая все вокруг. И те люди вскоре стали страдать от голода, суровых условий жизни. Да еще и природа возвращала злом за зло: то засуха терзала те земли, то еще какая напасть. Так и получилось, что народы Зеленой Тверди однажды обнаружили себя в условиях неравных – одни жили на плодородной земле, другие на бедной. Росло недовольство, копилась зависть в сердцах, начались войны. И мог бы еще мир удерживать равновесие, если бы не пришло к людям ЗНАНИЕ. Открыла Матушка Судьба своим чадам из любви и заботы мудрость о том, как черпать из природы силу, да управлять ею. Появились на Зеленой Тверди ведуньи – те, кто служил через знание добру. Но выкрали знание иные люди – с сердцами алчными, нечистыми. И стали пользоваться для личного блага, в ущерб другим живым существам. Так на Западе, среди самого озлобленного и воинственного народа, появились колдуньи. С черными мантиями, черными обрядами и не менее черными сердцами.»

Из летописи Светобора – ученика Велимудра

Вечером кто-то из стражников отворил дверь, поставил на пол поднос с едой и питьем, а затем быстро удалился. Покормили пленников действительно вполне гостеприимно. Была на подносе и печеная речная рыба, и квашенные овощи, и сыры. Также принесли кувшины с водой и с элем. Лихолов оказался прав: положение у странников гораздо лучше, нежели у узников. Сбегать не было ни малейшего смысла, от того оба мужчины тоскливо ждали наступления обещанного срока освобождения. Однако, время в такой скуке текло предательски медленно, а занять себя было попросту нечем. Дуря от безделья, Елисей спросил, не стоит ли устроить очередную тренировку, чтобы хоть чем-то себя занять. Эта идея весьма обрадовала Лихолова, только ни мечей, ни даже палок, разумеется, в горнице не валялось. Так что тренировали просто рукопашный бой, уклонения, стойки, выпады.

– Представь, – наставлял учитель, – что все может быть оружием. Пока у тебя есть на руках хоть один палец, пока у тебя есть хоть одно колено – ты вооружен.

Юноша не сразу понял и переспросил:

– Один палец?..

На что Лихолов ухмыльнулся и махнул рукой, мол, «дай покажу». Стоило только двум мужчинам принять боевую стойку, как Странник начал атаку. Елисей неуклюже уворачивался, да все без толку. Через пару мгновений он уже лежал на полу с адской болью в спине. А учитель давил на кадык одним пальцем так, что было ясно – одно движение отделяло юношу от моментальной смерти.

– Ловко ты... – просипел поверженный ученик.

– Я научу тебя и не такому! – усмехнулся Лихолов. – Говорю же, пока у тебя есть хоть один палец – ты вооружен. Никогда не забывай об этом.

Так, развлекаясь тренировками и набивая шишки Елисею, удалось скоротать вечер. Из окошка больше не просачивалась солнечная желтизна, а лишь скупые отблески луны и мелькания сторожевых огней где-то на улице. Стало темно. И когда пленники уже улеглись, наконец, на свои мешки, да изготовились спать, вдруг скрипнул замок. И, к общему изумлению, в комнату вошел принц Ратибор. Дверь за ним тут же запахнулась.

Тени от свечи, что были в руках принца, танцевали по стенам. В таком ненадежном освещении этот величавый витязь словно занимал своими широкими плечами все пространство,

так что от его присутствия сразу стало тесно. Разглядев неожиданного визитера, Лихолов поднялся, а за ним и Елисей. Какое-то мгновение все трое стояли и молча вглядывались друг в друга: Ратибор как-то нерешительно и загадочно, Лихолов – сурово, Елисей – по-юношески изумленно. Молодой охотник поклонился своему принцу, тот поднял руку в ответ, Лихолов ограничился легким кивком головы. На пальце Ратибора блеснул рубин. Это был наследный перстень Изяславовичей. С гравировкой в форме оленя по металлу и драгоценным красным камне в центре. Принца Арислава когда-то в детстве учили распознавать такие вещички и помнить гербы великих родов. Мало ли как оно могло в жизни пригодиться. Первым прервал тишину Ратибор:

– Гости мои, – начал он тихим, доброжелательным, но властным голосом. – Я пришел сюда под покровом ночи для очень важного разговора. Потолкуем...

Он поставил лампу со свечой на пол, присел на лавку и жестом пригласил Лихолова с Елисеем сесть рядом.

– Беседа наша будет тайной, – продолжил принц повелительно, но тихо. – Видите ли, я тоже знаю, что дракон завелся в нашем государстве, и тоже видел его...

Елисей ахнул, но Ратибор продолжил:

– И мне, правда, нужна с тем драконом помощь. Да только не в убийстве... Он мне... как бы сказать... Нужен живьем...

Пару мгновений все помолчали, а потом Лихолов предложил:

– Мы можем усыпить его, подлить сонного зелья...

– Нет, этого будет мало... – вздохнул Ратибор, с трудом подбирая слова. – Видите ли, честные мужи, тот дракон... Это – человек.

– Мы знаем это, Ратибор, – кивнул Лихолов.

Тут принц насупился и напряженно вгляделся в Странника.

– Мы видели, как дракон превращается в молодую прекрасную девушку, – встрял Елисей.

Принц раздумывал. В воздухе витала какая-то тайна, которая вот-вот жаждала вырваться на свет, да только Ратибор будто опасливо придерживал ее во мраке.

– Расскажите мне все, что видели. А потом я предложу вам службу. Если выполните мое прошение, получите достойную оплату. Говорите же.

Лихолов начал неспешно и аккуратно рассказывать с того момента, как познакомился в лесу с охотником Елисеем, и как они вместе пошли в горы. Поведал, как увидели дракона, влетающего на горы, как наблюдали за ним. Потом про духов гор и неожиданное спасение. Про свои терзания и сомнения, рассуждения, стоит ли спасать эту девушку, жертвуя временем и жизнями людей в округе, или все же нужно ее убить. И про то, что решили попросту рассказать все увиденное королю, и ждать его наказания.

– Однако, – заканчивал свою речь Лихолов. – Мы даже не успели поведать всего, а получили от короля лишь презрение, гнев и изгнание!

– Да, – удрученно ответил Ратибор. – Нынче в нашем королевстве дела тяжки. Отец – старик, но волею Матушки Судьбы, он еще пока правит Северным Лесом. Хотя состояние его ума для меня тревожно... Однако же, все воеводы уже давно слушаются именно меня. Ибо король даже не общается с ними, а только сидит целыми днями в своих темных палатах с этой придворной ведуньей... Но сейчас дело особое. Нам нужно вот что бы то ни стало спасти ту девушку. Да только вот беда, я не знаю как... Лихолов, если ты и правда тот, кем представился, то насмотрелся ты на нежить разную по свету! Должен ты знать, как изгоняется из людей такая мерзость. Помогите, дайте совет, как быть.

Лихолов задумчиво отвечал, чуть прищурившись от напряженных размышлений:

– Я такого способа не ведаю, да если б и знал, то применить бы не смог. Помочь тебе может только очень сильный ведун...

– Нашей придворной ведунье Майе я не доверяю... А иного сильного ведуна не так легко сыскать... Говорят, эти отшельники прячутся в лесах, а когда становятся нужны, сами приходят. Однако ж, давно нам некто такой нужен, но до сих пор не пришел. Видать, времена такие нынче темные, что все перемешалось и перепуталось и прежние обычаи уже не в силе...

– Я знаю одного ведуна, – сказал Лихолов, – и даже был у него в хижине.

Ратибор и Елисей удивленно подняли на него взгляды, ибо никто доселе еще не бывал в хижинах ведунов. Эти жилища обычно расположены в таких глухих чащах, что никаких троп туда нет.

– Я до встречи с Елисеем, – продолжил Лихолов, – много дней гостил у ведуна по имени Велимудр...

– К самому Велимудру сможешь меня проводить? – сорвался Ратибор на изумленный возглас, от неожиданности забыв про всякую осторожность.

– Обещать не могу, – осторожно ответил Странник. – Ведь кто знает, может быть и дорога к тому жилищу заколдована... Но попробовать можно, чем Судьба не шутит!

– Отведи меня, Лихолов!!! Вознагражу тебя и твоего ученика мешком золота, коль найдешь мне Велимудра и поможешь со спасением дракона. Ведун тот – один из сильнейших ныне живущих чародеев, давний защитник Северо-Востока. Суровый аскет, накопил целую сокровищницу мудрости за три века своей жизни. Много раз помогал Северному Лесу нужными советами и даже ходил с моим отцом когда-то в военный поход на Междуречье. Однако ж, так давно Велимудра уже никто не видел, что решили мы – никак помер добрый старец. Но, коли жив, станет моей надеждой.

– Но, великий принц, – лукаво протянул Лихолов. – хоть для меня и будет честью услужить тебе в этом деле... Однако же, как мне знать, не совершу ли так чего дурного... Ведь не договариваешь ты...

Лихолов и Ратибор переглянулись, Елисей же не очень понял, о чем пошла речь. Но Странник продолжил:

– Раз так ты волнуешься за ту деву-драконицу, раз так печешься о ее спасении, что готов жертвовать бесценным временем, пока она громит твои земли... Значит Злата чем-то дорога тебе. Не сочти за дерзость, принц Ратибор! Но коль уж берусь я помогать тебе, то полезно мне будет знать, за чью душу мы боремся. Кто та дева? Я видел у нее богатый кафтан, и речи ее пылают гордостью. Она не по годам повелительна и строга. Явно из знатного рода. Поведай правду, принц Ратибор, и тогда я дам слово сделать для тебя все, что только попросишь. Конечно, и тебе даю слово чести, что все сказанное здесь останется тайной... Кто тебе Злата? Возлюбленная твоя? Невеста?

Ратибор отвернулся и несколько мгновений явно набирался решимости довериться пленникам. Но потом, грустно глядя в пол, совсем не по-королевски, а как простой страдающий мужчина, проговорил тихо:

– Та дева дорога мне, как птице дороги ее крылья. Ибо мы с ней часть одного. Да, в каком-то смысле возлюбленная. Но не так, как ты подумал, Странствующий охотник...

Принц снова прервался на пару ударов сердца, а Елисей и Лихолов почувствовали, что вот-вот, наконец, все домыслы последних дней разрешатся. Ратибор собрался с духом и произнес:

– Она – жемчужина Северного Леса. Она – любимица всего северного народа, ибо с детства была так прекрасна и добра, что все мы в Рассветнике полюбили ее. Мы кровь от крови друг друга. Она возлюбленная моя сестра. Принцесса Златовласка. Дочь короля...

Елисею показалось, что воздух в комнате взорвался и залился в легкие огнем. Все в Северном Лесу наслышаны были о дочери короля Златовласке. Северяне верили, что эта добрая благочестивая принцесса принесет королевству удачу и защиту светлых сил. Ее воспевали в песнях, ее берегли стражники. Многие паломники, приезжавшие в столичные храмы, ожи-

дали по несколько дней, лишь бы услышать неземной волшебный молитвенный распев Златовласки. А потом возвращались в свои деревни и рассказывали, как от этого хрустального голоса у них текли слезы умиления. Как? Как же так могло случиться, что это сокровище Северного Леса, любимица всего народа, вдруг превратилась в ищаде нежити, в чудовище? Как нареченная Берегиней Востока могла пасть до образа ужасного дракона? Кто посмел сотворить такое?

– Большого я пока вам поведать не могу, – выдохнул Ратибор. – Важно здесь лишь то, что грядет война. Мир полнится страхом, сумеречная мерзость расплзлась по нашей земле и душил каждое селение по отдельности, не давая нам собраться в единый кулак и дать отпор. Враг ждет, готовит тот час, когда дух востока будет сломлен, когда люди не осмелятся сражаться за свою землю, когда все головы склонятся сами. И тогда будет битва, исход которой так легко предугадать. Принцесса Златовласка была названа жрецами хранительницей Света. Ей предрекли роль берегини Востока. Мы не понимаем точно, каким образом молодая дева может защитить целый народ, однако верим мудрости наших пророков. Если сейчас народ мой узнает, что Златовласка пала под злыми чарами, это нанесет непоправимый ущерб. Эта весть отнимет у моей страны надежду, веру, потушит огни сердец, и зальет туда лед отчаяния. Тогда запад сможет взять нас голыми руками. Я не могу этого допустить!

Ратибор ударил кулаками по коленям, потом сложил руки у губ, нервно закинул голову вверх и какое-то время сидел так, стараясь унять смесь ярости и ужаса. Но через пару мгновений совладал с собой и продолжил:

– Лихолов, так что скажешь? Даешь слово служить мне в спасении надежды востока? Помоги мне свести вместе Велимудра со Златовлаской. Уж это как-нибудь сдвинет дело! Ежели поможешь, то с меня награда, достойная спасителя принцессы.

– Раз так, мой меч с тобой! – отозвался Странствующий Охотник.

– И мой лук! – поддержал Елисей.

– Благодарю вас, славные мужи... Тогда уговор, как и прежде: завтра я собираю дружину к нам в сопровождение, то будут мои смелые преданные войны. Выступаем послезавтра на рассвете. Но только помните, все сказанное здесь – тайна. Для всех мы едем спроваживать вас, незваных гостей, на край Северного Леса. Поначалу поведем, как пленников – без оружия и в окружении меченосцев. Однако, как только выедем за город на тракт, сразу же повелю отдать вам меч и луки. А также скажу выделить и дополнительный меч молодому Елисею, ибо путь может быть опасен. Коль так, то ты, молодец, одними стрелами себя не обезопасишь.

На том и порешили. Ратибор встал, снова заняв собой все пространство. Лихолов и Елисей почтительно склонились перед принцем, а тот же постучал трижды в дверь. Стражники наскоро отворили вход, выпустили витязя в коридор замка. И пленники снова оказались заперты на увесистый замок, который теперь не так и тяготил их.

.....

За ночь до похода Лихолову снова приснился тот же дурной сон, что и в лесу. Будто в темной пещере звало что-то к себе: «Жду тебя! Жду тебя, Арислав! Приходи, освободи меня!» Странник во сне спрашивал: «Что ты такое есть?» И голос пещеры отвечал: «Я – истина. Я – награда доблестным. Я – кара нечестивцам. Я – жизнь. Я – смерть. Забери меня, Арислав! Скорее забери! Пока еще время есть!» Только хотел Лихолов уточнить: до чего время-то, что за срок такой истекает, как сон рассеялся. Тфу! Ну, и приснится же! И как раз постучали в дверь. Пора было выдвигаться.

Во внутренний двор замка они спустились с конвоем дворцовой охраны как раз к тому времени, когда небо засерело. На улице блуждал ласковый влажный ветерок, который доносил откуда-то еле заметные запахи реки и леса. Всех коней уже подготовили, обвешали тюками с походными вещами и оружием. Ратибор на своем бело-сером в яблочко благородном скакуне возглавил вереницу всего отряда. А Елисею с Лихоловом на их лошадях наказали ехать в середине меж двух незнакомых крупных кметей. Ворота нехотя отворились, наполнив сонный

воздух тревожным скрипом. Представшие впереди улицы еще дремали, лавки были закрыты, никто не смел тревожить площади и переулки ни единым звуком, от чего топот копыт скакавшей по городу дружины неуклюже раскалывал царивший повсюду хрустальный покой.

Теперь Лихолову стало понятно, от чего этот город называли Рассветником. Утром, на рассвете, дымчатые туманы ласкали низины города и создавали ощущение, что верхушки холмов торчат из облаков. А те участки реки Серебрянки, которые находились чуть вдалеке от города, искрились мелкими алмазными волнами, игриво отбрасывая блики. Дальше река вдруг кокетливо пряталась за стеной леса. Сам же город напоминал россыпь речных камушков из-за своих белых палат и особняков. Сейчас город был прекрасен и контрастен, статен, исполнен благородства и прекрасно вписывался в свой природный ландшафт. Он напоминал богатого северного юношу. Таким столичный град выглядел именно на рассвете. Видимо, поэтому и получил свое название – ибо в это тихое светлое время наиболее полно раскрывал людям свою красоту.

Меж тем цоканье копыт дружины Ратибора грохотало по улочкам. Редкие прохожие с удивлением провожали взглядом группу из двадцати вооруженных солдат, шарахались и отступали поближе к стенам. Кто-то высовывал сонное лицо в окно, торговцы, едва приступившие в выкладке своего товара на прилавки, испуганно замирали в поклоне перед принцем Ратибором. Но Рассветник потихоньку просыпался и начинал шуметь все назойливее, топя стук копыт в своих привычных звуках бурного торгового города. Начали уже слышаться разговоры и торги, звон монет, грохот повозок с разными товарами, детская визготня. А в какой-то миг вдруг зазвенели колокола храмов: сначала центрального храма Благочестия в самом сердце города, затем ему начали вторить и колокола с ближних холмов, а после уже перезвон подхватили и окраины. За короткий промежуток времени город наполнился дивным мелодичным звучанием, прославляющим свет, Матушку Судьбу и саму жизнь. Особо религиозные жители Рассветника тянулись в храмы на утренние песнопения, несли в руках маленькие колокольчики и позванивая ими в такт единому ритму, исходящему от центрального храма, и подхваченному всеми остальными. Этот перезвон как-то особенно тонко пронизывал душу, будто стрелы из сгустков света разлетались по воздуху и вонзались сердца. Кмети дружины, Ратибор и Елисей, как преданные верующие Матушки Судьбы, слушали эту мелодию с улыбками. Некоторые, в том числе и сам принц, всегда возили с собой свои дорожные колокольчики, и теперь достали их и стали звонить да напевать тихо под нос свои молитвы, раскачивая головой в такт словам и колокольному звону.

Лихолов уже давно был настроен к любой религии очень скептически. Хотя никакого грандиозного зла Странник не совершал, но в мелочах и предписаниях жил вразрез с правилами Талмуда Светославия (Сборника Священных писаний культа Светлой Матушки Судьбы). Например, он даже не пытался выбрать какую-либо одну женщину себе в возлюбленные и хранить ей верность. Повсюду в пути он встречал в деревнях веселых доступных девиц, не обременивших себя какими-либо правилами, и этих приключений было ему более чем достаточно. Не совершал Лихолов своих подвигов за бесплатно еще ни разу. Хоть и выбрал себе ремесло очень праведное и доброе, однако ж неплохо на том наживался и не растрачивал сил на бесплатные подвиги. Но это лишь то, что лежало на поверхности души. Настоящая суть конфликта Лихолова с Судьбой состояла в том, что он не пожелал признать то предназначение, которое мир пытался навязать ему – бремя царя и правителя. Уже много лет назад принц Арислав повернулся спиной и к своему происхождению, и к просьбам своего народа возглавить их вместо нелюбимого принца. Не желал даже вспоминать о том. По наставлениям из Талмуда Светославия, тот, кто окажется нести бремя своей судьбы, якобы, будет несчастным одиноким человеком, неудачливым, ведущим пустую и очень печальную жизнь. Писание утверждало, что все возможные трудности и несчастья будут сыпаться на плечи такого отступника судьбы. И жизнь будет больно кусать того человека, с каждым разом все мучительнее и яростнее, до тех пор, пока он не вернется на дорогу своего предназначения и не выполнит задач своего вопло-

щения в мире Зеленой Тверди. Однако, непослушание принца Арислава длилось уже больше десяти лет. И мужчина, теперь живший под прозвищем «Лихолов», со смехом отмечал, что пока на него сыплется только слава героя и золото. А из того заключил Странник после многолетних раздумий, что все эти религиозные толки надуманы и только манипулируют простыми доверчивыми людьми. Тем более, что он как много насмотрелся по свету на подлых жрецов, носящих личину светлых людей, а на самом деле попросту наживающих себе богатство. Кто-то даже тайком развлекался на выпрошенные деньги в борделях или вообще сбегал в другие страны с мешками золота. Нет уж, человека, много странствовавшего по свету, с широким кругозором и воинским жизненным опытом, религией не окрутить.

Оттого давно Лихолов не пел молитв в честь Светлой Матушки Судьбы, как его учили в детстве. А весь этот колокольный трепет трогал его душу только, как красивая мелодия. Это равнодушие к культам было одной из причин, почему Лихолов, опытный ловкий воин, с детства обученный мастерству боя, не спешил вставать в ряды какой-то из армий. А ведь в Зеленой Тверди назревала война. Запад душил всех своей дурной магией, запугивал, размножал по миру черных жрецов и вводил народы Востока в явное смятение. Запах грядущих битв уже чувствовался в воздухе, хотя никто еще не объявлял войны. И все бравые мужи примыкали потихоньку к одной из двух армий, ожидая скорого противостояния. Но Странник пока надеялся, что два этих культа (Темной Владычицы и Светлой Матушки), словно две змеи, сами друг друга пожрут и, глядишь, миру и лучше будет, освободится от дурмана всех этих религий.

Вскоре стало чуть тише: то ли колокольная гоготня умолкла, то ли дружина уже выехала на самые крайние улицы Рассветника, дальше которых был только лес. И здесь-то Лихолов и стал в полной мере ощущать нарастающую тревогу. Ведь совершенно неясно было, сможет ли он найти дорогу к хижине Велимудра. То, что Лихолов очутился у ведуна в гостях – это случай исключительный, никто никогда не находил еще путь к жилищам чародеев. Может ли быть лес вокруг того места покрыт неким заклинанием? Например, таким, что человек будет бродить кругами и в упор не видеть искомого дома? Или могут ли там быть какие-то неведомые охранники, вроде зачарованных лесных животных? А еще может попасться магическая тропка, которая будет вести, вроде бы куда надо, однако постоянно увиливать от хижины и сбивать с толку. В таком случае выйдет, что дружина проделала весь путь зря, а то и еще хуже, пострадала в лесу, да с самим принцем Северного Леса... Что тогда может предпринять разъяренный и разочарованный Ратибор? Не захочет ли он наказать нерадивого провожатого? Тут уже даже не о награде речь и не о спасении девушки, а о том, чтобы самому выжить... Лихолов понимал, что подойдя близко к месту и начав блуждать там в поисках Велимудра, ему нужно будет держаться настороже, готовым сбежать или защищаться... И в целом, вообще необходимо настроиться на то, что нечто постоянно будет мешать дружине добраться до места, нельзя терять внимания.

За всеми этим рассуждениями Странник не заметил, как дружина миновала последнюю более-менее оживленную часть города и выехала на широкий утопанный тракт. Деревья по бокам дороги чуть свешивали свои ветви со старой листвой, которую уже еле-еле осиливали держать. Природа встречала осень со свежим воздухом, плавным изменением красок, с зеленого перевода листву в разноцветное многообразие, сменой звуков, сокращением светового дня. Пахло сырым мхом и царили тревожные предчувствия: суета, настороженность. Все вокруг напряженно шуршало, старалось успеть подготовиться к холодам.

Лихолов ощущал как-то изнутри, интуитивно, буквально животом, смутное тягучее беспокойство. Как будто с каждой поступью коня тело наливалось холодом. Что-то постоянно шевелилось в ветвях – обычное дело для леса, однако... Иногда меж листьев мерещились чьи-то глаза, но стоило только задержать на том месте пристальный взгляд, как все рассеивалось, словно просто показалось. Лес хаотично вздрагивал. Что-то елозило в траве по обочинам тракта и издавало порывистые шорохи – звери или что-то иное? Много, ох, как много

странных и опасных существ встречал Лихолов за последние десять лет своего рискованного ремесла. С годами у Странствующего Охотника уже выработалось нечто вроде привычки: находясь в диких местах даже в безопасном положении, он невольно прислушивался ко всему, взгляд его был остр и быстр, а тело готово в любой момент выдать боевое движение.

Принц Ратибор повелительно поднял вверх руку и притормозил своего коня. Дружина послушно остановилась.

– Братья верные мои дружинники, – повернулся Ратибор к своему отряду. – Я предупредил, что едем мы по делу сложному. И не такому, как было вам заявлено поначалу – Всегда вы верно служили мне, доказали свою преданность уже не единожды, оттого вам и доверился. Расскажу настоящую цель нашей миссии в обед на привале в едином кругу. А сейчас же вам достаточно лишь знать, что мужи, которых мы с вами якобы сопровождаем до границ Северного Леса, – на самом деле не враги нам. Наоборот, с нами едет сам прославленный Лихолов Странствующий Охотник, – принц указал на Странника, и солдаты оживленно и восторженно забурчали под нос. – И еще ученик его – Елисей Поющая Стрела, сын Тихомира из селения Искрящейся Реки, что на западе нашего государства, – солдаты приветственно зашумели. – Они не преступники, а помощники в предстоящем деле. Никто не знает, какие опасности выпадут нашей дружине на пути. Оттого прошу немедленно вернуть им изъятое оружие и вещи, которые я повелел взять с собою, а также выдать новый меч и ножны для Елисея! После чего Лихолов и Елисей пусть поедут в начале строя, сразу за мной и Яговинном.

Тут же кто-то из дружинников спешился и закопошился в мешках и привязях, закрепленных на лошадях. Зазвенел металл. Лихолов и Елисей с большой радостью вновь взяли в руки свое оружие, хотя Странник и без того был хорошо вооружен, но тайком. А вот Елисей заметно приободрился, когда получил назад свой любимый охотничий набор из лука и стрел. А от увесистого меча, который юноша тут же с гордостью закрепил за спину, парень вообще расплылся в торжествующей улыбке. Мало того, кто-то швырнул парню еще и приличные сапоги взамен истоптанных поршней – вот это забота.

Всадники вновь расселись по коням, пропустили Лихолова и Елисея во второй ряд строя, сразу же за спиной самого принца Ратибора и командира отряда Яговина. Шлепнули поводья, солдаты подали знак своим скакунам, и дружина продолжила путь. Лихолов все это время не расслаблялся, продолжал напряженно вслушиваться в шорохи леса, и все же сказал принцу:

– Ратибор, не кажется ли тебе, что нечто преследует нас?

Витязь обернулся и с нахмуренным взглядом ответил:

– Я ощущаю, что с лесом что-то не так... Он недружелюбен сегодня... Чувствует мое сердце, что наш нынешний путь не благословлен.

– Я не умею говорить с лесом как вы, северяне, – продолжил Странник. – Однако ж у меня отличный слух и острый взор. Я слышу странные шорохи и будто постоянно ловлю чей-то ускользающий взгляд.

– Чувствую и я всем духом своим, – вмешался Елисей. – Непорядок с лесом...

– И я тоже это заметил, мой принц, – произнес гулким басом воевода Яговин и посмотрел на Ратибора.

– Да, – задумчиво ответил принц. – Лес странно дышит... Будем настороже.

Яговин обернулся и крикнул солдатам:

– Дружина! Быть настороже! Держать строй четко! Мечники – руку на ножны! Лучники – стрелу в лук, но вхолостую не стрелять!

Все напрягли внимание, приготовили руки к оружию. Лес неприветливо шуршал и холодил воздух. Однако, кони ступали и ступали все дальше, и ничего особенного не происходило. Мелькали деревья, кусты, трава. Дорога вводила все дальше от Рассветника. Воины вглядывались в чащу и то одному, то другому казалось, что он увидел там нечто живое, бдящее, недоброе. Но это нечто тут же оказывалось просто совпадением листьев или тенями веток. Напря-

жение длилось и длилось, изматывая дружину. Останавливаться пока не было явных причин, поэтому отряд продвигался вперед, оставляя столицу все дальше. Иногда из лесу слышались звуки, напоминающие перешептывания, но настолько тихие, что даже Лихолов толком не мог разобрать – может, это просто звуки лесных зверей? Так напряженно тянулось время. Постепенно воины утратили концентрацию, ехали немного взгрустнувшие. Они привыкли биться с опасностью лицом к лицу, а странные изматывающие преследования, миражи леса – все это было новым для них. Тем более, что северяне с детства жили под благосклонностью и защитой своего Отца-Леса, жутко им было от чувства недружественной тайны в собственной земле. Но в последнее время участилось подобное.

В конце концов, время дотянулось до полудня. Ратибор решил устроить привал прямо на одной из полянок, примыкающих к тракту. Выставил четверых сторожевых на все стороны света, между остальными разделил обязанности по уходу за конями и раскладыванию снеди в общем кругу.

Лихолов воткнул меч в землю рядом с собой и уселся с остальными солдатами за трапезу из печеных лепешек, овечьего сыра и вяленой оленины. Ратибор сидел в центре и приступил к еде первым. Шорохи и странные образы в чаше не стихали, но перестали привлекать внимание. От ароматов оленины солдаты и вовсе потеряли бдительность, но только не Лихолов. Он был охотником на нежить, так что умел по несколько суток держаться настороже.

Когда голодные мужчины все стали с азартом насыщаться, Странник тихонько дернул за рукав Елисея, уже потиравшего руки и предвкушавшего сладко-соленый вкус мяса в своем рту. Но почувствовав сигнал своего наставника, юноша осекся и решил обождать с едой. Точно не понимал почему, просто послушался старшего. Лихолов же делал вид, что ковыряется в еде, но в рот ничего не брал. Чутье побуждало его быть сейчас очень осторожным. Он не смог бы внятно объяснить, что такого опасного может быть в этих простейших продуктах, хорошо знакомых любим путешественникам, однако...

Меж тем, Ратибор, съев пару кусков и глотнув воды, начал зевать. А за ним, как сонная зараза, зев обуял всех солдат, кроме четырех караульных и Лихолова с Елисеем.

Странник со своим учеником понимающе переглянулись: было ясно, что что-то пошло не так. Лихолов текучим, еле заметным движением достал из рукава нож. Сталь блеснула и сразу же нырнула вместе с правой ладонью под куртку. Елисей заметил это и положил руку на рукоять своего охотничьего ножа, торчавшего за пазухой. При этом оба продолжали сидеть, вроде бы, как все.

Ратибор раскис, будто резко опьянел, прилег на землю и уснул. Один за другим дружинники так же стали проваливаться в дрему. Последним в общий круг сел Яговин – он дольше всех ходил меж солдат, что-то с каждым обсуждал, раздавал какие-то указания. А потому, когда вдруг другие начали странным образом засыпать, еще не успел ничего съесть, а только схватился за какую-то лепешку и потянул ее в рот. Увидев это, Лихолов крикнул ему:

– Брось, Яговин! – этот неожиданный возглас заставил воздух вздрогнуть. Воевода замер на миг, оторопел от такой наглости, не поняв сначала в чем дело.

Но Лихолов продолжил уже спокойнее:

– Не ешь отраву. Сначала оглянись, воевода, посмотри на своих воинов!

Яговин обернулся вправо и влево и с ужасом заметил, что почти все его солдаты уже укладывались спать среди бела дня. Он отбросил лепешку, которую, слава Судьбе, еще не успел надкусить. Вскочил на ноги, звучно выхватил меч и из ножен и гаркнул:

– Воины! Всем встать ко мне! Спина спиной вокруг принца Ратибора!

Четверо караульных тут же подскочили к своему воеводе. Туда же в три резких рывка переместились и Лихолов с Елисеем, но никто из остальных присоединиться уже не смог. И так, их было семеро, заслонявших спинами бесчувственного Ратибора.

И тут началось.

На поляну принялся выползать из чащи морок. Много тумана густого – и столько сразу, сколько Елисей еще никогда не видел. Вот, кто преследовал их, выжидал подходящий случай, а теперь сжимал отряд в кольцо. Сейчас шепоты раздавались вполне явственно. Солнце будто помрачнело как вечером, словно не в силах отдавать свет в проклятое место.

– Готовь стрелы! – прорычал Яговин. – Защищать принца!

Заскрипели луки. Воины застыли в ледяном ожидании. Стало заметно, как туман сгущается, клубится и вертится. Напряжение достигло пика. И вдруг... Сначала откуда-то из дымки вырвалась стая черных каркающих воронов. Птицы тут же обрушились на солдат, остервенело стремясь выклевать им лица. Караульные выпустили стаю стрел, пара пернатых упала на траву, но остальные древки бессильно улетели прочь. Яговин и Лихолов принялись махать мечами, стараясь левой рукой прикрывать лица. От стали с хрустом отлетали черные пернатые головы. Другие воины побросали луки и также вытащили со скрежетом мечи. Одного несчастного караульного вороны облепили так, что он уже не мог разумно отбиваться и орал от боли, бездумно размахивая железом. Елисей подскочил к нему и принялся рубить птиц мечом. Нечисть навязчиво кружила вокруг и Лихолова с учеником, однако ж, не нападала на них. Мужички быстро догадались, что их снова выручают припасенные в карманах камни с печатью драконьего огня. Однако другим воинам было совсем несладко, они с трудом уворачивались от атак черных, жутко гогочущих крылатых хищников, по некоторым лицам текли струйки крови, кто-то уже остался без уха. Но это было только начало.

Не успели защищающиеся приноровиться уклоняться от ворон, как из морока вдруг стали наползать уродливые щупальца. Это было похоже на ожившие корни деревьев, которые неумолимо подступали к отряду.

– Бей щупальца! – крикнул Лихолов Елисею, так как другие воины не имели и шанса отбиваться от новой напасти под атакой крылатых.

Странник и его ученик тут же бросились в разные стороны рубить надвигающуюся нечисть. Вращаясь как юла, Лихолов наносил один удар за другим. Отрубленные куски разлетались, остальные же взвизгивали и судорожно отползали. Но двоих воинов на это все было слишком мало. Одного солдата вдруг что-то резко скрутило и уволокло с довольным шепотом в морок, он успел издать только пронзающий ужасом крик. Лихолов быстро понял, что за несколько близящихся мгновений щупальца таким методом ловко расчищают поляну от всех защитников, и тогда уже добраться до Ратибора нечисти станет проще простого. Он быстро отпрянул назад и сел прямо на принца, чтобы не дать ничему неожиданному просто так утащить его. Тем временем уволокли в туман еще одного истошно орущего и вырывающегося солдата с окровавленным лицом. Елисей увидел своего наставника и тоже подскочил поближе к Ратибору. Они сидели рядом и судорожно высматривали, откуда вот-вот может вырваться нечто за принцем.

А меж тем Яговин и двое оставшихся воинов уже стояли по колено обхваченные туманом. Воздух стал невыносимо душным и зловонным, но при этом каким-то морозным. Мерзкие отростки добрались, наконец, до центра поляны, укрыли ее собою так плотно, что трава почти не виднелась. С шипящими звуками, словно змеи, принялись ерзать вокруг Лихолова и Елисея, охранявших Ратибора. Некоторые пытались набрасываться то на руки, то на ноги принца, но их сразу же обрубала суровая сталь мечей. Положение выглядело как патовое. Дружина вся была так или иначе обездвижена, но Лихолов с Елисеем не собирались ни сдаваться, ни отдавать Ратибора. Морок тоже не отступал. Возился вокруг и злобно шипел. Стало неясно – что теперь? Сидеть так до конца мира?

Неожиданно все замерло. Щупальца перестали извиваться и просто застыли, словно они и вправду были лишь корнями деревьев. Птицы улетели и расселись по веткам деревьев, а туман немного расступился. Звуки стихли, словно в могиле: ни птичьего голоса, ни шеле-

стов – воцарилась мертвенная, покорная тишина. Елисей обрадованно выдохнул, но Лихолов тут же отрезвил юношу:

– Не расслабляйся! Сейчас будет еще что-то... и похуже. Медленно встань и крепко держи меч...

Воины приподнялись. И в то же время из тумана стала выходить медленным гордым шагом человеческая фигура. Этот некто ступал чинно, без спешки, и клубы туманной дымки рассеивались перед ним, как расступаются слуги перед хозяином, а солнечные лучи будто преломлялись, не смея коснуться его одежд. Жутью веяло от него.

Через несколько мгновений фигура незнакомца уже стояла вблизи Лихолова и юноши. Этот некто был облачен в черный широкий плащ, так, что не видно было ни лица, ни тела. В большом капюшоне проглядывалась только черная дыра, будто бы в нем вообще ничего не было. Лихолов знал, что так обычно одевались жрецы Темной Владычицы Судьбы – чернокнижники. Они укрывали свои тела полностью от солнечного света, ибо вся их сила раскрывалась в сумраке. Поговаривали также, что черные чародеи высшего ранга накладывают специальные заклинания на свой капюшон, чтобы ни один лучик не мог под него проникнуть. Оттого-то и не было видно их лиц, а руки они прятали в удлиненных рукавах. И только кончики сапог торчали где-то внизу, позволяя убедиться, что там, под плащом, все же живой человек. Да! Это был кто-то из них, из чернокнижников, из их колдунов, из жрецов культа Темной Владычицы. Странник понял, что сейчас имеет дело с действительно опасным противником. Ибо в арсенале черных жрецов есть множество способов надломить человека, даже не дотрагиваясь пальцем. Например, молнии в руках, способные сразить здорового воина нестерпимой болью. Или заклинания, покрывающие душу непреодолимой тоской.

Лихолов напрягся, надул грудь воздухом, словно собирал всю свою смелость, принял боевую стойку, готовый в любой момент броситься в бой. Однако жрец не шевельнулся, но, протяжно цедя слова, произнес на всеобщем языке жутким сухим голосом:

– Кто вы такие, что мои слуги расступаются перед вами? – слова из-под темного плаща вылетали со скрипом, напоминали скрежет двух камней. Казалось, голос этот излучал такую жуть, что весь лес вокруг перестал дышать, а воздух леденел все сильнее от каждого произнесенного звука.

– Я – Лихолов Странствующий Охотник, а это, – указал Странник на Елисея, – мой проводник Елисей Поющая Стрела.

– Хм, – проскрипел голос из-под плаща. – И правду ты говоришь, и ложь одновременно. Ведь я есть слуга предвечной Тьмы. Я чую любую тайну или недомолвку, как пес – мясо. А от тебя, Лихолов Странствующий Охотник, прямо-таки смердит какой-то гноящейся тайной. Любопытно...

Жрец зашагал по кругу, огибая Лихолова, словно бы разглядывал диковинного зверя, а Елисея и остальных воинов, скорчившихся в оковах застывших щупалец, он будто и не замечал, только медленно рассуждал вслух:

– Сильный, смелый воин... При этом, когда-то ты сильно струсил, да так, что вывернул всю свою судьбу наизнанку... Хм! Чувствую запах гордости, тщеславия и аромат распутства. Но и благородство в твоём сердце тоже живет, кто-то сызмальства глубоко-о-о вколотил его в твою душу... и, пожалуй, оно-то и не дает тебе обрести свою полную силу. Ты – и солнце, и луна одновременно, Лихолов. И до тех пор, пока ты мечешься между днем и сумерками, будешь слабым. Хотя я вижу в тебе достаточно силы, чтобы стать по-настоящему могущественным. В тебе сокрыта колоссальная мощь, Странствующий Охотник. Выдающийся прозорливый разум живет в твоей голове, – продолжал скрипеть черный жрец, встав на прежнее место. – Стоит тебе только обуздать этот дар, направить в нужное русло – и не будет тебе равных по силе. Потому как создан ты для великих дел – это точно! Я чую запах твоей крови. А кровь не умеет лгать. Твоя кровь шепчет о грандиозности. Но ты, я погляжу, размениваешься на дела мел-

кие... Зря! Владычице нужны такие таланты. Так что могу предложить сделку... Отдай мне того, за кем я прислал своих туманных слуг. А я оставлю тебя в живых и даже могу взять под свое покровительство.

– Да разве можешь ты хоть чем-то очаровать меня, навалошь проклятая? Какую силу может дать ваша жизнь в мрачных лощинах и темных капищах?

– Глупец! – снисходительно усмехнулся колдун. – Под покровом сумерек мы берем от земли все, что хотим, и насыщаемся первородной мощью ночи. Подумай. Разве может жизнь победить смерть? Чего на свете больше: света или мрака? Взгляни в ночное небо, и ты увидишь вселенную, окутанную тьмой, лишь с редкими проблесками звезд. Чернь сильнее бели, баланс всегда смещается в сторону тьмы и смерти. И из небыли все вышло в эту жизнь лишь для того, чтобы сделать несколько тысяч вдохов, а затем снова нырнуть во мрак. Оглянись, подумай, и ты быстро уяснишь, на чьей стороне мироздание. И какой силой сотворено все в этом мире. Эту силу можно черпать, забирать себе от тех, кто не умеет сим распорядиться. От глупых и бесполезных.

Черный жрец явно желал перетянуть хорошего воина на свою сторону. Поэтому говорил ласково, расставлял паузы так, чтобы каждое его слово успевало поглубже вгрызться в разум. Но Лихолов тоже был хитер. Понять его ход мысли со стороны было почти никогда невозможно – настолько он приучился создавать каменную мимику. Он ответил ровно, не выдавая никаких чувств:

– Ежели я и заинтересуюсь твоим предложением, то... Хоть дай знать, на какую чернь тебе принц Ратибор?

Человек в черной мантии пожал плечами:

– Милого принца Ратибора, уж не бойся, я не покалечу. И тем более не убью. Я лишь заберу его на перевоспитание, совсем ненадолго. Но то время, за которое он приобщится к истинной вере. Раз ты сам еще не выбрал с кем ты, какая тебе разница от того? Оцени мое к тебе уважение. Я мог бы прямо сейчас убить тебя, но пытаюсь договориться. Потому как вижу в тебе колоссальный запас силы – мне нужны такие люди. Пойдем со мной! И я накормлю великими победами твою гордость! Я ублажу бесчисленными уладами твою плоть! Я дам широкую дорогу твоей жажде славы! Представь, что скоро весь мир будет с нами! И даже принц Северного Леса. Наше могущество становится бесконечным, как сама темная Вселенная. Но не каждому я предлагаю встать в наши ряды. А лишь лучшим, достойным высших наград. Таким, как ты, лукавый воин. Ты сможешь занять достойное место в новом мире.

– Ох, падлы ж вы чародейские! – не выдержал больше этой игры Лихолов и плюнул с отвращением на землю. Слишком много горя людского он повидал, чтобы встать в ряд этих мерзавцев! – Что же вы все меня зовете к себе в ученики?! Я – воин, я – меч, я – странник. Таким родился и таким умру! И голову себе морочить никому не дам! Воину только того и надо, чтобы славно подрасться, да получить за то хорошую плату. Тот, за кем ты охотишься, вот этот принц, пообещал мне мешок злата, коль услужу ему. Так что, если хочешь взять нужное – попробуй! Накорми мой меч своей кровушкой, мерзость ты безлика!

– Дурак слишком горяч, чтобы быть мудрым, – вздохнул жрец, словно не удивляясь отказу. – Ну что же, пеняй на себя. Ведь я не испугаюсь знаков огня в ваших карманах!

Болтовня кончилась, не принеся никому преимущества. Зато Лихолов выведаль цели противника. Любопытно будет потом Ратибору узнать, что его хотели «перевоспитать». А дальше время закрутилось, и все случилось одновременно. Жрец поднял руку, желая сотворить какое-то колдовство, но только вдруг получил бумерангом в капюшон. Это Лихолов успел, не дожидаясь ответа, ловко выудить оружие из-за пояса. Но жрец сумел уклониться, и бумеранг лишь царапнул ткань плаща. Это был выпад с надеждой на неожиданность, и он провалился. Других шансов победить черного колдуна не было.

Елисей, все это время стоявший наготове, но не удостоенный ни граммом внимания, тоже решил сделать свою попытку и метнул в жреца охотничий нож. Тот же, разъяренный такой дерзостью, зарычал, и лес будто затрясся от этого звука. Его рукава вдруг засветились ледяным голубым светом. Он поднял руки и стало видно, что в его бледных жилистых кистях горят два шара, и тут же жрец метнул их в обоих противников сразу. Показалось, что грохотнула молния. Однако же шум вызвало колдовство. Лихолову удалось увернуться и отпрыгнуть в сторону. Но Елисея зацепило, и тот вдруг с ужасом обнаружил себя сплетенным в такие же путы, как трое других солдат, стоявших рядом. Теперь Странник остался с чародеем в бою один на один. Безнадега...

Только Лихолов вознес меч и приготовился сделать резкий выпад на черного жреца, как случилось нечто неожиданное. Из ниоткуда, под ржание коня, на поляну сквозь туман ворвался незнакомый седовласый всадник на крепком белом скакуне, в серой тунике. В его руках был меч, горевший огнем. Лихолов узнал своего коня Здоровяка, но не всадника. Не успел черный жрец толком развернуться к новому противнику, как этот воин замахнулся оружием и прямо на скаку попытался опалить злодея огнем со своего меча. Длинная струя пламени выстрелила в жреца. Однако черный чародей успел увернуться и метнул очередной голубой шар, теперь уже в коня. Животное взвизгнуло от боли, как от ожога, и встало на дыбы.

Седовласый воин ловко соскочил на землю, не теряя из рук горящего меча. Чернокнижник тряхнул правой рукой, и в то же мгновение в том месте сгустился туман, с грохотом изрыгнув меч. Жрец схватил его, случайно оголив правую руку до локтя. Раздался ожесточенный звон двух встретившихся орудий. Воин с горящим мечом размахисто и ловко делал один выпад за другим, но чернокнижник успевал отражать их или уворачиваться. Лихолов стряхнул с себя удивление, завертел головой в поисках лука. Ближайший валялся на земле среди застывших щупалец, рядом были и стрелы. Странник разрубил мечом путы, обвивавшие древко, вставил стрелу, натянул тетиву и попытался прицелиться в противника. Однако стрелять просто так было опасно: оружие могло попасть и в серого воина, который вдруг пришел на подмогу.

А схватка продолжалась. Чернокнижник пытался одновременно и отражать атаки, и левой рукой выстреливать голубыми шарами. Но седовласый воин тоже был силен: он делал выпады то сверху, то из-под низа. То вдруг дул на свой горящий меч, и тогда пламя срывалось с клинка, огненной струей, словно драконий залп. У жреца уже слетел капюшон, и стало видно его бледное с выступающими голубыми сосудами лицо и бритый затылок. Злодей морщился, так как смотреть на мир в свете ему было явно непривычно и даже больно, как если бы открыть глаза в морской воде.

Лихолов дергал луком, пытаясь держать прицел, и ждал подходящего положения. Вдруг жрец сделал резкий прыжок на соперника, но серый воин ловко защитился горящим клинком и сильно оттолкнул чернокнижника ногой. Тот полетел назад, споткнулся о щупальца и упал на спину. «Попался!» – подумал Лихолов, но воинское мастерство опережает слова, и стрела уже начала свой полет! Древко с характерным хрустом пронзило чернокнижника прямо в шею. Разогнавшееся, вспотевшее от бешеного ритма время вдруг замерло. Жрец испуганно вытаращил глаза на своего убийцу, попытался схватиться руками за стрелу, но жизнь уже вытекала кровавым фонтаном из его горла. Он издал несколько звуков предсмертной муки, а потом взор его угас. И злодей, наконец, бессильно обмяк.

Седовласый воин довольно обернулся и сказал Лихолову с добродушной улыбкой:

– Меткий выстрел, мой друг!

И только сейчас Странник узнал этого человека. Серый воин был никем иным, как Вели-мудром! Только сейчас он не выглядел как худой нищий отшельник. Ведун был одет не просто в невзрачный затасканный хитон, как при прошлой встрече. Но в льняную тунику поверх плотных шароваров, какие носили обычно наездники, в плотные походные сапоги. На талии закреплен был воинский пояс с разными мешочками и мелким оружием. Через грудь тянулся ремень

для ножен его огненного меча. Седые волосы гордо струились по крепкой прямой спине. Из-за таких-то перемен в образе Лихолов и не признал сразу своего старого спасителя. В прошлый раз он смотрелся, как жалкий блаженный аскет. Сейчас же вид Велимудра устрасал своей статью. Однако из-под седых бровей сверкал все тот же взгляд – смесь колючей пронизательной мудрости, каменной силы и миролюбивой доброты. Эти глаза невозможно было не узнать. Странник так обрадовался удачной встрече, что тут же подошел пожать ведуну руку, а тот с радостью ответил на рукопожатие.

– Клэтва! Велимудр! Как же я рад снова видеть тебя! – широко улыбаясь, воскликнул Лихолов. – Ты прибыл в самое нужное время! Чернь возьми, как и говорят о ведунах во всех легендах!

– А я рад, что ты не поддался уговорам этого чернокнижника и не выбрал дурную сторону! – с какой-то отеческой гордостью произнес ведун. – Мне любопытно было подслушать вашу беседу.

Между тем морок рассеивался после смерти своего хозяина жреца и ландшафт поляны быстро менялся. Воздух становился все прозрачнее, пока туман окончательно не исчез, оставив после себя освобожденных жертв. Да, и снова эти перепуганные люди... Теперь на поляне сидели, сжавшись в трясущиеся комочки, четверо детей и одна женщина. Те же двое солдат, которых утащил в начале схватки туман, бессильно ерзали на траве, будто пытались отдышаться. Яговин с двумя своими дружинниками теперь освободились, но не знали, куда и кинуться: большая часть отряда, включая принца, была отравлена, караульные изранены, да вдобавок странные новые люди появились после тумана. Освободившийся Елисей подошел с поклоном познакомиться со спасителем.

– Это мой провожатый Елисей Поющая Стрела, – представил его Лихолов. – Взял парня к себе в ученики в обмен на его помощь в странствии по вашему лесу. Елисей, а знаешь ли ты, кто перед нами?

– Догадываюсь, – с трепетом в голосе ответил юноша. – Горящий меч, седые волосы, воинская стать. Неужели сам Велимудр Горящий Меч предо мною?.. Если так, то сегодня великий день для меня!

– Здравствуй, Поющая Стрела, – ласково поздоровался с ним ведун.

– Ох, как же чуден твой меч! – с восхищением проговорил Елисей. – Наверное, нужно много добрых дел совершить, чтобы такой приобрести...

– Настоящие мечи не приобретают, молодой ученик. Приобрести можно только временное, бестолковое оружие. А стоящее... О! Настоящий меч сам выбирает хозяина, находит его неисповедимыми путями. Самого достойного человека, мудрого, чистого!

– Клэтва, – закатил глаза Лихолов. – Встретились двое... кхм... верующих. Хватит уж о своей чистоте речи толкать, старик! Оглянись, какой беспредел тут!

Велимудр оглянулся, увидел пострадавших, рядом изумленных караульных с Яговином. Почувствовал царившее смятение. И взял на себя командование:

– Я осмотрю принца, он, похоже, отравлен усыпляющим зельем. Дружинники! Пусть двое из вас разведут костер. А другие двое соберут все фляги и сольют воду в ваш походный котел. Елисей и Лихолов, приглядите за жертвами тумана, им нужно человеческое тепло сейчас.

Все тут же засуетились исполнять поручения. Сам же ведун присел около принца. Положил руку на шею, послушал в пульс. Потом обнюхал мужчину и его еду. Покрутил лепешки и мясо, что-то там разглядел, а потом сказал:

– Отвар безволия был добавлен в еду! – рыкнул Велимудр так, чтобы всем было слышно. – Это мог сделать только кто-то во дворце еще до вашего отправления.

– Догадываюсь, по чьему приказу, – хмыкнул Лихолов, и тут же поймал вопросительный взгляд ведуна. – Их придворная ведунья Майя очень уж обрадовалась отправить принца куда подальше. Уверен, что, так или иначе, она к сему причастна.

Ведун странно изменился в лице, будто что-то его обожгло изнутри. Но он быстро спрятал эти чувства подальше и вернулся к осмотру принца.

– Положение это не столь опасно, сколько противно... Мне нужно сделать пробуждающий отвар, – проворчал Велимудр. А затем принялся рыться в своих набедренных мешочках, доставая оттуда по шепотке засушенных и молотых трав.

Елисей и Лихолов подошли сначала к женщине. Она сидела на траве в грязном драном сарафане и в лаптях. Взъерошенная прическа незнакомки отдаленно напоминала косу, только изрядно потрепанную. Белое, болезненное, почти мертвенное, лицо ее излучало дикий душаский страх. Как и от той девочки, что удалось спасти в прошлый раз, от всех жертв веяло ледяным холодом. Все они дергались или покачивались и повторяли свое бесконечное и отчаянное:

– Туга! Туга! Туга!

– Морок отступил, ты свободна, – ласково проговорил женщине Лихолов и присел рядом с ней на корточки.

– Нет! Нет! – задрожала женщина, нервно теребя волосы на висках. – Туман защищал. Он давал силу. Внутри тумана я ничего не боялась. А снаружи мир жесток! Здесь кровь! Здесь боль! И нечем себя защитить! А скоро и вовсе конец! Всему скоро конец!

Вдруг она бросилась на Лихолова, схватила его за плечи своими ледяными худыми пальцами и заорала:

– Верни! Верни меня в туман! Туга! Туга!

Лихолов на мгновение и сам вздрогнул от ужаса. Но збыстро собрался и жалостливо погладил женщину по голове, а сам повернулся к Елисею с вопросом:

– Какие песни у вас поют влюбленные своим девушкам?

Юноша задумался на один удар сердца и потом запел:

В лунном сиянье снег серебрится,

Вдоль по дороге кобылка мчится

Динь-динь-динь, динь-динь-динь —

Колокольчик звенит,

Этот звон, этот звон

О любви говорит.

В лунном сиянье ранней весной

Помнятся встречи, друг мой, с тобою.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь —

Колокольчик звенел,

Этот звон, этот звон

О любви сладко пел.

С каждым пропетым словом женщина немного успокаивалась. В конце концов, она отстранилась от Лихолова, села и тихо-тихо заплакала.

– Где твой возлюбленный? Были ли у тебя детишки? – ласково спросил Странник.

– Да... Да... Супружник был... С большими горячими ладонями. Обнимал меня за талию и шептал на ушко: «Ромашечка ты моя лесная, лучик ты мой ясный», помню, помню... был... Но жила я в страхе, ужас бродил по лесам и захаживал иногда к нам на поля, где я урожай собираю... страшно было очень... тоска меня гложила... И вот, однажды, пришел туман и забрал меня... и холод залил в сердце, в разум. Туман дал мне силу, и страх ушел. Была я сумерками, была я сырой печалью, по лесам ползала, но никто меня не мог уже обидеть, ибо я была туга, и туга была мной...

– Из какой деревни твой муж? – пытался расшевелить ее Странник.

– Не помню... Не знаю... Туман все пожрал, всю память... Ничего не помню, ни кто я, ни откуда. Корней своих и предков своих не помню... – она подняла на Лихолова глаза полные слез. – Только самое теплое помню, то, что никаким холодом не заморозить: танцы помню, песни наши у костра... как на маминых коленях плакала – помню. А она меня по голове... гладила так... И у мужа ладони горячие помню... «ромашечка» и все... ничего больше...

– Дай ей время согреться! – вдруг крикнул из-за плеча Велимудр, копошащийся в своих порошках. – Пусть сердце отгадет, а за сердцем и голова прояснится. Пока мы просто отведем их в ближайшую на пути деревню, да там и оставим на поруках. Коль примут их селяне по добром, то и память со временем вернется. Много их таких нынче в наших лесах... Эх, беда чернокнижная!

Лихолов с Елисеем оставили женщину в покое и прошлись по каждому ребенку, так же успокаивая, напевая колыбельные, что-то спрашивая, заставляя вспомнить самое теплое: маму, папу, дом. Было их три мальчишки и девочка, все разного возраста, но одинаково напуганные.

Меж тем Велимудр тоже трудился:

– Ах, водичка, живая, помоги сворожить, – шептал он, ставя котелок с травами и водой на огонь. – Ах, огонек, дружок, матери солнца сынок – нагрей водицы, подсудобь ворожке случиться!

Когда отвар был готов и остужен, ведун залил его в свободную флягу и налил понемногу в уста каждому из уснувших дружинников.

Первым очнулся Ратибор. Медленно, словно с похмелья принц открыл глаза. И застонал, потому как чувствовал себя высохшим листом: слабым, обезвоженным, да еще и с ужасной тошнотой внутри. Вслед за ним нытье и оханье издали поочередно все остальные пробужденные. Но, слава Судьбе, все очнулись живыми и целыми. Некоторых тут же стошнило, у кого-то болела голова, у третьих ломило все кости. А двум парням, пострадавшим от туманных коршунов, потребовалось лечение Велимудра. Хоть и снял старик боль, оставил кровь, но шрамы останутся уже навсегда.

Так, Ратибор обнаружил свою преданную дружину без боя покалеченной и ужасно разозлился. Он внимательно выслушал своего воеводу Яговина, дотошно пересказавшего все, что случилось на этой поляне. Затем принц поблагодарил Лихолова и Велимудра за спасение. С грустью осмотрел испуганных детишек и женщину. Теперь всем стало ясно, какое мерзкое колдовство творят черные жрецы. Ужасная правда открылась в том, что жуткими бродячими туманами были обычные, запуганные до смерти, дети и женщины. Заколдованные, забранные из семей и направленные против своих же земляков. Больно всем было это осознать. Ведь вывод прост: когда мы сдаемся и отступаем перед страхом – сами становимся в ряды его воинов. Так тьма ширит свою армию.

Никому так и не было понятно, как это Велимудр оказался в нужном месте в самый роковой миг. Однако ж все издавна знали, что ведуны именно так всегда и появляются: неожиданно, непрошено, просто там, где больше всего нужны. Оттого вопросов никаких чародею задавать не осмелились. А тот же, закончив дела помощи, подошел к трупу черного жреца и стал крутить его голову, что-то высматривая.

– Что ты с ним будешь делать, старче? – полюбопытствовал Лихолов.

– Память его ищу, – загадочно ответил Велимудр. Затем достал из-за пояса нож и вдруг отрезал у трупа кусок скальпа. – Видишь ли, Странствующий Охотник, память людская живет в волосах наших. Вот почему, уходя в отречение, ведуны стригутся – чтобы забыть мирскую жизнь, отпустить. А после пострига уже более никогда не отрезают ни единой пряди волос, ибо знают, что в них живут накопленные знания. По той же причине и эти вот черныши постоянно бреются. Они верят, что должны все свое отринуть и забыть и предаться полностью Темной Владичице, чтобы та полностью направляла их и одаряла силой сумрака. Но нам повезло!

У этой паскуды имеется все-таки небольшая щетинка на голове, – он вытер покрасневший нож о траву и завернул кусок кровавого скальпа в один из своих мешочков. – Я смогу по ним увидеть в небыли хотя бы горстку последних воспоминаний жреца. А там может быть много чего любопытного. Но это позже...

– Например, ты увидишь, кто подослал его к нам? Ведь я уверен, что он выслеживал нас еще с выезда! – вклинился Ратибор. – Мы все чувствовали слежку и не понимали, почему никто не нападает на нас. А он просто ждал подходящего случая, хотел усыпить меня и взять живым. Знал, гадина, что так я ему ни за что не дамся.

– Да, – подтвердил Велимудр. Ведун явно обессилел. Драка вымотала старика. – Возможно. Если наводку он получил недавно, то я это увижу. Или хотя бы какие-то мысли, знаки, образы, что-то такое, что натолкнет меня на подсказку. Но это не сейчас. Ведуны ворожат на рассвете – тогда сила природы самая чистая, а свет солнца мало кто забирает на себя, много магии в мире, много благодати разлито. Ранее утро – лучшее время для доброго дела. Так что все позже. А сейчас, принц Ратибор, потолкуем?

Глава 6. Откровения

«Если не ведаешь зло или добро перед тобою — ищи жертву. У зла не бывает жертвы в себе, оно ищет ее в других. Даже если в чем-то и утесняет себя, то для того лишь, чтобы оценить это в золотую монету и использовать в нужный час. Помни: бывает жертва по любви, бывает жертва для торга, а бывает жертва для гордыни. И лишь первая есть добро».

Наставление из Талмуда Светославия

Служивые потихоньку приходили в себя, а жертвы морока со странным бормотанием покачивались около костра и что-то шептали себе под нос. Принц Ратибор, Велимудр, Лихолов и Елисей уселись вокруг и принялись обсуждать дальнейшие дела.

Ведуна Велимудра не пришлось уговаривать о помощи. Он вообще держал себя так, словно бы уже знал заранее и о принцессе Златовласке и о цели похода Ратибора. На протяжении рассказа принца чародей только постоянно загадочно кивал, потом произнес:

– Я знал уже давно, что нечто неслыханное произошло в Рассветнике. Я видел в небыли, как тьма смешалась со светом в странный противоречивый клубок. Когда попытался разобраться, что это такое... Оно уже рассеялось. Успел заметить лишь принцессу Златовласку на огненных крыльях... Это видение ужаснуло меня. Я знал жемчужину Северного Леса с младенчества... И я присутствовал на обряде «смотрины», который устраивается по рождению каждого нового члена королевской семьи. Так вот, там я тоже видел, как сама Судьба благословляла принцессу, как одевала на нее победный венок и клала к ее ногам окровавленный меч... Еще реки крови видел у ног принцессы... Тогда, много лет назад, в мирное время, видения на обряде показались нам очень странными. Но в сей день мрак с запада снова яростно наступает на восток, и в воздухе перешептываются предвестники войны. Сегодня я уже понимаю, к чему был явлен нам тот окровавленный меч и реки крови – грядут ужасные битвы, от которых содрогнется вся Зеленая Твердь. Я видел в небыли, как люди по всему свету плачут кровавыми слезами. Значит, что принцесса Златовласка сейчас крайне важна. Ты, принц, правильно сделал, что бросил все дела военные и придворные и устремился на спасение сестры. Я нынче – один из старейших ведунов. А преклонный возраст означает высокую ответственность. Посему, мой долг – помочь вам.

– Благодарю тебя, благий старче! – склонил голову Ратибор. – А как будешь ты расколдовывать Златовласку? Как избавишь ее от сего недуга?

– Боюсь, – протянул задумчиво Велимудр. – Что дело окажется сложнее, чем кажется... Собеседники озадаченно переглянулись.

– Если бы принцесса всецело была поглощена тьмой, – пояснил ведун, – то в небыли выглядела бы она, как грозовая туча... Однако нет там ничего подобного...

– И Майя говорила так же, – удивился Лихолов. – Значит, ведунья все же не обманывала...

– Погоди-погоди, – осек его Ратибор. – Я не знаю точно... Но подозреваю, именно Майя и сделала это с принцессой... Наверное, раз уж я прошу вашей помощи мне в непростом деле, то стоит рассказать все, что сам знаю...

Спутники согласно кивнули. Принц огляделся по сторонам убедиться, что сидит достаточно далеко от солдат, чтобы остаться неслышанным. А затем перешел на шепот:

– Они очень сблизились в последнее время, ведунья много гуляла со Златовлаской, о чем-то толкуя... Я почуял неладное и приставил за Златовлаской шпиона. Поначалу все шло обычно, я уже даже хотел было отменить слежку. Но в один день случилось нечто странное. Мне доложили, что Златовласка вдруг зачем-то тайком ускакала из дворца. В этот день ведунья

Майя тоже ни разу не попала мне на глаза. Сердце мое тогда забилося как бешеное. Я чувствовал, что может случиться нечто ужасное. Мы из рода Изяславовичей не ведуны, но и у нас свои дары есть. Беду я задолго всегда чую. И так... Не знал куда бежать, что делать, как быть... А потом вдруг вспомнил, что на окраине Рассветника есть старинный заброшенный храм. Златовласка лично опекала то место, все стыдила отца, дескать, нельзя бросать храм так просто, нужно восстановить его и отдать под монастырь. Вот в тот момент меня прям молнией ударило! Я понимал, что надо мчаться на поиски сестры... Не знал куда ехать, но решил на авось скакать в то место. Я взял наскоро с собой двух солдат и поспешил. Да оказался прав...

Ратибор на мгновение умолк, видно было, как угрюмая тоска разлилась по его лицу, воспоминания терзали душу принца, будто когтями.

– И ворвался в сени храма, когда сумерки уже поглощали день... Заброшенные стены его, казалось, вот-вот рухнут... Воздух там дрожал от напряжения. По крайней мере, так мне мерещилось... Я услышал песню. Но не наши добрые любовные напевы. А будто сотня грустных голосов стонала в унисон. Не церемонился долго с дверьми – выбил их ногой. И увидел жуть... Что-то вроде огнища горело в центре, и в нем, в пламени, сидела фигура девушки. Золотые волосы, тонкий стан – я быстро опознал свою сестру. Ее будто подожгли, но Златовласка не кричала и не корчилась, как бывает с гибнущими в пламени. Она... Она просто сидела... Вокруг же носились по воздуху тени... как бы фигуры человеческие в плащах с капюшонами, да только не люди то были... Люди не летают и не поют такими жуткими голосами. Чудилось мне, что ни лиц у них не было, ни рук, ни ног – только черная ткань... А звук их напевов... Будто пчелы жужжали. Но стоило нам ворваться, как все эти твари, едва на нас оглянувшись, дали деру. Умчались сквозь полуразрушенные окна на улицу. И ни следа от них не было. Но две фигуры среагировали медленнее. Те тоже были в черных плащах, в капюшонах, но явно живые люди. Когда они испугались и рванули бежать, я крикнул своим солдатам поймать. А сам стоял растерянный и не понимал, как спасти сестру. Но не успели мои служивые и дернуться с места, как раздался жуткий рык. Мы застыли. Звук раскатился по залу, затряс стены с потолком. И тут я понял, что рычит-то сестра! Только она уже сама не своя была. Что-то происходило... Менялось в пламени девичье тело на нечто огромное, уродливое, угловатое... Сначала из огня вылезли крылья. А следом уже и весь дракон... Тварь издала еще один рык, а потом дала огненный залп по потолку. Тот и так был хилый, а потому мгновенно обрушился. Змей оттолкнулся лапами и вырвался вверх, ломая крыльями остатки храма. На нас посыпались обломки. Мы еле увернулись, пришлось отбежать назад. Я орал, звал сестру. Но когда дракон улетел, а кострище вдруг резко само погасло, понял, что Златовласки тут уже нет. Ни ее тени, ни ее останков. Нет, ее не сожрал крылатый змей, как я сначала подумал... Чтобы понять, чего там на самом деле произошло, мне потребовалось несколько ударов сердца. Осознание родилось само собой. Я отгонял мысли, не желая принимать... Но... Мы видели то, что видели. Жуткий колдовской обряд. Дракон вылутился из моей сестры, как птенец из скорлупы.

Принц прикрыл лицо ладонью, стыдясь показать свои чувства, и закончил историю:

– Я был растерян. Испуган. Первые мгновения стоял, как вкопанный, как старое высохшее дерево. словно вместо сердца у меня было пустое дупло, – принц постучал себя кулаком по груди. – А потом появился еще и страх за королевство... Когда я вообразил, что слухи о превращении Златовласки могут расползтись по народу... Я представил себе бунты в одних селениях, отчаяние – в других и призывы убить принцессу – в третьих... времена на Востоке тяжелые... Людям нужна хоть искра надежды. Искра во мраке... И тогда я сделал нечто ужасное. То, чего никогда не прошу себе до конца своих дней... Но я не имел времени раздумывать...

Принц огляделся по сторонам, убеждаясь, что никто из солдат не стоит слишком близко. И хотел было сказать что-то, но вдруг Велимудр прервал его и схватил за плечо своей тяжелой ладонью. И в следующий миг в голове Лихолова и Елисея вдруг странным образом про-

звучали слова, словно ветер нашептал их: «И тогда Ратибор быстро пронзил горло своего верного солдата слева. А потом резко развернулся и зарубил второго верного солдата, стоявшего справа». Стало понятно, что слова распространяет между четырьмя собеседниками ведун таким магическим образом, чтобы слышали их только поверенные в тайну. А ветер все продолжал нашептывать: «Принц убил самых верных из своих дружинников, чтобы скрыть страшную тайну. А потом стоял на коленях, и его рыдания эхом разносились меж руин старого храма. Он навсегда запомнит руины старого храма, невинные тела солдат, мрачное беспросветное небо... А потом галопом до замка».

Принц Ратибор сидел, потупив взор, никто из поверенных не смел поднять глаз. Первым прервал смущенное молчание Велимудр, по праву старшинства взяв слово:

– Все мы понимаем, что принцессу Златовласку нужно постараться вернуть в человеческое состояние. Но история сия так же непонятна, как мутное болото. Каким образом удалось затащить принцессу в костище старого храма? Как ее заманили? Какими обманными уговорами? Что ей обещали там? Вопросов больше, чем ответов.

Все закивали.

– Посему, – продолжил ведун, – уговор предлагаю следующий. Пойдем к дракону все вместе, так как Лихолов обещал принцу свою помощь в спасении принцессы, а он есть лучший в Зеленой Тверди охотник. Кому, как не Лихолову знать, какими способами справиться с принцессой, когда подловить ее в человеческом обличии, при этом самим не стать жертвами.

– Я обещал принцу свой меч, и слово свое сдержу, – подтвердил Лихолов. – Я буду идти за принцем до тех пор, пока он не скажет мне, что я сделал все, что мог. И мой ученик Елисей Поющая Стрела тоже обещал принцу свой лук, – Елисей скромно поддакнул. – Мы идем с вами за принцессой.

Ратибор благодарственно качнул головой. А Велимудр излагал план дальше:

– Но и дружинникам твоим придется рассказать, куда мы ведем их на самом деле. Пойдут ли твои люди в Горбатые Холмы? Многие северяне боятся этого места...

– И не зря, – вставил свое слово Елисей, с мурашками вспомнив свои недавние приключения.

– Мои верные солдаты пойдут за мной хоть к смерти за пазуху! – вдруг по-королевски распрямился Ратибор. – Тем более, что я обещал рассказать им цель нашего похода уже на обеденном привале...

– Нам нужно отвезти жертв бродячего тумана в ближайшую деревню, – перебил Велимудр. – Пока попроси солдат подождать объяснений еще немного. Расскажешь им правду, когда покинем деревню. Чтобы, не дай Судьба, никто не растрепал селянам про Златовласку.

.....

Деревня сыскалась довольно скоро, так как местность вокруг Рассветника пестрила массой селений, а от центрального тракта то и дело ответвлялись дорожки поменьше в сторону разных городищ и весей.

Трудно описать лица местных жителей, когда под вечер вдруг в их спокойную ремесленническую деревушку въехал с топотом копыт и блеском мечей отряд вооруженных дружинников в сопровождении ведуна и самого принца Ратибора. Староста изначально встретил дружину немного неприветливо и испуганно. А когда узнал, что разговаривает с самим наследником ясеневго трона, то вообще смутился, задержался и заволновался.

Дружину тут же расселили по самым зажиточным домам. Селяне подоставали из погребов лучшие припасы еды и еля. Гостям предоставили и баню, и сытный ужин. Вокруг лошадей суетились мужчины, а над потрепавшимися одеждами хлопотали допоздна женщины с иглами и нитками. Местные бабульки трудились над сборами новой провизии взамен отравленной. Некоторые местные девицы с заигрывающими взглядами шептались и хихикали, будоражили покой вояк, но чем здесь дело закончилось, точно уже не скажешь. Еще большее удивление

у деревенских вызвали жертвы тумана. Однако старосте пришлось приютить их и раздать по разным домам, чтобы несчастным там обеспечили тепло, покой и любовные песни для отогрева сердец. Для отряда же вечер, ночь и утро прошли как нельзя лучше. Чистые, сытые и обогретье странники еще спали, когда за некоторое время до рассвета пробудился Велимудр.

Ведун за много десятилетий своей аскетичной жизни привык вставать до восхода солнца. Ибо все подобные ему мудрецы давно знали, что именно раннее утро есть наиболее благодатное время в сутках. Когда молодое солнце рождается из лона неба, только-только выползает из-за горизонта, с первыми лучами света мир наполняется свежей силой. Энергией, которая за ночь прошла свое чистилище, отмылась от страстей, которыми наполнила ее людская суета. Мудрые всегда ведали, что коли кто желает подняться над жизнью, сделать что-то необычное, одержать ли победу, вырасти ли духовно, или даже свершить ворожбу, стоит брать ту самую чистую и полную силу от утра.

Велимудр шел босиком по сырой траве. Ступни ему сводило холодом, но ведун привык принимать это чувство с благодарностью – так утренняя земля забирала из него все хвори. Мохнатая растительность мягко сминалась под ногами, воздух вибрировал предчувствием рожденной заново жизни, мир принимал в ладони новый день. Серело небо. Ведун отошел от жилых домов до ближайшего родника, который заметил еще вчера. Принял смиренную позу со склоненной головою и тихо запел ритмичную душевную молитву, позванивая колокольчиком. На Северо-Востоке умели петь так, чтобы сердца всего живого бились под эти звуки в унисон. А если пел старый опытный ведун со всем жаром накопленного за жизнь благочестия, то все вокруг, от медведя до летящей бабочки, сразу отбрасывало свои дела и замирало в умилении.

Первые благословляющие лучи упали на седину Велимудра, а затем, подчиняясь ритму его напева, сползли на родниковые воды и заплясали в них языками отсветов. Древний Талмуд Светославия учил, что вся жизнь на Зеленой Тверди есть танец воды и света. Все состоит из воды, без воды умирает. Но и без света жизни нет. А потому ведуну научились подчинять себе и свет, и воду, и через них заглядывать в небыль, словно сквозь волшебное зеркало. Небыль – то жизнь духа, суть мира, искры душ без одежек тел. Там все видится совсем иначе, как в странном сне. И много лет надо учиться читать эти видения, чтобы начать разбирать их верно. Велимудр достал из-за пазухи мешочек и выбросил в родник содержимое – часть скальпа черного жреца. Так ведун хотел посмотреть последние воспоминания чернокнижника. В волосах живет память, связь с прошлым, накопленная мудрость. Того, что имелось у Велимудра, конечно, было слишком мало, чтобы действительно разобраться во всех хитросплетениях прошлого. Но, однако ж, многое он смог увидеть. Человеческая память есть смесь не только образов, но и чувств, ощущений, боли, надежд, страстей. Много всего ведун запоминал как есть, не разбирая, оставив разгадывание на потом.

Когда лучи закончили свой хоровод вокруг родника и зеркало небыли рассеялось, старец с отвращением вытащил из воды убогий шмоток плоти и швырнул подальше. А сам обессиленно рухнул на траву. И какое-то время еще лежал так, приходил в себя и перебирал в голове образы, сопоставляя картинки и чувства... А щедрая земля тем временем забирала из старца хвори и заменяла их на новые силы. Кто лежал по утрам на ковре дикой опушки, знает, какой энергией она обладает и какой щедростью.

Велимудр пришел обратно в деревню, когда утро уже разгорелось теплотой. Ратибор с нетерпением ждал ведуна, ибо помнил, что тот обещал на рассвете разобраться в произошедшем.

Принц, Лихолов с Елисеем и Велимудр уединились в одной из светлых деревенских горниц, когда другие солдаты, как и жители деревни, еще только просыпались.

– Поведай нам, мудрый старец, что видел ты в небыли? – спросил Ратибор ведуна. – Удалось ли узнать, кто подстроил на меня покушение?

Велимудр посмотрел на принца тяжелым взглядом, как смотрят дедушки, отправляющие внуков на войну, и произнес:

– Тот черный колдун опасно побрился недавно, чтобы никто не смог узнать многого. Однако, как и любой живой человек, идя на охоту за жертвой, испытывал свои надежды, свои страсти. Был в предвкушении великих дел. И дух его наполнялся гордостью. Так вот, в сих помыслах мечтал он превратить и принца Ратибора в своего сторонника. И представлял, как Ратибор повелевает ужасающим мощным драконом... И видел он в своих мечтах, как некто из чернокнижных воевод награждает жреца за двух пойманных королевских отпрысков. И не только его самого прославляют, но и грезил, как почести воздают в черной башне и еще двоим северянам... Первого лица я не разобрал. И эта загадка еще долго будет мучать меня. А вторая же была придворная Майя.

– Я так и знал! – взорвался Ратибор.

– Тихо, мой принц! – оборвал его Велимудр. – Это лишь фантазии мертвого чернокнижника. Однако они косвенно указывают нам, что ваша ведунья Майя каким-то образом замешана во всех этих дурных делах. Но для полного суда нам еще только предстоит вывести ее на чистую воду!

– Но как? – посетовал Ратибор.

– Всему свой час! – успокоил его Велимудр. – Придет подходящая вежа, и Матушка Судьба покажет, как разобраться с вашей ведуньей. Надо будет устроить суд. Созвать на него совет ведунов. Но это дело не столь срочное, как помощь твоей сестре.

– Но я уехал из столицы, оставив отца одного с этой ведьмой!

– Поверь мне, мой принц, – с тоской в голосе ответил ведун. – Если она так давно плетет свои козни, то за время твоего отсутствия намного хуже уже не сделает... Сейчас нам всем важнее любых дел – спасение Златовласки, жемчужины Северного Леса, благословленной берегини Востока! И Судьба ведет тебя, Ратибор, именно туда. Так не противься, иди в открытую дверь, не игнорируй подсказки Вселенной. Ведь не зря, ох, не зря, сам Лихолов появился в Ясневом Замке в самый отчаянный час. Твое сердце почувствовало в появлении Странствующего Охотника знак – и не случайно. Ты держишь верный курс, именно потому к тебе и притягиваются нужные люди: Лихолов, потом я, а потом еще, Судьба его знает, кто придет на выручку. Сверни ты не туда, поругайся с Матушкой-Судьбой – и тогда помощь перестанет прилетать к тебе свыше, будешь сам биться с тьмой вслепую.

Ратибор задумался: в нем, как два скорпиона, боролись яростное желание уничтожить ведьму Майю и тянущая ноющая тоска по сестре. Лихолов же закатил глаза в ответ на очередные нравоучения старца про Судьбу, путь и последствия. Елисей, как верный воспитанник храма благочестия, открыто внимал Велимудру, и чистое юношеское сердце откликалось на каждое произнесенное ведуном слово.

– Почему, отче, – вдруг голос Ратибора дрогнул. – Почему эти мрази сделали дракона именно из моей сестры? В чем тут хитрый расчет? Неужто у них нет своих подходящих душ?!

– Нет подходящих, – сочувственно пояснил ведун. – Дракон – это тварь противоестественная, самим своим существованием он нарушает волю природы. Чтобы создать эту форму жизни нужно бросить в топку очень мощные поленья и приправить сильнейшими черными чарами. Видишь ли, мой принц... Только душа, суть которой уже и так есть огонь, может стать таким пламенным демоном. Среди нынешнего мрака душа Златовласки, наверное, показалась им самой яркой, самой мощной искрой. Такой чистой, такой обжигающе горячей, что только она и подошла им в жертву... Дракон – это очень сильная душа, при этом резко низко павшая... Такое потрясает мир, вся вселенная вдруг вздрагивает в мгновения этих падений. Так вздрагивает, что упускает на пару ударов сердца господство над законами жизни. И тогда случается то, что противоречит всему. То есть чернокнижники для такого обряда приносят самую немислимую жертву. Однако ж, обычно драконами становятся целиком, полностью, забывая оконча-

тельно свою человеческую сущность. Кого-то заставляет пасть излишняя слава, например, так растлеваются праведники, когда им оказывают слишком много почестей. Кого одурманивают неожиданная удача и богатство. И ежели в тот момент окажется рядом ушлый чернокнижник, да еще и очень сильный... То происходит вот такое. Но мы знаем с вами, что Златовласка не потеряла в себе человека... То есть ее падение не было столь разрушительным... Что они сделали с ней, на чем подловили – мы не знаем пока... И важно в том разобраться.

Последние слова глубоко заделали каждого. Лихолов много странствовал по свету. Он насмотрелся на разных женщин. На тех, что прикидывались праведницами, а сами делали тайком, чего только желали, против любых приличий. Еще на тех, которые были невинны, но лишь до поры до времени, пока жизнь не проходила по ним колесом. Так что на откровенных распутниц Лихолов смотрел даже с некоторым уважением, как на честных людей. Они, по крайней мере, ничего из себя не корчили. Но таких дев, чтобы их душа действительно была чиста, как пламя, в котором не уживется никакая грязь... Таких ему не попадалось никогда. Возможно ли, что такой человек, такая женщина, действительно существует на свете? Или это лишь очередная байка? Странник вспомнил глаза Златовласки. Смелые, теплые, смотрящие прямо, как взирают на мир только люди очень благородные. Взор, горящий праведным огнем. Что-то было в тех глазах. Какая-то сила, какая-то прямота, категоричное правдолюбие. Это воспоминание вдруг дотронулось до сердца Лихолова. Давно ничто новое не дотягивалось до глубин его души. Но тут будто подействовала мощная светлая сила, способная сорвать любые замки. Что-то обожгло Странника изнутри.

Неожиданно Ратибор встал и повелительно произнес:

– Идем за Златовлаской. Дружине все объясним, только когда отъедем от деревни, на ближайшем привале. Странствовать будем по трактам и дорогам, не сворачивая в селения. Собирайтесь, седлайте коней.

.....

Выспавшиеся и плотно позавтракавшие в деревне дружинники снова выдвинулись в путь. Большая часть отряда по-прежнему думала, что скачет в сторону западных границ Северного Леса. Дружина во главе с Ратибором вышла на тракт, а затем проделала еще долгий путь, поднимая в воздух вырванные копытами лошадей пыльные травинки. И, наконец, уселась на обеденный привал – вот только тогда Ратибор рассказал дружинникам всю правду о начавшемся походе и о принцессе Златовласке.

Тоскливо было видеть солдат, когда они узнали о произошедшем с их любимой принцессой. Если бы дружинникам сообщили, что звезды погасли, трава перестала расти, или птицы разучились петь – и тогда они не сидели бы с такими грустными взглядами, не так тяжело бы вздыхали, сжимали бы кулаки, и трепали бы волосы, как сейчас. И правда, казалось, что такая тоска разлилась вокруг, будто и не жила радость на свете прежде. Туга...

Однако ж, как и верил Ратибор, дружинники были невероятно преданы своему принцу. Хоть многие из них и слышали об опасностях Горбатых Холмов, о злых духах гор, хоть и боялись дракона, без раздумий каждый из них остался в отряде. Все они, вероятно, испугались отведенной им участи, но никто не роптал, никто не возражал. Так, во всеобщих тяжелых думах, отобедав, дружина двинулась в новое направление.

Начало осени всегда баловало Северо-Восток мягкой погодой, еще нежной робкой прохладой, и даже дожди пока были редкостью. Отец-лес пропускал вперед своих сыновей бережно. Щедро одаривал путников дичью, питьем и местами для постоя.

Так что отряд даже не успел устать или почувствовать какие-либо особые неудобства, как добрался до границы дикой чащи и того самого редколесья у кромки Горбатых Холмов. Теперь уже нельзя было располагаться на полянах, наоборот, приходилось выбирать для стоянок густые чащи. Чтобы, не дай Судьба, не стать добычей дракона. В то же время, в самые

темные лощины и чащи заходить в нынешние времена тоже было опасно. Ведь никто не хотел напороться на очередной бродячий туман.

А дракон не замедлил продемонстрировать свою устрашающую мощь прячущимся меж густых лесных зарослей солдатам. Зверь летал всегда в разных направлениях от своего логова, не имея постоянных избранных мест для охоты. Довелось уродливой твари пролететь и прямо над дружинниками. Еще заранее лес вздрогнул от протяжного рыка. Солдаты с ужасом переглянулись, а Лихолов в туже минуту свистнул и крикнул всем:

– Это дракон! Прячьтесь! Под деревья! В кусты!

Лошади уже заранее благоразумно были подведены под самые густые кроны. И даже прикрыты одеялами со вплетенными веточками и листвой – хитрый совет опытного Лихолова. Дружинники метнулись в укрытия.

Ратибор и Лихолов оказались под одним деревом.

– Нам нельзя являться раньше времени, – шепнул принцу Странник. – Мы не должны показаться принцессе группой охотников на дракона.

Принц принял благоразумный совет. А через пару ударов сердца вдруг увидел вверху в небе сквозь плотную паутину листьев огромную крылатую тварь. Разглядел брюхо, покрытое прочными пластинами, раскидистые перепончатые крылья и хвост с шипами. Дракон летел и наслаждался собственным рычанием, словно давая природе понять, кто здесь сейчас главный. Звуки пронизывали до костей, будто чьи-то ледяные руки пробирались под кожу и сжимали желудок железной перчаткой. Но длилось все недолго. Дракон быстро скрылся. Однако же впечатление ужаса и растерянности произвести успел на многих. Солдаты вышли из укрытий с напряженными лицами, искоса поглядывая на своего принца.

Ратибор понимал, что явиться к Златовласке с вооруженным отрядом будет опрометчиво. Нельзя напугать ее, нельзя внушить недоверия. Появление брата должно выглядеть как дружественный визит. Поэтому условились так, что дружина, для начала, останется прятаться под покровом леса, даже не заходя в редколесье. Разобьет там лагерь и будет ожидать возвращения принца. Но не более двух дней. Ибо если к закату следующего дня Ратибор не вернется, это будет означать, что случилась беда. К Златовласке на встречу решено было вместе с Ратибором отправить Велимудра и Лихолова с Елисеем в качестве проводников и помощников. А еще, на всякий случай, принц пожелал взять с собой самого верного и ловкого воина – Яговина. Так, в солнечное осеннее утро пятерка всадников осторожно углубилась в редколесье.

Природа переживала свою самую нарядную пору. Листья, словно барышни на балу, украсились разными цветами и плавно опадали с веток, выдавая в полете головокружительные танцевальные пируэты. Осень вполне совпадала с общим настроением мира. Птицы и белки суетились по деревьям, готовясь, что вот-вот не останется ни еды, ни материала для гнезд, ни уютных укрытий. Лес знал – скоро будут слезы долгих дождей, а потом и смерть. Так совершится очередной круг жизни, чтобы по весне возродиться вновь. И это настроение предстоящих испытаний уже витало в воздухе.

Когда странники приблизились к холмам, погода начала портиться. На лошадях подниматься по диким горам в такую скользкую пору было сложно. Их пришлось привязать к редким деревьям в укромном месте и оставить, а путь продолжить пешком.

Чем ближе Ратибор подходил к драконьему логову, тем тяжелее становилось у него на душе. Что-то внутри тянуло, выло, противилось, ему было сложно дышать и шагать. Горбатые Горы никогда не считались гостеприимным местом. Но сейчас принцу казалось, что его кто-то тянет за шкуру назад. Горы кусались острыми камнями, обрывали проход неожиданными оврагами, гнали путников прочь. Погода портилась все больше, ветер стал остервенело дергать путников за плащи, толкать в грудь.

– Хозяин этих гор не хочет пропускать нас, – сказал Велимудр.

Елисей с Лихоловом напряженно переглянулись, ибо они-то знали «хозяина» горбатых гор Версипала, и им совсем не хотелось снова с ним враждовать...

Велимудр остановился и немного задумался. А затем опустил голову и скрестил руки на груди и читал что-то нашептывать. Потом резким движением достал меч из ножен за спиной. Металл словно взвизгнул радостным возгласом, и клинок оказался в руках ведуна уже охваченный колдовским пламенем.

– Я – Велимудр, ведун из старого совета! – вдруг крикнул куда-то в воздух Велимудр, крутя головой, и казалось, что горы будто бы вздрогнули от этих слов. – Я не буду брать здесь чужого. Я лишь провожаю брата к сестре. Никто не имеет права препятствовать встрече родной крови с родной кровью! Ничто здесь не будет нами потревожено. Даю горам обещание! Даю мое слово, слово Велимудра Горящего Меча!

И с последним звуком вдруг струя пламени на пару мгновений взмыла в небо от горящего меча Велимудра, желтой молнией ударила в тучи и исчезла. Гром шлейфом протек по небу и стих. Оружие же по-прежнему горело. По горам что-то заерзло и зашуршало, недовольно усмиряясь перед силой колдовского пламени. А по склонам гор неведомо откуда разнесся злобный шепот:

– И-ди-и-те-э-э-э-э! Но сдержите слово-о-о! Хозяи-и-и-н гор все види-и-и-т!

Елисею почудилось, что по его спине пробежали ледяные муравьи, все остальные воины тоже чувствовали себя, как под прицелом невидимого лучника – напряженно и неуверенно. Велимудр убрал меч в ножны и обратился к спутникам:

– Помните! В этих горах ни одной дичи нельзя подстрелить, ни одной капли воды не выпейте, и ни одного камня не сдвиньте. Это проклятое место, под игом сильного колдуна оно. Тот так стар и так озлоблен, что даже плоть его уже давно разложилась. Остался только гневливый дух бродить здесь тут меж склонов с приспешниками. А потому будьте здесь бережны и осторожны! Ни капли воды, говорю вам! И нам надо поспешить. Мы должны успеть прийти к Златовласке до заката! Ибо в ночи сила зла преумножится. Пойдемте же!

Они торопились. Горы стали чуть спокойнее, больше не путали проход и не строили козни. Однако ж, погода и не думала налаживаться. Осень окончательно заступала в свои права – мрачные тяжелые тучи, изнывающие от тяжелого ледяного бремени, сгущались и сгущались в небе. А ветер бесновался меж скал. Подъем уже начал казаться бесконечным. Как вдруг Лихолов остановил всех, молча подняв руку. А затем повернулся к принцу и Велимудру и указал пальцем на драконье логово, до которого оставалось не больше пятидесяти шагов.

Ратибор напрягся. Он страшился того, что увидит там. Он понятия не имел, в каком состоянии Златовласка, признает ли брата, не растеряла ли она вообще за последние дни своей человеческой сути. Ратибор любил сестру. Даже слишком. Так любил, что готов был убить за нее и уже убивал. Его сердце не вынесет, если она окажется обречена на скорую смерть. Мать королева умерла давно, отец король одурел и обессилил от тяжести своего положения. Толком и не было больше никого родного у Ратибора, кроме сестры. Разве что супруга, но то совсем иное дело. С малой принцессой-то он пробегал все детство в лесных чащах, с ней играл он и на свирелях, и учился стрелять из лука одного на двоих, ибо девице не особо хотели позволять такое занятие. И никогда не приходилось думать, что столь близкие брат и сестра однажды могут разлучиться по чей-то дурной ворожке.

Принц стоял, как замерзшее дерево, и не решался сделать шаг. Велимудр снова потестически положил Ратибору на плечо свою ладонь. И от руки старца по телу словно разлилось тепло, благословление и сила. Принц осилил сделать шаг, и дальше уже ноги понесли его наверх сами. Они шли вдвоем: Ратибор и Велимудр. Лихолов с Елисеем и Яговин тоже поднимались в сторону логова, но чуть сбоку, чтобы спрятаться в укрытии, смотреть, слушать разговор, но до поры до времени оставаться незамеченными.

Ратибор и Велимудр поднимались тихо. По мере приближения к драконьему логову воздух становился все теплее, хотя тучи и не думали расступаться. Наконец, они увидели Златовласку: она сидела на камнях в пещерке и плела осенний венок из разноцветных листьев. Заметив появившегося из ниоткуда брата, принцесса вздрогнула. С пару ударов сердца она пыталась понять, правду ли видит, или наваждение. Девушка аккуратно привстала, поправила платье, что-то отряхнула. Тем временем Ратибор был в силах только улыбаться: он не мог, даже не смел, произнести ни слова, только медленно шагал в ее сторону.

Через несколько бесконечных мгновений они стояли друг напротив друга, на расстоянии вытянутой руки и смотрели в глаза. Что-то в Златовласке изменилось, заострилось, натянулось. Но Ратибор с облегчением увидел и обыденный ее человеческий взор, прямой и смелый, как всегда. Сердце его растаяло, он понял, что не все так уж плохо. Принц рассмеялся от облегчения. Девушка же почувствовала знакомую ей с детства обволакивающую любовную теплоту старшего брата, который всегда прикрывал и опекал сестренку, и тогда ее растерянность тоже улетучилась. Они бросились друг к другу в объятия. Ратибор не мог сдерживать слез, он сжимал девушку даже слишком крепко, но и та отвечала тем же. Златовласка была горячее, как уголек, но брат сейчас не обращал на это внимания. Потом принц чуть отодвинулся, посмотрел в лицо принцессы, погладил ее нежную белую кожу своей мозолистой воинской ладонью. Их улыбки и слезы радости лились, словно общие на двоих.

– Я нашел тебя, сестренка, – шепотом произнес Ратибор, а Златовласка продолжала улыбаться. – Теперь все наладится. Я знаю, что с тобой случилась беда. Но мы спасем тебя, все будет хорошо!

От последних слов Златовласка вдруг сменила выражение лица с радостного на озадаченное выскользнула из объятий брата и отстранилась. Ратибор не ожидал такой строгости и застыл в напряжении.

– О чем ты брат? – строго произнесла принцесса. – Меня спасать не надо. Я сама скоро спасу вас всех. И наш народ, и Северный Лес.

Она смотрела на Ратибора, как оскорбленный воспитатель смотрит на дерзкого ребенка. Руки принца так и рухнули вниз. Витязь ожидал многого... И того, что сестра будет окончательно поглощена сущностью дракона. И того, что она, возможно, уже вообще погибла. Где-то в сердце он лелеял надежду, что Златовласка еще держится, что она просто ждет спасения. Но такого холодного ответа Ратибор не воображал ни в одном из вариантов... А взор девушки тем временем упал на Велимудра, который стоял в отдалении, не смея мешать встрече двух сердец. Словив нотки недовольства и напряжения, ведун стал медленно приближаться к принцессе.

– Ты привел ко мне ведуна? – тем же суровым тоном спросила Златовласка. – Чего ты хочешь, Ратибор? Кажется, ты совсем ничего не понимаешь!

– Не понимаю, сестра, – растерянно отвечал Ратибор, пока Велимудр подходил все ближе. – Так, может, ты мне объяснишь?

– Приветствую тебя, жемчужина Северного Леса! – с отеческой теплотой произнес Велимудр, улыбнулся и кивнул головой.

– Здравствуй, старче! – на миг голос Златовласки чуть потеплел.

Все в королевской семье почитали и уважали Велимудра. Этот ведун приходил на помощь уже нескольким поколениям их рода. А кроме того, все северяне знали о его могущественной силе, которую он черпал из природы, служения миру, тяжелейших аскез и любви к Матушке Судьбе. К тому же после того, как совет жрецов объявил новорожденную Златовласку милостью Судьбы и берегиней Востока, Велимудр дал королю клятву служить принцессе и покровительствовать ей в случае любых опасностей, появляться рядом со Златовлаской, как ее самый верный защитник. И пока обещание свое ведун держал достойно. Уже дважды была жизнь юной принцессы в большой опасности. Однажды ее сразила сильнейшая

хворь, и ни одному из придворных лекарей не удавалось помочь девочке, принцесса чахла на глазах. Но в решающий миг вдруг явился Велимудр с какими-то редкими травами, которых уже несколько десятилетий никто не находил в лесу, да вылечил Златовласку. В другой раз случилось так, что принцесса отказалась в очередной вечер прясть и шить с другими жительницами ясеневое двора и сбежала. Села на своего лихого молодого скакуна и умчалась гонять по вечернему лесу. Да, она никогда не была робкой домашней девчушкой, а уже с самого детства терзала всех своим огненным нравом. Но что-то произошло тогда в затененной чаще. Вечером не разглядела Златовласка тропу. Может сама ошиблась, или ветви косматые решили проучить дерзкую беглянку. Сорвалась с седла, рухнула и потеряла сознание. Именно Велимудр оказался тогда рядом, привез принцессу во дворец и сам врачевал ее до тех пор, пока девушка не окрепла. Потому водилась между Велимудром и Златовлаской незримая связь, вроде той, что бывает у дедушки и внучки. То ли клятва ведуна связала эти души, то ли обоюдная любовь – одной Судьбе ведомо. Да только обещание свое Велимудр всегда сдерживал, и вот, в очередной раз он появился, когда принцесса попала в новую передрагу.

Ведун чуть протянул к девице свою большую руку, жилистую, похожую на ветвь старого дерева. Златовласка как-то неожиданно, по-детски улыбаясь, вложила в нее свою ладонь, и Велимудр поцеловал ее. Закапал мелкий дождик.

– Мы здесь с благими намерениями, доченька, – увещевал девушку старец. – Мы всегда были друзьями тебе. Доверься нам и поведай все по порядку. Расскажешь?

Златовласка вздохнула, девичье лицо снова стало строгим.

– Попробую, – принудила она себя. – Но только спасти меня не надо! Нынче вы мои гости у меня на поруках!

Ратибор и Велимудр покорно закивали.

– Только дождь начался, – поморщилась принцесса. – Укроемся в моей небольшой пещерке? – Девушка указала на неглубокую нишу в скале, где она привыкла спать и хранить вещи.

– Да, но... – осекся Ратибор и снова повисло напряжение. – ... Только пойми меня верно, сестра. Я искал тебя, я слышал о драконе, а от того должен был быть очень осторожен... Я не ведал, что увижу здесь. Будешь ли ты, как бы это сказать... в себе! Потому взял с собой в путь провожатых и охранников. Они сейчас там, в зарослях, – принц стыдливо указал на засаду, в которой прятались Яговин, Лихолов и Елисей. – Их трое, но это хорошие люди. Обещаю, они не сделают тебе ничего дурного. Пусти и их в укрытие? Негоже принцу с принцессой прятаться от дождя, пока их служивые мокнут...

Златовласка наморщила лицо и недовольно поджала губы. Но благородство в ней всегда брало вверх над раздражением:

– Хорошо, брат. Зови их, пусть идут в пещеру. Там будет сухо, а рядом со мной всегда тепло, ибо я есть огонь.

Ратибор подал знак руками, и через миг откуда-то из-за кустов вышел сначала Яговин, которому Златовласка даже обрадовалась, так как знала его уже много лет и ценила преданность этого воеводы. А затем вышел Лихолов с учеником. Этим двум принцесса удивилась, даже недовольно ахнула. Но отступать от своего слова было негоже, потому пришлось Златовласке не возмущаться, и мирно пустить всех пятерых в свою пещеру. Хотя Ратибор заметил, что как только сестра увидела Лихолова и Елисея, особенно, когда те подошли к ней на поклон, жар, исходящий от ее тела, заметно усилился и стал обжигать.

Пятеро мужей и юная принцесса расселись на камнях пещеры. Снаружи дождь уже всюду хлестал по камням, безжалостно охлаждая их, смывал с серых валунов все счастливые воспоминания о лете и солнце. А разогнавшийся до одурения ветер выл так, что, казалось, будто природа затянула трагичную, могильную песнь и настраивала мир на приход холодов.

– В этой пещере хоть и сухо, и даже тепло, но темновато из-за непогоды, – оглядываясь по сторонам, пожегся Ратибор. – Может нам разжечь здесь небольшой костерок?..

– Да, – кивнула Златовласка. – Сейчас разожгу.

Девушка потянулась куда-то за камни и вытащила горстку хвороста. Еще достала горстку сухой травы и крепко сжала ее в кулаке. Закрыла глаза. Велимудр и Ратибор в недоумении переглянулись. Воздух пещеры вдруг резко напитался жаром, словно кто-то всыпал туда кучу тлеющих углей. А с принцессой начало происходить странное. Пряди ее золотых волос стали напоминать горящие веточки, как если бы по ним прокатилось пламя. А ладонь, сжимающая сухую траву, принялась испускать дым и тление. Все увидели прямо на нежной девичьей руке разгоревшийся маленький огонек. Девушка держала его, не испытывая даже намека на боль от ожога. Жар жил внутри нее, драконий огонь пронизывал всю ее плоть. Дурная она, эта драконья магия, злая. Но в исполнении берегини востока какая-то... прекрасная. Златовласка была суть костер – прекрасная огненная дева.

Девушка откровенно наслаждалась произведенным на гостей эффектом. Она аккуратно поднесла горящие травинки к горстке хвороста. Занялся костерок. Воздух сбросил зной, а волосы Златовласки снова стали просто золотыми. Теперь немного освещенная пещера давила тишиной. Никто не решался произнести ни слова, все лишь озадаченно смотрели на огонь и совершенно невредимые ладони принцессы. Только Велимудр имел дерзость громко вздохнуть. А девушка же, смакуя всеобщую растерянность, гордо сказала:

– Итак, брат мой, я не просила спасать меня.

– Но, сестра моя, – пересилил оцепенение Ратибор, в то время как Яговин, Лихолов и Елисей отвернулись, стараясь не стать лишними в этом разговоре. – Объясни же мне, кто ты теперь? Как ты такой стала? И что намерена делать со своим новыми... возможностями?

Златовласка вдохнула, довольно надувая грудь:

– Я расскажу вам. Но только если ты, Ратибор, пообещаешь упомянутым моим слугам ничего дурного не делать и за содеянное не наказывать. Ибо я сама на себя беру все случившееся.

Где-то на улице неожиданно громыхнула молния. Погода была грозной. И такое же выражение приняло лицо Ратибора.

– Хорошо, коли в том твое условие. Упомянутых твоих сопричастников лично я не трону.

Принцесса удовлетворенно кивнула и тихим вкрадчивым голосам отвечала:

– Знаешь ты не хуже меня, возлюбленный мой брат, Ратибор, что времена настают тяжелые. День за днем все больше черни проникает в наши края. Лезет нечисть на Восток втихую, подло, разрешения не спрашивает. Ни силой не берет нас, ни войну не объявляет. Заползает, как змея под одеяло. И видела я, что прославленный крепкий дух Северо-Восточного народа, доблесть, которая выдержала столько кровопролитных битв, нынче слабнет на глазах. Мы, восточинцы, к такому не привыкли. Сильны мы в честном открытом бою, все вместе, единым мечом, единым кулаком, единым щитом. Оттого-то враг и решил нас потихоньку перебрать по косточке. Я с детства пою в храме благочестия, вижу там простых людей. Таких разных, настоящих – это наш народ... Стою молюсь, а сама иногда поглядываю на людей, в лица им, в глаза смотрю. И с недавних пор стала я видеть в них страх. Сомнения. Слабость. Я знала, что народу моему сегодня нужна помощь. Восток нынче болен и немощен. Глядела я и на отца короля. Тот постарел, иссох. На него надежды нет, и сам ты это знаешь, Ратибор! Даже простой люд уже о том догадывается. Остатки силы теплятся лишь в тебе, брат мой, и твоим преданном войске... Этого ничтожно мало... Я – дочь короля. Я – милость Матери Судьбы. Мое предназначение от рождения – беречь Восток. Я не могла спокойно смотреть на все это. Понимала, что должна сделать что-то для Северного Леса, для своего народа. А потому..., – она запнулась, – потому я... Я нашла союзника, который смог сделать из меня, хрупкой бесполезной девчонки, силу. Ведунья Майя и ее друзья – они... Они предложили воспользоваться

какой-то древней магией. Такой, какую и ведуньи наши не знают. Сказали, что великие жертвы несут великие награды. И если я рискну... То может выйти из меня настоящая защитница для Востока. Я недолго думала. Приехала в назначенное место. На том обряде и обратили меня. Риск оправдал себя, жертва принесла плоды. Смотри на меня, брат! Теперь я – силища! Теперь я помогу Северному Лесу. Грядет война, мы все это чувствуем. Алый меч и реки крови узрели ведуньи в моей судьбе... То и есть предстоящая битва. Но Восток нынче не в силах выиграть войну: руками сомневающегося народа, небольшой армии, без союза с Раздолом... Мы падём в первой же битве! Но теперь, со мной, с драконом, у нас будет надежда отстоять Северный Лес! Я сама пожелала стать огнедышащим змеем. Я сама попросила об этом ведунью. Я сама приехала на обряд и подожгла себя, рискуя сгореть заживо в случае неудачи! Потому что я хочу дать Востоку надежду! Вы все, ты, Велимудр, твои верные воины – вы маленькие искры в сгущающемся мраке. Я же разожгла из себя огромный костер, который поможет отогнать от нас злого врага. Ратибор, – Златовласка вдруг наклонилась и схватила ошарашенного брата за руки, – я теперь твоя армия. Я – твоя горящая стрела! Не надо спасать меня. Брат мой, это я! Я спасу тебя!

Но Ратибор не ответил. Он любил сестру, он хотел защитить ее от всех бед мира. И никогда и помыслить не мог, чтобы та стала воином, оружием смерти... Очередная молния шарахнула где-то на улице. Но ни брат, ни сестра не заметили грома. Они молча смотрели друг в друга в глаза. Златовласка глядела радостно и гордо. Ратибор же весь побледнел и пытался осмыслить услышанное. Остальные мужи, невольно оказавшиеся свидетелями этого разговора, сидели с такими же бледными лицами, не выразившими ничего. Будто сама жизнь сейчас оставила их, взяла передышку на раздумья. Только тени от костерка плясали по сталактитам пещеры, хоть как-то отмечая ход застывшего времени. Дождь барабанил по камням на улице, ветер все также выл свою могильную песню. И никто сейчас уже не вспомнит, сколько длилось это гробовое молчание. Лихолов дивился, что кто-то может так рассуждать, ставить благо других людей выше собственной жизни. Неужели молодая, избалованная принцесса просто так променяла сытую безопасную жизнь во дворце на воинскую участь? Какова должна быть чистота этой души? Странник всматривался в принцессу. Он видел перед собой молодую, очень красивую девушку с такой мощью и обжигающей правдой во взгляде, какой не встречал Охотник еще никогда и ни у кого. Вдруг снова громыхнула молния, жаля Лихолова своим острием точно в бронированное сердце. Или ему только показалось?

– Вот и разгадка, – пробормотал, наконец, Велимудр. – Златовласка принесла себя в жертву. Если отнять, а потом добавить, то в итоге и не убудет, и не прибудет.

Все обернулись на старца, но смысл его слов понял не каждый.

– Доченька, – ласково обратился ведун к принцессе. – Матушка Судьба создала женщин для рождения жизни. А для гибели оной – мужчин. Девичья роль и почтеннее, и радостнее. Как грустно мне, что вместо бальзама живительного ты стала карающим пламенем!

– Я из воинского рода Изяславовичей! – возразила Златовласка. – Хоть я и дева, но в жилах моих кровь защитника!

– А, кроме того, – продолжил ведун, будто не заметив слов принцессы. – Ты очень рисковала. Во-первых, если бы тому колдуну не хватило силы, ты могла бы просто погибнуть... – Златовласка понимающе закивала, опуская взор. – Во-вторых, в случае успеха драконья суть могла бы полностью поглотить тебя, и ты стала бы просто неуправляемым монстром и ужасным бедствием.

– В тяжелые времена любой риск оправдан, старче, – парировала принцесса.

– Не своими словами ты отвечаешь, – прищурился Велимудр. – Чую нутром, что вторишь ты за кем-то... Но я не закончил... В-третьих, скажи-ка, раз ты утверждаешь, что все так удачно и помощь тебе не нужна, и ты – оружие света, то отчего тогда столько урона? Зачем ты в своем драконьем облике устроила в Рассветнике пожар? Зачем, охотясь, поуби-

вала уже десятки невинных людей в ближайших деревнях? Люди, которых ты собралась защищать, в ужасе! Некоторые думают переселиться подальше, другие видят в твоём появлении дурной знак! Ты навела страх, большую смуту посеяла на Востоке. А главное, убила невинных. В чем же здесь будет твоё объяснение?

Златовласка вздрогнула и прикусила губу. Она растеряла весь свой гордый вид и стала похожа на ребенка, пойманного на проступке. Только все перечисленное совсем не сопоставлялось с детским озорством. Речь шла об огромном уроне и потерянных жизнях. Девушка выпустила руки брата и теперь сидела съежившаяся на своем камне. Но вопрос требовательно повис в воздухе, заполнив собою все пещеру. Все ждали ответа. И принцесса произнесла тихо, даже немного робко:

– Этим... Этой... силой... Мне еще нужно научиться управлять. Сложно, не всегда получается подчинить себе... Нужно время, и тогда все жертвы будут оправданы великой победой...

– Ты хоть помнишь лица тех, кого подожгла в азарте охоты?! – уже строже спросил Велимудр.

Принцесса подняла на него взор и не смогла ничего ответить...

– Так хоть скажи мне, – продолжал наседать Велимудр. – Нынче начало осени. Ты обрела свою новую «силу» в начале лета. Срок прошел небольшой, но и не малый. Многому ли ты смогла научиться? Стал ли твой дракон лучше подчиняться тебе, чем раньше?

Велимудр смотрел на свою подопечную суровыми угольками глаз. Никто в Зеленой Тверди не мог выдержать взгляд этого старого мудреца. Не смогла и Златовласка. Девичьи щеки запылали.

– Златовласка! – прорычал ведун. – Дракон не подчиняется тебе и не подчинится! Скорее наоборот. Он растет, становится сильнее, и однажды полностью поглотит тебя! Говорю вам, настанет день, когда дракон не превратится обратно в принцессу!

Последняя фраза прозвучала, как медвежий рык и оглушила всех. Девушка вдруг резко вскочила на ноги:

– Нет, Велимудр! Ты не можешь решать за Судьбу! Будет бойня, война грянет уже скоро! И мое призвание – спасти в той битве Восток! Мне предназначено было обрести особую силу. Я – милость Судьбы, сие было предрешено мне еще с рождения! Значит, я одолею любые сложности!

– Ты возгордилась принцесса, и в том твоя погибель! – встал в полный рост Велимудр, грозно отчитывая Златовласку сверху вниз. – Сила и милость заключались в твоей врожденной чистоте, в твоей глубокой вере! Настоящая мощь исходит от духа, а не от плоти. А дух крепнет от аскез и молитв! Ты же не удовлетворилась предназначенной тебе ролью молитвенной заступницы! Ты тяготилась скромно сидеть во дворце и молиться в храме. Возжелала другого пути. Пути воина! Ибо разуверилась, что Матушка Судьба защитит тебя. Ты решила взять все в свои руки! Ты лишилась смирения, лишилась веры, отвернулась от Судьбы. И потому нету в тебе больше прежней силы! А теперь путь твой ведет к погибели Северный Лес и тебя саму! Очнись, принцесса!

Златовласка нахмурилась. От нее снова стал исходить удушающий жар. Она рассердилась, но явно растеряла всю свою дерзость и гордость. Отвечала теперь уже спокойнее:

– Ты мудр, старче, в словах твоих есть доля правды. Но мое призвание живет именно в моем сердце. И сколько бы ты не смотрел в небыль, сколько бы не пророчествовал, лишь мне оно открыто в полной мере. Я – дочь короля Северного Леса. Воинская доблесть у меня в крови. Я всегда была суть огонь. И все произошедшее лишь явило мое истинное лицо. Да и другой надежды для нашего государства я не вижу. Чем предлагаешь защищать Северный Лес от полчищ западных уродцев, которые вот-вот нагрянут сюда?!

– Мудрецов ты превосходила... Все миры от горнего до тварного преклонялись пред тобой. А от интриг чернокнижников не убереглась, принцесса! – сокрушался Велимудр. – Потому что сердце твое чистое, а душа наивная, зла ни в ком не видишь. Ведь совратила тебя ведунья Майа, сама посмотри. Коль умерла бы ты, надежда Востока, – то злу на пользу. Коль стала бы неуправляемым драконом и громила бы эти земли – тоже врагу хорошо. А коль подчинится твой дракон какому чернокнижнику – так и вообще исход войны ясен! Одурманила тебя ведьма! А ты своим наивным сердечком доверилась!

Это был пат. Ведун ругался и отчитывал. Но принцесса ни в какую не желала соглашаться с тем, что ее поступок глуп. Она видела в драконе единственную надежду справиться со своим тяжким предназначением.

– Не о том ваш спор, – вдруг встрял Ратибор. – Что сделано, то сделано. Златовласка не желает, как я понимаю, отказываться от новой сути... Вопрос теперь лишь в том – что дальше? Раз она не хочет расколдовываться... Как моей сестре справиться с сим испытанием? Как обуздать ей драконью суть?

– Именно о том я и тревожусь больше всего! – выдохнул Велимудр. – Но наша юная принцесса заявила, что не желает ничьей помощи!

– А кто может помочь мне справиться, кроме меня самой? – иронично усмехнулась Златовласка. – Для того, чтобы добиться хоть какой-то власти над новой силой я и улетела на окраину государства в самое дикое место. И здесь борюсь с собою день за днем. Пока мне удается только сдерживать себя, когда гнев дурманит голову и дракон рвется наружу. Но стоит мне только обратиться в него, как я забываюсь... Все становится как в тумане, пока монстр не устанет от полета, охоты и рычания. Тогда мое тело начинает повиноваться мне. Немного усилий – и я снова становлюсь просто девушкой... Но с такой бедой не справятся помощники...

– Есть надежда найти на то управу, – интригуяще произнес ведун, хитро косясь на принцессу. Он явно ждал, чтобы девушка чуть присмирила гордыню и попросила участия помощников.

Златовласка проницательно посмотрела на старца.

– Не томи, старый хитрец, – ухмыльнулась принцесса, раскусив игру ведуна. – Коль найдешь такой способ, то тогда и помощи мне попросить будет не стыдно.

Ведун, добившись, наконец, от своей подопечной открытости и послушания, умиротворенно присел на камень. Принцесса тоже немного успокоилась.

– Есть в Зеленой Тверди один опытный ведун, заклинатель и дрессировщик всякого грозного зверья. Он бы мог помочь тебе, обучил бы справляться с драконом. Если кто сейчас и распутает сей сложный клубок, так это он.

– Коль есть такой мастер, – ответила Златовласка. – Да еще ты, сам Велимудр Горящий Меч, ручаешься за него, то я охотно!

– О, да, – радостно поддержал Ратибор. – Раз Златовласка не собирается избавляться от этих чар, мы должны сделать все, чтобы она, по крайней мере, научилась справляться с драконом. Осталась в живых сама и сохранила жизни других! Кто этот заклинатель и колдун? Где его сыскать?

– Это Велигор, – ответил ведун. – Придворный ведун Милрада, предводителя лучезаров и короля Серебристых гор.

– В Серебристые горы путь дальний и опасный, – задумчиво протянул Ратибор, взвешивая все за и против.

– Велигор возвращает и дрессирует огромных горных орлов для армии лучезаров. Кроме того, он самый опытный мудрый ведун лучезаров. Наставник молодых принцев уже несколько поколений. Вдобавок, его соплеменники чуть ли не единственные нынешние сторонники Северного Леса.

– Я согласна! – резко и без особых раздумий выпалила горячая принцесса. – Я хочу подарить Востоку надежду. Но пусть кто-то сначала подарит надежду мне...

– Да, пожалуй, дело того стоит, – заявил Ратибор, разные мысли крутились сейчас в голове принца, такие соображения, какие не всем положено бы знать. Свои дела были у Ратибора в Серебристых Горах, давно хотел он наведаться в те места и все ждал возможности. А тут сама Судьба настойчиво туда ведет. А потом принц обернулся. – Лихолов, ты обещал мне помочь в спасении принцессы за хорошую оплату. Нам предстоит пройти путь через недружелюбные земли, населенные двуличными людьми, черными жрецами и опасными тварями. Ты – опытный странник и по части нежити большой умелец. Так сможешь ли проводить берегиню Востока до самых Серебристых Гор?

Златовласка вздрогнула от имени «Лихолов» и взгляделась в Странника как-то по-новому, будто только что впервые заметила его.

– Коль оплатишь достойно, мой меч с тобой, – спокойно произнес Лихолов, прикидывая, что сия история становится не только прибыльнее, но и все сильнее завораживает его.

– И мой лук тоже с вами! – радостно крикнул Елисей, который сейчас вообще испытывал буйство эмоций. Он впервые за долгое время, наконец, увидел, что кто-то борется за Северный Лес, что надежда жива.

– Я всегда был верен тебе, мой принц, – поклонился Яговин, чувства которого прочесть было невозможно, ибо все выражение его морщинистого лица занимала только одна большая преданность. – Не отступлюсь и сейчас.

Разрозненные искры теперь будто объединились в единый пылающий факел.

– Добро! – завершил Ратибор. – Значит, завтра на рассвете выдвигаемся в густолесье, а потом отправляемся в сторону Серебристых Гор. Через прибрежные страны Колючего моря и Междуречья. И да прибудет с нами свет Матушки Судьбы!

Книга 2. «Сквозь сумерки»

Под жаром костра даже каменные сердца оживут.

«Когда-то мир пел песни. Восток пел о смысле, юг – о свободе, центр – о мудрости предков. В песнях из века в век жила память народная. Под эти распевы текла сила от пращуров к потомкам. Надежда и свет передавались из уст в уста. Так было почти везде. Кроме запада.

Там чья-то уродливая рука каждый вечер вспарывает брюхо горизонту и утаскивает солнце во мрак. Там не поют. Там не хранят воспоминаний. Потому как без песен не сберечь память. А где нет корней, там и лучу света не за что зацепиться. И мало западу было собственного безмолвия – возжелали они весь мир склонить к своей вере. Всех обречь на тьму и тишину.

Но на каждое лихо есть свой меч! Даже одна искра может послужить добру и разжечь пламя огромного костра.

Так гори! Коль есть в тебе хоть капля надежды – гори как искорка в ночи. А коли и нет уже надежды – все равно гори! Ибо миру нужен свет. И даже капля того света ярче целой бездны тьмы.

Если хоть один смелый человек однажды станет искрой, то зажжет сердца и других. Разгорится неудержимо единый костер доблести людской. Так воспламенится весь мир. И тьма отступит».

Из летописи Светобора – ученика Велимудра.

Глава 1. Покидая дом

Дружинники пели песни. Лилась по лесной чаще песня добрая, да под звон дорожных колокольчиков. Довольно быстро Лихолов устал от этого постоянного мурлыкания и перезвона. И утро восточинцы так встречали, и за обед благодарили высшие силы, и вечер так у костра заканчивали, да и просто в дороге могли затянуть свое.

Начало странствия было невыносимо скучным, и даже не предвиделось тогда путникам, какие сложные испытания ждут их за пределами Северного Леса. Знали бы – набирались бы сил, наслаждались бы покоем. Но Судьба интриганка никогда не играет в открытую.

Осень раскинула путникам навстречу свои мокрые холодные объятия. Дождь лил, не переставая. Так неудержимо, словно решил обрушить всю воду, что имелась в Зеленой Тверди, на голову отряду Ратибора. Дождинки скользкими змеями заползали за шиворот, старались добраться до самого сердца. Но напрасно — души смелые и преданные дурной погодой не сломить. Тем более, что боевой дух солдат странным образом воспрял от того, что сама берегиня востока, принцесса Златовласка, скакала меж них. Присутствие почитаемой принцессы вызывало у дружинников трепет и смелость одновременно.

Быстро обнаружили преимущества соседства с оборотнем дракона. Во-первых, вблизи нее никогда не было холодно. Она неведомым образом впитывала в себя все остатки тепла из окружающей природы. Путники ощущали себя словно рядом с грудой незатухающих углей. Во-вторых, всякая разная мелкая дурная шушера, вроде бродячего морока, даже не смела приближаться к драконихе. И от того вся дружина пребывала в относительной безопасности.

Но обнаружили и сложности. Дракон хотел есть. Очень много есть. Не меньше овцы или оленя в день. Никакие походные припасы не могли обеспечить такую кормежку. А потому каждое утро Велимудр укрывал отряд защитным заклинанием, а дракон улетал на охоту. В ландшафте Северного Леса ширококрылому змею не представлялось возможности охотиться нигде, кроме селений с пастбищами скота. И осознание то, что Златовласка по-прежнему продолжала громить собственные земли, поджигая в азарте охоты не только добычу, но и неповинных крестьян, очень удручало всех. Но путники жили сейчас надеждой поскорее покинуть родной лес и добраться до земли лучезаров, где был шанс получить помощь.

У Лихолова появилась возможность спокойно приглядеться к принцессе, которую он поручился сопроводить в сохранности до Серебристых Гор. В силу своего жизненного опыта, Странник отказывался легко поверить в чистосердечность северной правительницы. Он с азартом вглядывался вслед Златовласке, ожидая найти оттенки пороков, недостатки или хотя бы капризы. Королевские дочери обычно развращены богатством, влиятельностью, вседозволенностью. Так как же эта особа может быть такой вот чистенькой, как ее все считают? Коль оно так, может и солнце встает на Западе иногда? Выискивал с охотничьей пристальностью Лихолов, где же ее чернушечка? Где оборотная сторона? Где у сего наливного яблочка помятый бочок? Ибо не бывает людей одновременно и чистеньких, и умных, и богатых, и красивых — чтобы все в одном. Не такова была картина мира в голове Странника, обошедшего весь свет. Уж он-то на людей насмотрелся.

Но натыкался Лихолов только на благопристойную оболочку. Принцесса не хныкала и не жаловалась на неудобства в пути. Она смотрела не свысока на своих кметей, а даже наоборот, с какой-то сестринской теплотой. И самое зрелищное было в том, что девица не привыкла долго странствовать верхом. Уже к вечеру первого дня у нее ужасно болели ноги и спина. Дерзкая по натуре, Златовласка еще с детства частенько удирала из дворца покататься верхом по вольному лесу, так что наездница из нее была отличная. Да вот только она привыкла ездить в свое удовольствие, недолго, делая остановки. А тут – едь себе и едь весь день. Не так оно просто, как кажется. Поначалу кметям приходилось даже помогать принцессе слезать с лошади

на привалы – ибо ноги ее так затекали, что и двигаться было больно. На ляжках образовывались мозоли, ведь девичья одежда совсем неудобна для странствий. Так что каждый вечер Велимудр натирал принцессе ноги какой-то вонючей мазью. Но к вечеру того же дня на белой коже снова появлялись кровавые подтеки. Златовласка мучалась. Да только странно... Не хныкала с того и не жаловалась. Терпела молча.

Казалось, душа Златовласки такая же прямая и правильная, как ее королевская осанка. Но так ведь не бывает, верно? Лихолов пытался разгадать ее, как некую сложную головоломку.

Бывало, в детстве, когда Странник еще носил свое настоящее имя Арислав и жил в родных землях, ему попадались в руки разные интересные игрушки с загадками. Заезжие купцы из далеких южных степей привозили в Раздол много всякой всячины. А уж явиться на прием к королю и умаслить правителя диковинными подарками было делом привычным. Например, отец Арислава когда-то получил в дар особую кольчугу. Легкую, как перышко, но такую крепкую, что ее не брали даже выстрелы арбалетов. Конечно, разные интересные подношения перепали и двум сыновьям короля. Однажды это были фигурки для игры «танграм». Плоские многоугольники безмерно увлекли молодых принцев. До такой степени, что мальчишки даже передрались за них. Арислав с тех пор очень полюбил загадки. И всегда загорался нешуточным азартом, сталкиваясь с неприступной головоломкой.

Златовласка ныне встала в ряд с игрушками из его детства. Ее так же необходимо было разгадать. Где подвох? Где надлом? Да, по мелочи проглядывалось кое-что. Вроде гордости и некоторой вспыльчивости, благородного самодурства. Но для дочери короля это вполне сносно. Откуда же ему было знать, что не на то Лихолов смотрел. И не там искал...

Сама принцесса Златовласка испытывала полное замешательство относительно Странствующего Охотника. С одной стороны, этот странный человек взялся быть ее проводником и охранником – за что ему полагалась всяческая благодарность. Но с другой, делал он это не от чистого сердца, а за обещание достойной платы. Да к тому же девушку терзал гнев от мысли, что Лихолов мог бы получить приказ убить ее. И ведь так и сделал бы! От того между ними пульсировало напряжение. Но только вот странное дело... Это одновременно и изнуряло Лихолова, и забавляло, и даже все больше затягивало.

Так тянулись дни, пока отряд не приблизился к западной окраине Северного Леса – Багрянцу. В отряде разгорелся спор. Златовласке и Велимудру не стоило приближаться к городу. Во-первых, принцессу мог кто-то узнать. Во-вторых, еще не хватало направить дракона на такой важный пограничный пост.

— Но в то же время, — пояснял Ратибор, — нам было бы хорошо пополнить в Багрянце свои запасы. А мне заодно будет полезно потолковать с наместником города, князем Святозаром.

— Вижу, что-то тревожит тебя, при мыслях об этом городе... — заметил Велимудр.

— Да... — вздохнул принц. — Багрянцы беспокоятся. Все понимают, что враг с запада скоро нагрянет на порог. И первый удар, несомненно, придется именно на этот гарнизон. Наместник просит подмогу... Но треть нашего войска я думаю послать на границу с Раздолом в Южном Свете. Там тоже вот-вот может разразиться битва.

— Война Раздола с Северным Лесом? — удивился Лихолов. — Двух братских народов?

— Именно, — печально ответил принц. — В последние года наши отношения совсем испортились. В мраморном дворце свободно принимают чернокнижников... Нам такое очень не нравится, и отец открыто заявлял это в переписке с Беломиром. В ответ на что «дурной король» оскорбился, мол, лезем в их внутренние дела... Потом наши священнослужители прослышали, что многим храмам благочестия на юго-востоке нужна помощь. Их донимают иноверцы – травят, поджигают святилища, преследуют. А Беломир смотрит на все сквозь пальцы... Его будто устраивает, что в народе множится страх и растерянность. Наши верующие хотели поддержать собратьев. Набрался целый отряд добровольцев — молодых белых жрецов.

И они отправились в Раздол на помощь терзаемым храмам. Самоволкой, без спроса моего отца. Просто по зову сердца... Но это снова было воспринято дурным королем, как оскорбление. Он очень боится потерять власть – народ не любит его, все ждет возвращения старшего Арислава... Беломир от этого еще больше злобится и свирепствует – замкнутый круг. Вдобавок ко всему, купцы со срединных равнин стали бояться ходить в Раздол. Они добираются до Северного Леса и не идут дальше на юг, как было раньше. Тут нет вины Северо-Востока... Но Беломир считает, что это мы намеренно не пускаем к ним торговлю... Он заявляет, будто Северный Лес развязал торговую войну и хочет подчинить себе Юго-Восток... В общем, полнейший бардак. Недопонимание между нашими правителями, помноженные на безумство дурного короля – это просто беда...

— Беломир всегда славился хитрым умом, — вставил Лихолов, так как не мог поверить своим ушам. — Как может быть, что разумный человек совершает глупости, на пустом месте ссориться с соседями, да еще и напустил смуты?

— Дело не в нем, — отрезал Ратибор. — Это влияние при дворе черных жрецов. Им нынче позволено свободно проповедовать в Раздоле. Я думаю, эти-то мерзавцы и нашептывают Беломиру всякую гадость... Наверняка стараются рассорить два братских восточных народа. Ведь западу будет крайне удобно сначала разрушить наш союз (что они уже сделали), потом ослабить Северный Лес. Взять на том мою страну, а затем и юго-восток... В довершение всего, недавно нам донесли преданные люди, что Раздол обосновал большой военный гарнизон на границе с нашими землями в Предлесьи... так что и моему отцу пришлось отправить в южные окраины военный отряд... И теперь Северный Лес в ужасном положении. Мы разорваны на два фронта. Ждем нападений и с запада, и с юга от безумного соседа... В то же время внутри страны тоже началась смута – чернь пролезла в наши земли и терзает людей... Сегодня Северный Лес слаб, как никогда... Так что именно сейчас я должен держать всех воевод в едином боевом настроении. Каждого подбадривать, не давать приунуть. Отец уже не в силах, значит, должен я.

— Ты будешь мудрым правителем, когда придет твой час, — с уважением произнес Лихолов. — Слава тому королю, который радуется за боевой дух.

Принц с благодарностью кивнул и продолжил:

— Вот в такие мгновения жаль мне, знаете чего? Что Меч Истины, величайшая святыня Востока, да и всего мира, находится там, в Раздоле... Эх, был бы у меня такой меч, да прокатилась бы о том слава... Вот, тогда бы и дух боевой поднялся по всему Северному Лесу!

— Меч Истины многие пытались достать из подземелья, — вздохнул Лихолов. — Да никто из тех катакомб живым не возвращался. А есть ли он вообще?

— Конечно есть! — хором ответили и Ратибор, и Велимудр, и даже Яговин, державшийся чуть сзади. Вера восточинцев в ту святыню была неоспорима.

— Меч Истины... он... как последняя черта, — встрял в разговор Яговин. — Надежда на самый последний час, на самую безысходную битву. Не может быть, чтобы меча не существовало! Надежда должна быть. Просто должна! Иначе и в самой жизни нет смысла.

— Но тот меч хранится не у нас, — вздохнул Ратибор. — Пока врага еще нет на пороге, я должен разобраться с нашим драконом... Так что вернемся к делам насущным. Итак, предлагаю отряду разделиться. Я с дружиной и Лихоловом поеду прямой дорогой через Багрянец. Там расскажем прежнюю легенду, что сопровождаем Странствующего Охотника за пределы Северного Леса. Сможем пополнить запасы, да еще и подбодрить наших пограничных кметей. А Златовласка должна сделать крюк по бездорожью и пройти малонаселенными землями, чтобы обогнуть Багрянец и уберечь такой большой город от драконьего огня. Пусть с принцессой идут Велимудр и Елисей. Старому ведуну нехорошо мелькать с моей дружиной. Мало ли какие слухи поползут. А про Елисея и вовсе никто ничего не знает. Зато парень хорошо стреляет и не даст вам пропасть в лесу. Я задержусь в городе на три дня. Вам как раз хватит времени, чтобы дойти до пограничных пустырей и ждать нас там.

Так и сделали. Условились встретиться все у Медвежьего озера, что на тракте до Нордуона. Разделились за день пути до Багрянца. Златовласка в сопровождении Велимудра и Елисея свернули тропами чуть южнее. И поехали втроем дальним путем в обход больших городов. А остальные выбрались на прямой тракт и поскакали в Багрянец.

Громадная крепость грозно нависала над выездом из Восточных земель. Ее намеренно выстроили внушительной и хорошо оснащенной оружием. Гарнизон кметей всегда дежурил в этих стенах, готовый по первому приказу выдвинуться в бой с неприятелем. Западный вход в город сторожили каменные великаны в виде двух богатырей с щитами и мечами. Эти статуи вытесали такого огромного размера, что они были выше даже пяти домов, поставленных друг на дружку. А неприступные ворота и стены будто говорили: здесь начинаются земли суровых воинов, которые себя не дадут в обиду. В то же время к простым купцам Багрянец был всегда благосклонен. Лишь бы приезжали с миром.

Лихолов не был унижен темницей, но все же был лишен свободы. Он безвылазно сидел в крепости и не мог гулять. Только наблюдал из окна за жизнью города. Как-то вечером его зашел проведать Ратибор.

— Меня восхитила ваша крепость, — сказал Лихолов. — Она отлично укреплена со всей воинской изобретательностью. За зубцами укроется на широкой стене по пятеро человек.

— Благодарю, Странствующий Охотник, — отозвался принц. — А если бы ты был на моем месте? Был принцем Северного Леса... Что бы ты сейчас делал?

Лихолов настороженно нахмурился. Неужто принц вовлекает его в какой-то разговор-ловушку?

— Ну, тратил ли бы ты время нынче на спасение сестры? Ведь это всего одна жизнь против многих... Или занимался бы укреплением своих крепостей?

— Это тяжелый выбор, принц... Спасая сестру, ты даешь надежду и своему народу. Если дракон станет управляемым, это действительно придаст сил твоей армии. Это если рассуждать по-королевски. А если говорить по-человечески... То и тут я с тобой согласен. Я бы не смог убить сестру или брата ради блага своей страны... Поэтому я и не король, — усмехнулся Лихолов.

— Ты не король, — задумчиво протянул Ратибор. — Но рассуждаешь, как человек очень мудрый и сведущий. Тебя кто-то хорошо воспитал, это очевидно. Ты из какого-то великого рода, я чувствую.

Принц испытующе смотрел на Странника, а тот ответил грозным взглядом.

— Многое в тебе мне кажется занятным, — продолжил Ратибор. — Во-первых, ты говоришь на восточном языке очень хорошо. Только с южным акцентом, как в Раздоле. Изъясняешься свободно, как на родном языке... Но происхождение свое скрываешь. Во-вторых, ты разумно оцениваешь все кругом. В том числе и королевскую судьбу. А каков ты воин уж и говорить не нужно... Неприкаянный раздолец, отлично образованный во всем: от воинского дела до наук... Странные выводы напрашиваются у меня на твой счет, Лихолов. Разреши мои сомнения? Кто же ты на самом деле?

— Я — Лихолов Странствующий Охотник. А все остальное для дела не важно, — сухо отрезал Странник и замолчал с таким видом, что было ясно: больше он не скажет ни слова. Но самому же стало тревожно. Кажется, Ратибор вот-вот разгадает тайну происхождения Лихолова.

Следующие дни пролетели быстро.

Все бы ничего... Если бы Лихолова опять не посетил тот же дурной сон. Снова терзал его во сне голос пещеры, и блеснул где-то металл живой. Душа, заточенная в стальную плоть, шептала: «Не туда! не туда ты едешь, Лихолов! Все дальше ты от меня. А ведь жду тебя! Ох, как жду! И время остается все меньше!». Тут Странник спросил: «Кто заточил тебя?». И странное существо отвечало: «Правда меня пленит. Долг меня держит. Освободителя жду. Жизнь

моя — праведный бой. Мучение мое — сон.» Так и снова проснулся Лихолов. И на этот раз уже не отмахивался. Станный сон стал слишком навязчивым. Чтобы он мог значить? Нет разгадки... Может само все скоро прояснится? Может долг тянет или вина?..

Дружинники отдохнули положенный срок. Пополнили запасы, якобы в обратный путь, подлатали и заменили одежду. И двинулись дальше. Громадина каменной крепости с тревожным скрежетом ворот выпустила отряд из родных земель. Теперь Отец Лес остался за спиной. Впереди раскинулись пустующие земли. А за ними — недружелюбные чужие редколесья, поля, озера. Где-то впереди бурлило море. Настолько холодное, что его называли «Колючим». Воздух уже доносил до путников особую влажную холодцу его ветров, но самой синевы пока еще не было видно.

Между тем Златовласка, Велимудр и Елисей ехали три дня почти молча. Принцессе не особо хотелось делиться со всеми подряд своими мыслями и чувствами, тем более с простым охотником. Велимудр вообще любил тишину. А Елисей чувствовал, как в нем что-то бурлит. Он ехал на своей кобыле позади Златовласки и изумлялся. Тому, что невообразимо прекрасная лесная осень уступает в очаровании принцессе. Даже самого черствого человека умеет багряно-золотая пора умилить своим великолепием. Но в глазах Елисея вся окружающая красота просто сливалась в блеклое пятно, становилась тусклым фоном для Златовласки. Когда принцесса проходила мимо, юноша невольно задерживал дыхание. Он словно боялся, что если выдохнет, то пылинкой улетит прочь. Каждый раз, когда принцесса собиралась спуститься с коня, Елисей хотел подать ей руку или как-то помочь. Хотел... Но ни разу не решился... Не смел и лишнего слова сказать. И просто молча замирал, краснея от макушки до пяток... Юный охотник и старый ведун хорошо чувствовали лес. А с драконихой они могли передвигаться спокойно — никто их не трогал. Так путники добрались до остальных точно в срок. Отряд снова воссоединился, чтобы теперь скакать навстречу опасностям вместе.

Велимудр и Рагибор долго совещались по поводу маршрута дальнейшего странствия. Самым быстрым способом было бы путешествие на корабле по Колючему морю, а дальше по реке до столицы лучезарских земель. Однако денег на целый корабль у принца с собой не имелось. Поэтому пришлось придумать сухопутную дорогу. Ведун увещевал, что по всей Зеленой Тверди еще пока есть храмы Матушки Судьбы, где верных исповедников своей религии всегда примут на постой. Так и порешили: теперь путь дружины лежал до ближайшего храма благочестия в портовом городе Виндстар королевства Нордуон. Для безопасности решили следовать не главным широким торговым трактом, а старой обходной дорогой. Ибо там Велимудр предполагал встретить меньше сторожевых башен с солдатами, значит, и меньше лишних допросов будет. Вот таким образом и сложилось, что отряд поехал по малонаселенным окраинам Нордуона. Однако же, лет эдак пять назад, когда ведун Велимудр странствовал здесь в прошлый раз, даже эти пограничные земли пестрели крестьянским деревушками. Люди здесь, по памяти ведуна, жили сыто, так как в теплое время собирали с полей зерно и много рыбачили то в речушках, то в недалеком море. Многие продукты умели славно засаливаться, засушиваться и всячески сберегаться так, чтобы с приходом холодов жить в довольстве. Путь через такие земли представлялся не самым сложным. Ох, если бы только знал Велимудр, как он ошибался! Изменился мир. А тех, кто это еще не понял, ждет беда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.